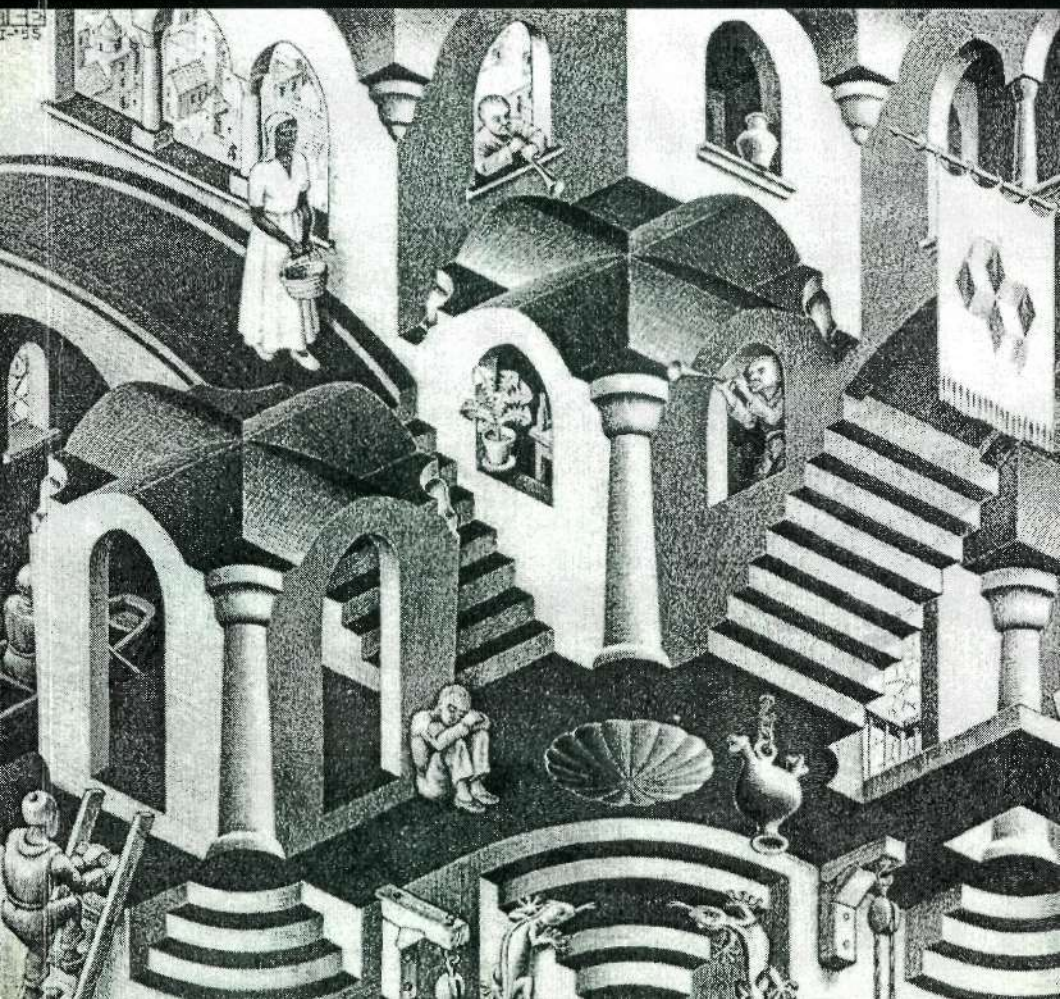

88.5
B 19

Г.Н.ВАСИЛЬЕВ, В.Н.КЕЛАСЬЕВ

САМООРГАНИЗАЦИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ:

ПСИХО- И СОЦИОГЕНЕЗ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. КЕЛАСЬЕВ

САМООРГАНИЗАЦИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ:
ПСИХО- И СОЦИОГЕНЕЗ

Издательство С.-Петербургского университета

2003

ББК87.3
В 19

Рецензенты: д-р филос. наук *Р. А. Зобов* (С. -Петерб. гос. ун-т),
д-р социол. наук *В. А. Дронов* (Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С. -Петербургского государственного университета*

Васильев Г.Н., Келасьев В.Н.

В19 Самоорганизация целостности: психо- и социогенез. СПб.
Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. — 204 с.
ISBN 5-288-02842-7

В работе рассматриваются некоторые новые подходы к разработке теории психо- и социогенеза. Исследуются движущие силы порождения таких форм психогенеза, как качества отражения и самоотражения, эмоционально-оценочные процессы, мышление, явления сознания и другие формы психической активности. Изложение ведется в рамках понятийного аппарата, позволяющего синтезировать объективную и субъективную сферы в живом. Движение понятий в представленной концепции раскрывает фундаментальные механизмы психо- и социогенеза, черты, характерные для всякой целостности. Построена обобщенная модель целостности, раскрываются механизмы ее активности.

Для студентов, преподавателей и специалистов в области психологии, философии, социологии, а также всех, кто работает над проблемой человека.

Тем. план 2002 г., № 8

ББК87.3

ISBN 5-288-02842-7

© Г.Н.Васильев,
В.Н.Келасьев, 2003
© Издательство С.-Петербургского
университета, 2003

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни все острее ощущается исчерпанность теоретико-методологического аппарата исследования явлений психо- и социогенеза, и поиск новой методологии приобретает особую актуальность. В связи с этим естественным представляется обратить внимание на самоорганизационный подход, представляющий новые возможности в плане такой методологии.

Хорошо известен всплеск интереса к проблематике самоорганизации в 60-70-е годы XX в. Однако исследование данного понятия не было подкреплено глубокими философскими обобщениями и принципами и вследствие этого столкнулось со значительными трудностями. Науке и философии не удалось выйти на уровень универсальных категорий, которые позволили бы глубоко постигнуть суть самоорганизации. Поэтому развитие данной области исследования привело к образованию лишь суммы разобренных подходов, методов, воззрений, сформировало научное поле, обладающее большими пробелами. Склонность к узконаучным подходам затруднила появление в этой области философских, общенаучных, универсальных принципов и построений. Такова, в общем-то, судьба многих новых оригинальных идей и представлений в науке.

На определенном этапе своего развития они исчерпывают начальную методологию своего развития. Так обстояло дело с общей теорией систем, кибернетикой, теорией автопоэзиса и другими научными построениями. Обнаруживаются многочисленные препятствия к дальнейшему движению вперед, что связано с отсутствием четких ориентиров развития в данной области.

Подчеркнем, что в настоящее время исследование сверхсложных, динамических, развивающихся систем типа психики, явлений психо-, социогенеза требует обратиться к новым существенным аспектам самоорганизации, — ими в контексте развиваемого подхода выступают процессы согласования, совмещения, базирующиеся на новом понимании целостности и приводящие к формированию новых качеств,

выступающих аналогами явлений психики. Потенциал вводимых понятий при этом таков, что позволяет отразить наиболее невидимую, скрытую сторону взаимосвязи процессов материальных и собственно психических.

На разработку новых понятий, движение которых способно отразить наиболее невидимую сторону процессов, разворачивающихся в живой материи и приводящих к порождению явлений психики, построению объединяющей их теоретической конструкции, и ориентирована предлагаемая работа. Далее положения концепции распространяются на явления социогенеза, идет поиск инварианта в явлениях психо- и социогенеза, предлагается вариант самоорганизационной концепции социогенеза. Подчеркнем, что данная работа является продолжением и развитием следующих работ: *Келасьев В.Н.* Структурная модель мышления и проблемы генезиса психики. Л., 1984; *Васильев Г.Н., Зобов Р.А., Келасьев В.Н.* Человек: генезис духа. СПб., 1994; *Васильев Г.Н., Зобов Р.А., Келасьев В.Н.* Проблемы индивидуального и коллективного разума. СПб., 1999. Но прежде всего она является продолжением работы *Самоорганизация: психо- и социогенез* / Под ред. В.Н. Келасьева. СПб., 1996.

Глава 1

О МЕСТЕ РАЗВИВАЕМОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ

1. 1. КРАТКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РАЗВИВАЕМОГО ПОДХОДА

Сейчас за понятием самоорганизации скрывается обширная область исследований, интересующая представителей самых различных дисциплин. Помимо попыток построения общей теории самоорганизации представители каждой отрасли знания предлагают свои варианты соответствующих более частных теорий.

Цель данной работы— построение самоорганизационной концепции психогенеза и на этой основе поиск инвариантов в явлениях психо- и социогенеза. Самоорганизационный подход считается, <ак известно, одним из наиболее перспективных в современной науке. Он давно уже вышел за рамки естественнонаучных дисциплин и проник в гуманитарное знание. С ним связываются надежды на прорыв в наиболее скрытые, неочевидные свойства и закономерности порождения самых разных свойств и проявлений живого, включая человека, его психику.

В данной работе самоорганизационный подход базируется на нетрадиционном понимании целостности, самоорганизация понимается как совокупность процессов, порождаемых входением в целое и выражающихся в виде тенденции к совмещению. Эта тенденция, накладываясь на исходное разнообразие сторон живого, порождает согласующие их новые качества в виде разнообразных отражений и савио-отражений живым себя, эмоционально-оценочных процессов, функций преобразования, выявления общего и др. Сформировавшись, эти качества оказывают обратное влияние на проявление возможностей живого, регулируя его активность.

Мы исходим из посылки, что эти функции, вообще все качества, свойства психики выступают итогом самоорганизационных процессов, развертывающихся на протяжении эволюции живого. Наука дажно требует ответа на вопрос, под действием каких причин, противоречий

в живом возникает мир психики, берущий на себя функции управления активностью живого? Почему в живом недостаточным оказался мир только объективных материальных процессов и над ним сформировался субъективный мир психики? Что предопределило ее появление?

Каковы движущие силы психогенеза? В каком механизме материализован тот невидимый гомонукулус, который на протяжении эволюции формировал психику? Можно ли вообще подходить к пониманию самоорганизации на уровне психогенеза только на базе сложившихся рационалистических методов и представлений? Или мы должны признать, что безрезультатность длительных усилий ученых объясняется заикленностью на чисто рационалистических подходах, что необходимо дополнить их чем-то иным? Тогда в чем суть такого дополнения?

База всего происходящего в живом — это, конечно, объективные, материальные процессы (никто еще не смог зафиксировать психику вне этих материальных процессов). Но над материальными процессами надстраивается мир психики со своими закономерностями. И психолог хочет раскрыть механизм самоорганизации через выявление объективной базы порождения психики. Поэтому он стремится дать описание взаимосвязей материальных, вещественных процессов и процессов собственно психических, разорвать тем самым пока разделяющую их пропасть. Но ясно, что для этого нужен и некоторый новый метод, новый язык, позволяющий представить материальные и психические процессы как некоторое целостное образование. Метод этот не создать без формулирования общих принципов психогенеза, выдвижения нетривиальных гипотез о связи материального и психического.

Для построения концепции психогенеза нужна теоретическая конструкция нового типа. Движение понятий в ней должно, с одной стороны, показывать те объективные условия, которые предопределили появление психики, сделали ее появление в живом процессом закономерным и неизбежным, а с другой — представлять материальные и психические процессы в некотором единстве, показывать возможный характер их взаимосвязи. На создание такой конструкции и должны быть направлены усилия исследователей.

Создавать ее следовало бы, конечно, в рамках общей теории развития. Проблема, однако, в том, что такой теории пока не сложилось.

Как известно, наука пыталась сформировать общую теорию развития в недрах то философии, то психологии, потом стали уповать на

кибернетику, но и в рамках кибернетики теории развития, нужной для решения поставленной задачи, сформировано не было.

Существующий системный подход в контексте задач раскрытия закономерностей психогенеза тоже оказывается слишком бедным по содержанию. Пока с позиций системного языка элементов, связей (отношений, операций) о существовании генезиса таких сложных психологических реалий, как эмоции, воля, рефлексия, сознание, можно сказать мало конструктивного. Опираясь этим языком, трудно вообще раскрыть смысл психологических понятий (*Тихомиров, 1984; Келасьев, 1992*). Конечно, на базе системного языка хорошо моделируются материальные, вещественные процессы в живом. Но такие сложные реалии, как сознание, воля, чувства, субъективны по своей природе, предполагают признаки, выходящие за рамки возможностей языка элементов и связей. Поэтому и сохраняется пропасть между психологическими и системными понятиями. В этом смысле говорят о недостаточности системного языка.

В последнее время надежды на создание такой теории связываются с синергетикой, теорией автопоэзиса, теорией самоорганизации.

Базовые понятия синергетики — диссипативная структура, открытая система, порядок и хаос, нелинейность, бифуркация, аттрактор и др. С их помощью синергетика пытается прояснить смысл самоорганизации.

Самоорганизация может рассматриваться на физическом, биологическом, психологическом, социальном уровнях.

Но, по-видимому, здесь мы сталкиваемся с той же ситуацией, что и в отношении системного подхода: сохраняется пропасть между исходными синергетическими понятиями и понятиями психологии, социологии. Скажем, трудно ответить на вопрос о том, как можно применить такие основные понятия, как порядок и хаос, диссипативная структура, бифуркация, аттрактор в сфере психологической и социальной реальности, например для показа предпосылок психо- и социогенеза. Перенесенные в сферу феноменов живого из области физико-математических построений понятия обнаруживают явный недостаток содержательности и конструктивности. Они превращаются в метафоры, на основе которых возможны различные спекуляции. С точки зрения проникновения в суть процессов живого недостаточно конструктивной выглядит и оппозиция «порядок — хаос». В живом мы сталкиваемся не с взаимопереходом хаоса в порядок и обратно, а с более тонкими перестройками, связанными с мерой организации целостности. Синергетический подход к тому же не пытается учесть наличие в

живом принципиально различающихся слоев явлений (слой обмена веществ и слой явлений психики, качеств рефлексии, сознания, воли, которые выступают в роли центральных регуляторов активности живого).

Отчетлива все та же недостаточность синергетических понятий, необходимость их трансформации в соответствии со специфичностью живого.

Для построения самоорганизационной концепции психогенеза, как уже говорилось, нужна конструкция принципиально нового типа.

Что положить в основу такой конструкции? Априори ясно, что для ее создания потребуются «встречное» движение психологического, синергетического, системного, философского знания. С нашей точки зрения, в ее основу целесообразно положить новое понимание целостности. Под *целостностью* в контексте данной работы мы понимаем образовавшиеся из Универсума в результате самовыделения и доступные нашему восприятию феномены, представляющиеся едиными и сохраняющимися в своем существовании. Самосохранение целостности обеспечивается за счет представленности в ней разнообразия качеств. Это общее определение целостности далее будет конкретизироваться.

Наиболее ярко свойство самовыделения представлено в объектах живого. При этом целостность не является чем-то отдельным от Универсума. Она является сложноорганизованным, многоуровневым сгустком Универсума, уходящим своими корнями в его глубины.

Целостность, с одной стороны, существует в Универсуме, «выкачивает» из него потенциальные возможности материи, а с другой — сама является доступным нашим восприятию результатом саморазвития и самореализации Универсума. Подобная дуальность целостности и Универсума позволяет говорить об извлечении целостностью из Универсума тех потенциалов и возможностей, которые позволяют ей образовывать в себе ряд важнейших новых качеств. Эти качества являются основой ее развития и являются жизненно необходимыми для ее существования. Взаимодействие с Универсумом позволяет говорить о том, что целостность все время находит в нем нужное ей для самостроительства, самосозидания, самоупрочения. Движущая сила такого самостроительства — в тех тенденциях, которые обнаруживаются в самой целостности.

Пока подчеркнем, что наука о живом рассматривала в качестве своих объектов именно целостности — начиная от клетки и заканчивая человеком и обществом. Постигание целостности во всем ее объ-

еме, разнообразии свойств является основной задачей науки. Редукция же целостности к объекту или представляющей его системе всегда ведет к потере полноты и глубины феноменов живого.

В центре данного подхода ставится именно целостность во всем объеме ее качеств. В этом отличие намечаемого подхода от существующих. Целостность, помимо вещественных материальных процессов, включает в себя и разнообразные отражения и самоотражения, преобразовательные способности, качества условных завершающих оценок, памяти. Она движется в среде, преследует свои цели, ищет пищу, ее объективные потребности трансформируются в субъективные качества эмоций, побуждающих ее совершать поведение. И требуется такое описание, такие модели целостности, которые показали бы ее во всем объеме качеств.

Конечно, в настоящее время едва ли не каждая дисциплина устами своих представителей заявляет, что она реализует целостный подход. Скажем, психологи говорят о целостном подходе к изучению психики, биологи — о целостном подходе к изучению организма, социологи — о целостном подходе к изучению общества и т.д. Но при этом каждая дисциплина делает акцент на «своей» группе качеств, и целостность в общем виде исчезает из поля зрения исследователей, не раскрывается. До сих пор не определено, что такое целостность вообще. А ведь без определения набора характеристик, предполагаемых любой целостностью, дальнейшее продвижение в этой области затруднено. Нужна модель, раскрывающая понятие целостности вообще, представляющая ее в наборе определенных характеристик. Такая модель будет интересна и биологу, и психологу, и социологу (изучающим целостности).

При этом, в отличие от имеющихся подходов, мы идем от реальных целостностей, от объектов живого как обладающих высоким разнообразием и сложностью высокодинамичных, изменчивых, самоорганизующихся, т.е. вовлеченных в процесс развития ступков Универсума. Движущая сила их развития — в тенденциях, которые обнаруживаются внутри самих этих целостностей и их взаимодействиях с Универсумом.

Таким образом, для реализации намеченного подхода мы должны от сложившихся системных или синергетических подходов, рассматриваемых как способы мышления, видения мира, переходить к неко-

тому новому целостному восприятию мира.¹ Эта проблема по своей сути является методологической. Мы ставим задачу изменения самого метода постижения живого. С его помощью мы хотим приблизиться к специфике объектов живого. Пропasti между психологическими, социологическими категориями и понятийным аппаратом теории систем, синергетики без этого нового метода не преодолеть.

Естественно при этом идти от той посылки, что база всего происходящего в живом — это, как уже говорилось, именно объективные, материальные процессы. Поэтому для разработки нового подхода нам сначала понадобится модель собственно материальных, вещественных процессов. Это группа процессов, которая есть в целостности, представляет базу ее существования. Модель материальных, вещественных процессов мы связываем с понятием динамического целого (подробнее см.: *Келасьев, 1984*).

1. 2. ДИНАМИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

Итак, понятие динамического целого (ДЦ) рассматривается как некоторая модель слоя материальных, вещественных процессов в живом. Теоретически очевидно, что психика возникает именно на базе определенных объективных характеристик живого и должна выводиться как нечто производное от них. Но что в живом может быть выделено в качестве материальной базы для порождения психики?

Известно, что живое существует в форме непрерывного обмена веществ, переноса энергии, разнообразных физико-химических взаимодействий, усвоения и выведения элементов, включения их в определенные связи и др. Жизнь — непрерывный динамизм, самообновление: структуры; можно сказать, что существование живого основано на процессах, отраженных в понятии ДЦ.

ДЦ — это определенные элементы, объединенные ходом связей. Непрерывная «скрепленность» элементов связями и порождает ДЦ. Вопросы образования ДЦ подробно изучаются в теории возникновения жизни (*Эйген, 1979; Эйген, Винклер, 1972; Эйген, Шустер, 1982 и др.*). «Элементы объединялись между собой более сильными связями и взаимодействиями, чем с остальными: те и становились средой», — пишет В. Н. Кремянский (1977, с. 125). По тем или иным причинам

¹ Сказанное не означает, что мы отвергаем указанные подходы. Речь идет лишь о необходимости их обогачения, усложнения и развития в соответствии с высокой специфичностью живого.

происходило локальное усиление взаимосвязи определенных групп элементов, внутренние связи ряда элементов становились сильнее внешних (осуществлялось их обособление от среды). За счет ряда условий реальностью стало ДЦ, появилась эта скрепленность элементов динамическими связями, делающая возможным само возникновение живого. Живое, существуя, стало выступать в форме устойчивого обособленного целого. Эта сохраняемость связей, их длительность, устойчивость стали той основой, на которой возникло не только живое, но и его «настройка» в виде психики. Понятие ДЦ подробно разработано нами в предшествующих работах (*Келасьев, 1984*), там же сформулированы требования к элементам, делающие возможным существование ДЦ. За счет структурной избыточности, сложности ДЦ обладает предпосылками изменения формы, конфигурации (при общем сохранении себя), способностью к движениям, контакту со средой, определенными возможностями в отражении свойств среды и др.

ДЦ является системой, теоретическим построением. За понятием ДЦ стоит особая среда высокоактивных соединений, носящая в себе возможность накопления, преобразования энергии, передачи ее, перераспределения. Можно сказать, что в понятии ДЦ представлены системный, кибернетический, биологический, а также и биохимический уровень рассмотрения материально-вещественных явлений в живом. Выражение данного круга исследований на языке системного метода весьма распространено и уже дало свои результаты. Примерами такого подхода к явлениям жизни служат многочисленные модели процессов в живой клетке, организме, популяции, понятие гиперцикла Эйгена (*Эйген, Шустер, 1982*) и др. Ясно, что ДЦ является обобщением, теоретическим построением, суммирующим в себе основное многообразие системных, биологических, кибернетических исследований по проблеме в последнее время. Можно привести немало публикаций, концепций, которые с некоторой максимальной общей точки зрения развивают понятие ДЦ, укладываются в многообразие системных, биологических, кибернетических исследований по проблеме в рамки этого понятия.

Однако для выхода на уровень психогенеза нам важно отправляться не от этих более или менее очевидных характеристик, а от неявных, более скрытых. Речь идет о характеристиках, имплицитно присущих целому.

1. 3. ВХОЖДЕНИЕ В ЦЕЛОЕ И ПОНЯТИЕ УСЛОВНОЙ СФЕРЫ

Теперь следует обратить внимание на то обстоятельство, что любой элемент ДЦ всегда существует в рамках целого. Учет этого факта позволяет нам выйти на качественно новый уровень. Именно учет факта вхождения элементов в целое создает возможность перехода от чисто объективного уровня, описываемого традиционными системными понятиями, к более специфическим понятиям психологии, которые мы будем отражать термином «условная сфера».

Под *условной сферой* мы понимаем формирующийся над слоем материальных, вещественных процессов слой качеств субъективного отражения себя и среды, эмоций, чувств, функций преобразования, памяти, установления общего. Это некоторые феномены, которые мы обозначаем понятиями самоощущения, самоотражения, оценочной разумности и др. Они выступают аналогом явлений психики и не могут быть сведены к явлениям материального, «элементного» слоя (описываемым традиционными системными понятиями). Это характеристики, имплицитно присущие целому.

На определенном этапе исследований под условной сферой мы понимали только эмоционально-оценочные процессы (*Васильев, Зобов, Келасьев, 1994, 1998; Келасьев, 1984*). Но по мере расширения концепции стало ясно, что и качества субъективного отражения себя, среды, преобразования, установления общего — иными словами, качества, порождаемые в целом, также должны быть включены в слой особых качеств, выступающих аналогом всего разнообразия явлений психики. Таким образом, термин «условная сфера» следует понимать как все многообразие новых качеств, порождающихся в целом. Эти качества выражают особую (необъективную) необходимость существования самой целостности.

Разумеется, условность на уровне эмоционально-оценочных процессов достигает максимума выраженности. Но и другие психические процессы также в значительной мере носят условный характер — например мышление, которое запускается и поддерживается побуждениями, мотивами.

Откуда появляется возможность вычленения (и известного противопоставления) этих двух сфер в целостности: условной и объективной? Из самой методологии исследования. Как ясно из вышесказанного, объективная сфера на первом этапе представлена понятием ДЦ. К ней мы относим те явления, процессы, взаимодействия, которые

открываются сознанию исследователя, когда факт вхождения в целое в значительной мере оказывается за рамками рассмотрения. Эти явления видятся исследователю в форме процессов обмена веществ, переноса энергии, взаимодействия составляющих изучаемого им объекта и т.д. Такие взаимодействия, связи — наиболее доступная изучению сторона явления. Здесь мы имеем дело с традиционным объективным методом, свойственным до сих пор науке. Методология рассмотрения явлений без учета вхождения в целое характерна для значительного числа наук — скажем, для физики, химии, математики. Но на базе такой исходной методологии заранее отбрасывается мир условного в живом. Поэтому для исследователей, которые чувствуют «отягощенность» живого миром условной формы (качествами самоотражения, самоощущения), методология рассмотрения явлений без учета вхождения в целое не может быть признана удовлетворительной. Среди таких исследователей следует назвать прежде всего психологов, которые изучают в основном мир условной формы и озабочены поиском связи этой формы с объективной стороной явлений в живом.

Поэтому, противопоставляя условную сферу объективной сфере, мы фактически противопоставляем две методологии: на базе учета вхождения в целое и без учета вхождения в целое.

В данной концепции базовой характеристикой, позволяющей сформировать представления о закономерностях генезиса условной формы в виде психики, является *принцип вхождения в целое*. Новая методология вырабатывается путем отталкивания от этого принципа и разворачивания на его основе системы понятий, отражающих все качества условной формы.

Конечно, можно сказать, что вся наука развивалась в направлении все большего учета фактора целостности. Заметим, что для дальнейшего рассмотрения удобно провести разделение живых целостностей и искусственно созданных систем. Примерами последних являются построения в теории систем, кибернетике, математике; к ним относятся и вышеприведенное понятие ДЦ. Будем различать живые целостности и искусственно созданные системы, поскольку мы исходим из положения, что живых систем нет. Система — это идеализация, нечто созданное человеком и выраженное в более или менее конструктивной форме, артефакт. Те феномены живой целостности, которые позволяют исследователю устойчиво выделять некоторые элементы, их связи и строить на этой основе систему, мы будем называть далее *составляющими целостности*, ее частями, компонентами.

Подобное изменение терминологии преследует необходимость подчеркнуть момент особой качественности живого. Принцип необходимости постижения реальной живой целостности во всем ее объеме носит, скорее, декларативный характер, принципиальное согласие с ним не поддерживается конкретными разработками и результатами. Это объясняется трудностью шагов в направлении к познанию реального целого. Перед наукой по-прежнему стоят такие проблемы, как возможность отражения целостности в неких продуктах интеллектуальной деятельности, создание ее обобщенной модели, конструктивной теории порождения новых качеств и соответственно их развития и др.

Тот факт, что в науке нет терминологического разграничения между системой-построением и природным прототипом, который, собственно, и «вызывает» это построение, пока весьма симптоматичен. Проблема преодоления пропасти между реальной целостностью и системой как бы скрывается, не замечается, чуть ли не вытесняется сразу, еще до стадии осознания. В науке царствуют системы, наука начинается с них и ими же заканчивается.

ДЦ является, как мы уже отметили, системой, теоретическим построением. В понятии ДЦ представлены системный, кибернетический, биологический, а также и биохимический уровни рассмотрения материально-вещественных явлений в живом.

Но уровень феноменов живого (относящихся к сфере условного) плохо отражается системным языком. Не случайно в существующих определениях жизни не представлены качества психики, сфера условного. Жизнь трактуется только с позиций биологических, биохимических, кибернетических, синергетических понятий и представлений — а этого недостаточно, ибо при таком подходе специфика жизни игнорируется. Не учитывается, что в ней, помимо материальных, вещественных процессов, представлен и слой качеств условной сферы. Очевидно, что при методологии, недостаточно учитывающей фактор вхождения в целое, многое при исследовании живого деформируется, а многое и просто упускается. Вот почему необходим поиск нового способа размышления и познания, который в большей мере соответствовал бы сложности такого явления, как живая целостность (*Васильев, Зобов, Келасьев, 1998*).

Поскольку понятие ДЦ — теоретическое построение, система, постольку оно уже понятие целостности, отражающее реалии живого за счет включения в себя сферы условного.

То, что для познания живого необходимо отражение целостности во всем объеме ее качеств, было ясно давно. Идеи Аристотеля о невозможности познания живого аналитическим расчленением его на части, виталистические представления, учения о Душе во всем их многообразии — свидетельства тому. Анализ сферы условного в развиваемой нами концепции является, по существу дела, продолжением поиска пути к пониманию целостности во всем ее объеме.

Представления, изложенные в главе 1, параллельно интерпретируются материалом параграфа 3.1, под иным углом зрения и с несколько иных позиций.

САМООРГАНИЗАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОГЕНЕЗА

2.1. ПРИНЦИП СОВМЕЩЕНИЯ

Мы начинаем разворачивать концепцию с принципа совмещения компонентов в целостности. Вхождение в целостность, принадлежность ей очевидным образом предполагают некоторую стыковку, согласование, объединение, интеграцию составляющих, частей целостности, подгонку их друг к другу, т.е. их совмещение. В итоге совмещения порождаются новые качества, интегрирующие компоненты живого в рамках целого. Под *совмещением*, таким образом, понимаются процессы, порождаемые вхождением составляющих в целостность и выражающиеся в необходимости их согласования между собой, что ведет к порождению ряда новых качеств. Состоять в целостности — это и значит предполагать такое объединяющее, согласующее начало в виде некоторых новых качеств. Любые включенные в целостность ее составляющие находятся в сфере тенденции к совмещению.

Развиваемый нами тезис состоит в том, что нет рассматриваемых самих по себе «элементов» — любые составляющие всегда входят в то или иное целое, а значит, находятся под влиянием тенденции к совмещению. Элементы вне целого («сами по себе») — это абстракция. Вхождение в целое в таком смысле первично по отношению к самим составляющим (именно оно определяет «облик» ее составляющих). Певческие, простейшие формы живого, возникнув некоторым образом из компонентов среды, уже были включены в сферу некоего целого, а значит, были в сфере тенденции к совмещению. Находящимся в целом составляющим «навязывается» необходимость совмещения, благодаря чему им и придается то или иное «воплощение».

Составляющие при этом не должны пониматься в сугубо структурном смысле, только как некоторые аналоги элементов. Синоним составляющей — это подцелостность, которая не может быть вырвана из целостности без разрушения самой целостности.

По поводу введения принципа совмещения целостности в аппарат строящейся концепции надо сказать следующее. Эта характеристика открывает новые возможности по сравнению с возможностями, которые есть только в рамках системного языка. С ее введением можно от элементарных системных понятий переходить к более специфическим понятиям психологии. Конечно, ДЦ можно было описывать привычным системным языком элементов, связей. Но непрерывность связей, охват ими элементов формирует сам факт вхождения в целое — а из вхождения в целое вытекает тенденция к совмещению. Заложенные в ней возможности, процесс порождения новых качеств расширяют язык элементов, связей. Принцип совмещения поэтому обогащает этот язык, выступает в качестве «переходного» звена между системными и интегративными психологическими понятиями. Однако эту характеристику и вытекающие из нее возможности долгое время «не замечали» ни психологи, ни философы, ни представители системных и синергетических дисциплин.

Согласно же развиваемым представлениям, именно вхождение в целое было движущей силой «невидимого» самоорганизационного начала, формирующего в живых целостностях условную сферу. Факт нахождения в целом (которым отягощено все живое) выступает своего рода «детерминирующей» тенденцией, под прессом которой находились все формы живого. Это тот невидимый гомонукулус, который осуществлял акт творения психики.

Причем тенденция к совмещению является универсальной, говорим ли мы о клетке, человеке, обществе — везде есть вхождение в целое. Составляющие любых форм живого находятся в сфере тенденции к совмещению. Ее, сами того не замечая, изучают представители самых различных научных дисциплин. Биохимик, скажем, изучает совмещение в форме процессов обмена веществ, явлений переноса энергии. Материальные составляющие такого сложного целого, как организм, в отношении друг к другу всегда характеризуются некоторыми неоднородностями, неравномерностями, и наблюдаемые биохимиком процессы обмена веществ, переноса энергий есть отражение идущего процесса совмещения этих неоднородностей, неравномерностей. Побуждает их к такому согласованию именно вхождение в целое.

Во всех этих формах живого есть базовый факт вхождения в целое, давление этого целого на составляющие, что создает необходимость их совмещения. Реализацию этой тенденции и изучают представители соответствующих дисциплин. Однако языки этих дисциплин

заопециализировались, стали вуалировать то общее, что есть в явлениях.

Тем не менее в понятийном аппарате ряда дисциплин уже отчетливо ощущается присутствие принципа совмещения. Скажем, ряд терминов психологии малых групп, психологии индивидуальности могут быть легко прочтены на языке совмещения. Так, понятие малой группы всегда предполагает общее групповое пространство, общую групповую деятельность — а это формы целого. В рамках этих различных форм целого находятся члены малой группы. Нахождение их в целом «подталкивает» к совмещению друг с другом (результатами деятельности, установками, позициями — самыми разными формами различий). Средством совмещения выступают акты общения, коммуникации. В результате порождаются групповые нормы, правила поведения (новые качества, обогащающие внутреннюю среду группы, ее членов).

Совмещение же очевидно, когда психологи говорят о приведении в соответствие черт характера человека с его способностями. Характер и способности всегда пребывают в рамках своего носителя — субъекта, что требует их взаимоадаптации, подгонки друг к другу, которые могут происходить на протяжении всей жизни человека.

Проблематика многих разделов психологии может быть «прочтена» на языке развиваемого подхода. Внутри и сложных и простых форм целостности проявляется универсальная тенденция к совмещению. Однако следует заметить, что на верхних уровнях организации живого (например, у человека) итоги, результаты процессов совмещения имеющимися механизмами самоуправления живого (например, вслевым усилием), могут корректироваться, тормозиться, терять свою выраженность. Или же части высокоорганизованных форм живого, обладая собственным «ликом», пытаясь себя сохранить, могут демонстрировать определенную инертность, «косность», сопротивление совмещению (чем выше уровень организации живого, тем сильнее может быть такое «сопротивление»). Разумеется, это не отменяет саму тенденцию к совмещению.

В контексте сказанного очевидно, что следует различать понятия целостности и целого, самого вхождения в целое. Целостность — более общее понятие, вхождение же в целое — одно из проявлений целостности, делающее акцент именно на принадлежности целому, из чего следует неизбежность совмещения.

Конечно, для реализации тенденции к совмещению целостность должна располагать и соответствующими материальными и энергетическими ресурсами.

2.2. ГРАНИ ФАКТОВ СУЩЕСТВОВАНИЯ, ОТЛИЧНОГО, ОБЩЕГО

На какие стороны составляющих целостности действует тенденция к совмещению, какими, образно говоря, гранями, сторонами они могут согласовываться, стыковаться друг с другом?

Как уже ясно из сказанного, составляющие в отношении друг к другу должны характеризоваться некоторыми неоднородностями, неравномерностями (которые требуются для зарождения процессов в живом). Чтобы между некоторыми составляющими возникло взаимодействие, необходимо их отличие друг от друга по самым разнообразным параметрам (они всегда могут быть у них выделены). Эти различия и должны характеризовать их в отношении друг к другу. Можно сделать вывод, что у рассматриваемых по отношению друг к другу составляющих целостности обязательно должно быть нечто *отличное*.

Вместе с тем у составляющих, рассматриваемых в отношении друг к другу, помимо отличного обязательно должно быть и нечто *общее*. Без определенной меры общего составляющие не смогут превращаться, переходить друг в друга, поддерживать взаимное существование и тем самым существование целостности.

Для выражения данных фундаментальных особенностей составляющих вводятся понятия граней общего и отличного. Будем говорить, что совмещение составляющих идет по граням общего и отличного.

Грани отличного и общего при отражении их в системе типа ДЦ получают выражение в понятиях отличного и общего ее составляющих. Таким образом, они относятся к понятиям объективистского типа.

Однако у составляющих целостности, помимо отличного и общего, можно выделить и третью, гораздо менее очевидную грань, которую мы будем называть грань *фактов существования*. Здесь мы начинаем характеризовать грань, которая без всякого преувеличения является центральной для развиваемой концепции (на ее базе возникают важнейшие звенья психики).

Предварительно заметим, что понятие грани фактов существования вводится пока, скорее, интуитивно (но данная работа предполагает апелляцию к интуиции, она построена на сочетании рационального и интуитивного подходов).

Попытаемся обосновать эту наименее очевидную и вместе с тем наиболее существенную грань. Речь будет идти о попытке охарактеризовать реальный механизм, осуществляющий ее вычленение.

Исходная гипотеза состоит в следующем. Составляющие, как говорилось, всегда находятся в рамках целого. На них «давит» само вхождение в целое, принадлежность целому. Это вхождение в целое требует порождения некоторого универсального качества, на базе которого составляющие могут объединяться друг с другом, некоторым образом уравниваться, согласовываться, «гармонизироваться». На каком уровне можно обнаружить порождение качества, на базе которого возможно их уравнивание, интеграция? Давлением целого процессы продвигаются к порождению интегрирующего их качества. Оно нужно, раз они находятся в целом. Вряд ли это качество можно обнаружить на уровне отличий составляющих. В описанном смысле различия скорее разъединяют составляющие, чем объединяют. Для такой интеграции непригоден аспект отличия: процессы в поисках объединяющего начала «проскакивают» мимо него.

Непригоден для этого и аспект объективно имеющегося общего. Дело в том, что между составляющими может иметь место невыраженность общего, доминирование отличного над общим, предельно низкий уровень общности (это затрудняет его выявление).

Но у составляющих не может не быть некоторого более универсального объединяющего их начала — самого факта их СУЩЕСТВОВАНИЯ. Они ЕСТЬ, СУЩЕСТВУЮТ — и это то, что объединяет их в рамках целого. Они уравниваются через факт существования. Все они ведут существование, наличествуют. И это то, что их объединяет. Давление целого требует обращения к уровню фактов существования. Его надо «пробудить», породить. Да, все составляющие — независимо от того, имеют или не имеют они такое объективное общее, — СУЩЕСТВУЮТ, объединяются фактом существования, тем, что ведут существование. Это именно объединяющее юс начало. Факт существования — новая пробуждающаяся реальность — принципиальной иной, не сводимый к объективно имеющемуся общему, отличному слой явлений, «возвышающийся» над отличным, общим составляющих ДЦ, отличающийся от них. Он порождается тем же вхождением в целое. В итоге формируются иные аспекты составляющих. Давлением целого требуется обращение к этому более универсальному аспекту фактов существования. Это давление целого в конце концов и обнаруживает, вычленяет факт существования. Он находится, становится востребованным, извлеченным из небытия (глубины универсума).

Объединение, согласование происходит через порождение фактов существования. Интегрирует то, что составляющие ЕСТЬ, СУЩЕСТВУЮТ. Эти качества в виде ЕСТЬ, НАЛИЧЕСТВУЮ, т.е. СУЩЕ-

СТВУЮ, уравнивают составляющие в рамках целого. Они связываются через этот универсальный факт существования.

Составляющие достигают объединения именно На уровне качества «СУЩЕСТВУЮ, НАЛИЧЕСТВУЮ, ЕСТЬ». Факт их существования является тем объединяющим началом, которое искалось. Достижение интеграции оказывается возможным только на уровне факта их существования (он востребован, а потому и порождается).

Факт существования становится реальным, именно востребованным необходимостью в интеграции. Ведь существование является универсальным эквивалентом вхождения составляющих в целое.

Давлением целого процессы продвигаются к порождению качества существования.

Под *фактом существования* понимается вычленяемое под давлением целого отражение универсального факта наличия, присутствия составляющей, т.е. самого факта ее бытия, которое является объединяющим началом с фактом существования другой составляющей.

Все составляющие «наличествуют», некоторым образом представлены, т.е. ведут существование в рамках целого. Реальность в виде «ЕСТЬ, СУЩЕСТВУЮ» — это уже, как говорилось, принципиально новый слой явлений в целостности, он программируется вхождением в целое, является его эквивалентом. Раз составляющие в целом, то они уравниваются через это универсальное качество «ЕСТЬ, НАЛИЧЕСТВУЮ». Вхождение в целое рано или поздно «вычленяет» эту сторону явлений, наделяет составляющие статусом существования.

Причем статусом существования обладают не только сами отдельно рассматриваемые составляющие, но и любые сложные свойства, проявления целостности, сама целостность. Ведь, проявляясь, свойства так или иначе отображаются, фиксируются целостностью, оказываются в рамках разнообразия целостности. Живая целостность — носитель ряда свойств, она может двигаться, контактировать со средой, делиться и т.д. Но как только эти интегративные свойства проявляются (в виде воздействий на среду, движений и т.д.), то они неизбежно в той или иной форме отражаются целостностью, становятся ее частью. Поэтому возникает необходимость совмещения их с целостностью или друг с другом — для этого необходимо опять-таки вычленение инвариантов, которые есть у них с целостностью или друг с другом. Иными словами, если есть целостность и эти свойства, то требуется порождение уравнивающего, объединяющего, согласующего их качества. А этим качеством может быть только то же качество

«НАЛИЧЕСТВУЮ, СУЩЕСТВУЮ, ЕСТЬ». Они снова уравниваются через факт существования, т.е. здесь аспект существования опять-таки выступает средством уравнивания и интеграции. Статус существования именно интегрирует свойства друг с другом, свойства с целым. Свойства и в отношении друг к другу, и в отношении с целым совмещаются опять же только на уровне фактов существования.

Таким образом, и сложные свойства и целостность наделяются статусом существования. Представляет его самостоятельное качество, смысл которого распространяется и на эти сложные свойства, и на целостность, и на ее отдельные составляющие (все они «существуют»). Выходит, что эти статусы, эти «огоньки» существования, — это то, чем наводнено живое изначально. Все живое (его составляющие, свойства), образно говоря, охвачено «огнем» существований. Сходные воззрения можно найти уже у Гераклита. Этот «огонь» существования выступает в качестве объединяющего отдельные составляющие, отдельные свойства, свойства друг к другу и свойства с целостностью начала. Все в живом поэтому наводнено этим «огнем» существований, все обретает статус существования, каждая клеточка, часть целостности «есть, существует, наличествует». Такая база распространяет вокруг себя определенные «флюиды», действия полевого или какого-то иного характера (мы не можем точно определить). Ведь если статус «ЕСТЬ, НАЛИЧЕСТВУЕТ, СУЩЕСТВУЕТ» — реальность, то он не может не генерировать какие-то действия. Действия навязывают себя среде, и начинаются более сложные взаимодействия.

Одновременно существование выполняет функцию отражения (существовать значит всегда отражать свое бытие). «Есть, наличествую» значит некоторым образом «представляю, отражаю себя». Существование — именно отражение имеющегося бытия.

Говоря о существовании, мы придаем ему какой-то основополагающий смысл, вводим его в аппарат нашей конструкции, всей строящейся самоорганизационной модели. На базе этого понятия мы рассматриваем зарождение условной сферы.

В рамках системного подхода, как и в синергетике, понятие факта существования в указанном смысле не разрабатывалось. Отсутствует понятие факта существования, а тем более грани факта существования, и у разработчиков систем искусственного интеллекта. Пропась между системой и целостностью проявляется при этом наиболее отчетливо (главное, что происходит в целостности, разворачивается именно на уровне фактов существования).

Грань фактов существования — это та вещь в себе, которая по-казывает пространство разворачивания, те потенции, которые нужны живому, это потенциальность глубины материи во всем многообразии возможных связей. Грань фактов существования — то мыслимое пространство, где разворачивается высвобождение всех качеств, особенностей материи, выкачивание целостностью из глубины своей собственной и из глубины материи одновременно всего того, что она в процессе самоорганизации и самореализации генерирует.

Соотнесение всех составляющих и целостности по факту их существования порождает массу свойств, качеств, проявлений. Грань фактов существования — база, которая лежит в основе порождения психики, субъективного мира, она то, чего нет в синергетике. Для того чтобы ее ввести, потребовалась опора на интуицию и, в конечном счете, особый тип мышления, отличный от стиля мышления представителей естественнонаучного знания. Нас интересовал вопрос: на базе чего зарождаются эмоции, качества самоотражения? И для ответа на него мы ввели понятие грани фактов существования. Следует иметь в виду, что для представителя естественнонаучного знания реальность — только то, что очевидно, что можно «пощупать», «потрогать». Однако грань фактов существования «не увидишь», «не пощупаешь». Мы с самого начала говорим о том, что скрыто в глубине вещей. Но говоря о разных типах мышления, мы подчеркиваем, что стоим на той же позиции, на которой стояли физики, когда они начинали проникать в микромир. Там тоже предпринимались попытки проникнуть в невидимое (так возникали теории теплорода или флогистона, правда, потом отодвинутые наукой). Это — необходимый этап осмысления мира в каких-то категориях чистого разума.

По поводу грани фактов существования нужно сказать и следующее. Существование вещей, явлений дается человеку как бы априори, сразу, буквально с момента рождения. Видимо, отчасти в силу такой непосредственной данности факт существования и не попадал в сферу внимания исследователей, не заслужил должного внимания к себе с их стороны. Для человека любые объекты, предметы априорно всегда **ЕСТЬ, СУЩЕСТВУЮТ**. Человек к этому привыкает, не задумывается над механизмами порождения этого фундаментального статуса вещей. А они непросты, выступают конечными продуктами процессов совмещения. Человек является носителем статуса вещей **«БЫТЬ, НАЛИЧЕСТВОВАТЬ, СУЩЕСТВОВАТЬ»**, потому что этот статус — средство их совмещения, уравнивания, интеграции в рамках такого целого, как он сам. Человек отображает объекты в великом множестве.

И уравниваются они через этот универсальный статус существования. Фундаментальное свойство «БЫТЬ, НАЛИЧЕСТВОВАТЬ» — именно средство совмещения объектов в такой целостности, как человек (субъект). Статус существования уравнивает их в рамках субъекта (в голове человека), выступает объединяющим началом. Они объединяются именно тем, что ведут существование. Они «СУЩЕСТВУЮТ, ЕСТЬ», и факт существования сближает, интегрирует их в рамках целого. Поскольку этот процесс носит всеобщий характер, захватывает все вещи, предметы (весь наблюдаемый человеком мир), далее он приобретает самостоятельное значение. В качестве такого общего свойства статус существования выступает для человека именно как нечто, данное априорно, как нечто, присущее всем вещам, явлениям. Да, все объекты «СУЩЕСТВУЮТ, ЕСТЬ». Но, как уже говорилось, именно выяснение причин появления этого общего статуса вещей представляется для анализа наиболее «крепким орешком». А так понятно, что вряд ли о чем-то можно вести речь, если оно «не существует».

Во всяком случае здесь изложен вариант объяснения причин порождения этого фундаментального статуса вещей. И этот механизм связывается с давлением целого на составляющие, поиском уравнивающего их начала.

На этом уровне более очевидно, что существование выполняет и функцию отражения.

Вне целостности все представляет собой только размытый хаос. Существование как таковое начинается под давлением целого. Когда мы говорим об организации, то предполагаем вхождение в целое, давление целого на составляющие, побуждающее вступать в связи, обрести статус существования. В этом отличие развиваемого подхода от подхода синергетиков.

Мы воспринимаем мир в виде каких-то существующих для нас образований и называем их целостностями. Самые сложные целостности — живые. Они наполнены фактом своего существования. Это важная особенность — она уравнивает все, что происходит в них. Одновременно это — порождение организации. Здесь начало этого ключевого для синергетики понятия. Повторяем: организация возникает под влиянием вхождения в целое, под давлением целого.

Каждая вещь, которую мы можем выявить в целостности, каждая составляющая обладает фактом существования. Она ЕСТЬ, как есть другая, третья (и т.д.) составляющие, и самим фактом своего бытия эти отдельные составляющие открываются друг для друга, взаимо-

действуют по грани фактов существования. Таким образом, факт существования — характеристика, обнаруживающаяся везде и повсюду в целостности, она — конечный эквивалент вхождения в целое.

Само же понятие грани фактов существования предполагает:

а) наличие сложного целого, без которого нет самой необходимости порождения факта существования, вычленения этой грани;

б) давление этого целого на составляющие, сложные свойства, возможности целого, в итоге чего и происходит самоорганизация, самостроительство целостности (это давление выступает в качестве своеобразного насоса, который выкачивает из глубин материи бесконечно заложенные в ней и нужные для самоорганизации свойства);

в) обретение в итоге этого давления составляющими, свойствами целостности, целостностью статуса существования — реальности, возникающей над уровнем ДЦ, которая пропитывает все стороны, проявления целостности.

Назовем вкратце ряд свойств, которыми обладает всякое существование.

1. Всякое существование — поскольку оно уже есть — обладает стремлением к самоподдерживаемости. Оно использует для этого все потенции целостности. Иными словами, существованию присущ импульс к самоупрочению, поддержке себя. А поскольку статусом существования, как говорилось, обладает и целостность, и ее составляющие, и сложные свойства, значит, все они стремятся к самоподдерживаемости, упрочению своего бытия.

2. Существование распространяет вокруг себя действия, «флюиды», преобразующие все под факт своего бытия. Целостность есть, имеется, поэтому она как бы задана, исходна, первична, непреложна — и под факт непреложности ее бытия подстраивается все происходящее в ней. Возможно, это одна из причин направленности эволюции — она осуществлялась в направлении, задаваемом самим фактом бытия целостности (как главного, доминирующего существования).

3. Между существованиями возможны силовые отношения.

4. Существование обладает свойством расширения, распространения из своего настоящего на прошлое и предполагаемое будущее.

5. Существования могут объединяться, образуя новое существование.

6. Основными типами отношений между существованиями являются отношения поддержки и отвержения. Скажем, между фактами существования организма и пищи, поступающей в него, имеется от-

ноление поддержки. Между же фактами существования организма и по лавшего в него яда — отношение отвержения.

7. Возможны и нейтральные отношения между существованиями, когда не ясно, поддерживает или отвергает одно существование другое.

8. Действия между существованиями передаются на основе определенных механизмов и могут быть как медленно протекающими, так и мгновенными.

Ограничимся сказанным и заметим, что детальное описание свойств существования, механизмов их реализации — отдельная исследовательская задача.

Но любое существование, функционируя, будет проявлять все прясущие ему свойства.

Обобщим пока сказанное о возможных типах отношений между составляющими целостности (рис. 1).

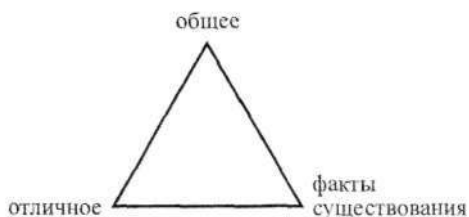

Рис. 1. *Разнообразие составляющих целостности (и любых ее свойств) в отношении друг к другу*

Как уже упоминалось, целостность самим фактом своего существования задает направленность всему, что в ней происходит. Она — реальность, в рамках которой все происходит. Целостность всегда имеется, наличествует, задана изначально. И эта ее изначальность «навязывает» себя всему происходящему (через процессы совмещения). Все находится «под прессом» наличия целостности. Первичность целого — тот самый «программист», который задает направленность процессам в живом. Они идут под диктатом целостности, ориентированы на ее сохранение, упрочение. Всякая целостность, как сформированная армия, которая «навязывает» себя тому, что ее окружает. Если вблизи появляется некоторый малочисленный, плохоуправляемый возный отряд, то она ассимилирует его, подчиняет факту своего бытия, своей структуре, правилам поведения. Эта же тенденция приводит

К тому, что из числа потенциальных связей, взаимодействий, которые могут возникнуть в природе, выбираются только те, которые нужны имеющейся целостности, она «вытаскивает» оттуда только то, что соответствует ее логике, задаче ее самосохранения. В итоге и происходит самоорганизация, самостроительство целостности. Мы наблюдаем целостности в этом их проявлении — мир нам дан в виде таким образом «хватающих» что-то из Универсума целостностей, «работающих» на самоупрочение, самостроительство, создающих себя таким образом.

Мы все время говорим о неизбежности процессов совмещения, порождения новых качеств, навязывании себя целостностью всему происходящему в ней, вычленении грани факта существования и т.д. Фактически термин «неизбежность» стал у нас рабочим, выступает в качестве метода рассуждения. Неизбежность здесь понимается в том смысле, что принимаются некоторые исходные положения, не противоречащие здравому смыслу, опыту исследований в различных отраслях знания. Так, всякий исследователь усвоил, что все, что имеется в целостности, должно некоторым образом совмещаться. Это положение мы и оформили в виде соответствующей посылки. Предполагается, что за ней стоит и реальный механизм во внутренней среде живого. Процессы совмещения ведут к порождению новых качеств, обогащающих эту среду. Если мы при этом принимаем и постулат о разнообразии граней составляющих — отличного, общего, фактов существования, на которые действует тенденция к совмещению, — то далее все следует действительно «неизбежно», автоматически. Процессы совмещения применительно к этим граням — как мы увидим далее — порождают все разнообразие условной сферы в целостности. Процессами совмещения это исходное разнообразие граней живого переводится в качественно новую форму — разнообразие звеньев психики. Мы не видим других вариантов их течения — и в этом случае говорим о них как о «неизбежных». Такое понимание «неизбежности» весьма распространено в науках о живом, проблематике психо- и социогенеза, исследованиях о человеке.

Вся самоорганизация в живом разворачивается под давлением таких «необходимостей», «неизбежностей».

Конечно, вычлененные в таком абстрактном виде движущие силы самоорганизации, как уже говорилось, непосредственно «не увидишь», «не потрогаешь руками». Но мы с самого начала говорили! — о том, что развиваемый подход нацелен на проникновение в наиболее невидимую, ненаблюдаемую извне сторону явлений. Порождаемые

качества принадлежат условной сфере, предназначены «для себя» (для целостности), именно не наблюдаемы извне, а раскрываются только в контексте с детерминантами целостности. Они как качества условной сферы ЕСТЬ только для себя, для целостности (но невидимы для внешнего наблюдателя). Конечно, они будут иметь некоторые внешние проявления, но облик их не будет совпадать с их сутью. Для познания таких предназначенных «для себя» качеств нужна новая методология.

Самоорганизация и есть порождение разнообразия, которое вытаскивается из мира под давлением целостности. Фундаментальный факт, который мы везде будем проводить, — это роль целого.

Можно поставить вопрос: если грань фактов существования — это уравнивающее начало для всех этих оформленных сущностей, сущестований, целостностей, то тогда что значит грани общего и отличного? Это нечто такое, что тоже лежит в глубине материи, и то, что целостность в своем развитии, самоосуществлении воспроизводит. С одной стороны, они все влияют друг на друга самими фактами существования, а с другой стороны, они порождаются неравномерно, не равномерно. В разнообразии, которое порождается целостностью, в этом вытягивании лежат эти две объективные грани. Она формирует составляющие, которые дальше или ближе находятся друг к другу.

Каково их соотношение? Если они отличны друг от друга, имеют разную природу в этом разнообразии, то, значит, процессы их совмещения будут приводить к конфликтам, т.е., в конце концов, к противодействию, к операциональной разобшенности. Если же они более сходны, то это будет некоторая их поддержка, хотя разница, с одной стороны, — разница, а с другой стороны, — сходство.

Для удобства ориентации в излагаемом материале обобщим структуру явлений в рамках строящейся концепции (рис, 2).

Далее эта структура будет трансформирована в более детально разработанные понятия самоорганизационного цикла, саморегуляционного комплекса.

В целостности могут оказываться и отрефлексированные результаты собственного поведения, поэтому их отражения, оценки влияют и на это собственное поведение, меняя, корректируя его. Такое самозменение предполагается сутью рис. 2 и далее развиваемым понятием самоорганизационного цикла.

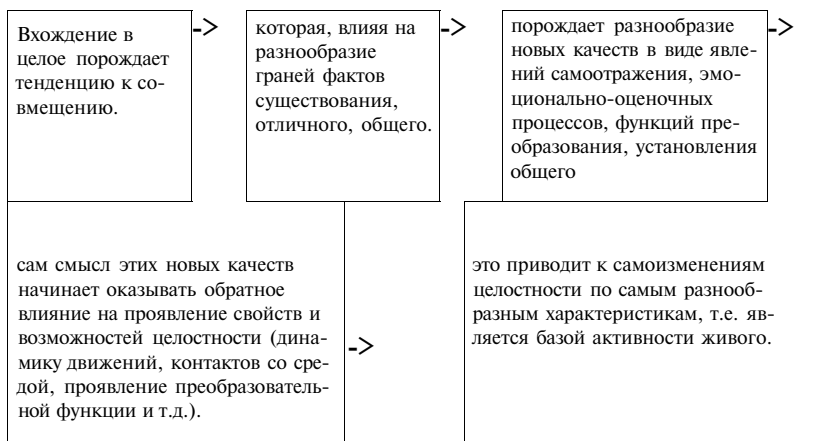

Рис. 2. Общая структура явлений в рамках концепции

Важно подчеркнуть также следующий аспект. Тенденция к совмещению действует одномоментно, сразу на все стороны составляющих — проявляет себя симультанно. Но в силу ограниченности языковых средств описания мы не можем представить ее симультанно и вынуждены ограничиваться последовательным описанием.

Начнем разворачивать такое последовательное описание с описания совмещения по грани фактов существования применительно к наиболее интегративным реалиям — самой целостности и ее проявлениям, сложным свойствам. Как целостность и проявляемые ею свойства совмещаются по грани фактов существования? Ведь целостность всегда проявляет целый ряд сложных свойств. И при этом, как уже говорилось, и сама целостность и любые ее сложные свойства обладают статусом существования (который их уравнивает, совмещает). Он нужен им как средство их согласования, совмещения.

2.3. ПРЕДПОСЫЛКИ ЧУВСТВА «Я» КАК ИСХОДНОЙ ТОЧКИ ЗАРОЖДЕНИЯ РАЗУМА

Некоторые другие аспекты данной проблематики рассматриваются в параграфе 3.5. Подобное параллельное обращение к одной и той же теме в контексте глав 2 и 3 обусловлено сложностью проблемы, а также принятой авторами методологии исследования.

Итак, есть целостность. Есть и ее сложные свойства — способность двигаться, перемещаться в среде, контактировать со средой, шевелиться и т.д. Жить — это значит проявлять эти свойства, некоторую активность, т.е. совершать движения, действия. Одновременно за счет сложности, разнообразия отражательных возможностей живое всегда способно отображать в себе результаты своих же собственных действий. В нем оказывается некоторое отображение своей активности, ее слепок.

Цепь событий здесь можно представить следующим образом.

В факт существования целостности оказывается внедренным факт существования ее проявлений в виде некоторых действий. В итоге сталкиваются два существования: целостности и этих действий. Поэтому требуется вычленив инвариант в этих фактах существования. Речь идет о совмещении по грани фактов существования и порождении уравнивающего целостность и этот слепок ее собственной активности качества.

Какое качество может быть инвариантом для факта существования целостности и этого ее проявления, может представлять их обоих?

Рассмотрим ситуацию более аналитично. Возникает ситуация, когда в целостности оказывается отображение ее собственной активности. Специфика ситуации именно в том, что существует и целостность, и одновременно проявление этой целостности. Когда в факт существования целостности «вливаются» сведения о ее проявлениях (привносимые этим отображением своих собственных действий), целостность в некотором смысле «узнает», что есть она сама. Иначе говоря, попадание в целостность этого ее самопроявления «пробуждает» качества рефлексии, толкает к поиску объединяющего ее бытие и бытие этого проявления целостности нового качества. А таким качеством может быть *рефлексия*. Именно рефлексия, связав в один узел бытие целостности и бытие ее проявления, уравнивает их.

В общем, суть ситуации в том, что как только в целостности оказывается факт ее самопроявления (отображение ее собственной активности), то этим ставится задача: как согласовать эти два факта бытия? Как сформировать новое качество, соединяющее в один узел эти два факта бытия? Что вообще означает для целостности факт ее собственных действий, как «увязать» их с ее собственным существованием?

Возникает потребность перехода к какому-то качеству, представляющему их обоих. Для этого и целостности, и активности надо «соскользнуть» с факта своего индивидуального существования и сформировать какое-то надындивидуальное существование, «возвышаю-

щеся» над каждым из этих отдельных существований, сохраняющее, представляющее их обоих. Требуется породить новое качество, выражающее это совместное бытие.

Известно ли качество, отражающее сразу факт бытия целостности и факт его проявления?

Такое качество известно — и это именно качество самоотражения, рефлексии, т.е. качество «Я». «Я» соединяет целостность и любые ее проявления. В «Я» представлена одновременно целостность и эти ее проявления.

Индивидуальные факты существования целостности и ее проявления, соединившись, формируют это надиндивидуальное качество — «Я». В этом качестве и отражается узнавание, что есть она сама. Процессы при этом поднимаются до уровня рефлексии, отражения в этом совмещенном существовании факта существования их обоих. Побуждает к этому столкновение фактов бытия целостности и ее проявления, необходимость в инварианте, которым может выступить только совместное существование.

«Я» — представитель целостности и ее самопроявления (факта ее активности). В таком своеобразном качестве, как «Я», сочетаются именно и целостность, и факт ее проявления (в виде движений, действий). «Я» — инвариант для обоих.

От индивидуальных фактов бытия остается, таким образом, только инвариант. И он закрепляется, материализуется в имени — в «Я». «Я» — это имя целостности, ее представитель. В «Я» отражено то, что и целостность и ее проявление ЕСТЬ, НАЛИЧЕСТВУЮТ. С появлением «Я» и целостность, и ее активность связаны в одном качестве, они принадлежат этому «Я», перестают быть более «бесхозными». «Я» — их адресат, они принадлежат «Я». Это их представитель, сохраняющий их, оно предполагает их обоих. Только в «Я» возможно их согласование, объединение, это уравнивающее их начало.

«Я» возвышается над индивидуальными существованиями, это новый слой явлений в целостности. Проявлять действия, любые формы активности может только некоторое «Я». Все становится отнесенным к нему как к звену, предполагаемому двумя существованиями: целостностью и ее проявлениями.

Такова конкретизация общей схемы порождения новых качеств применительно к совмещению фактов существования целостности и ее проявлений.

Сначала давление целого формирует индивидуальные факты существования — далее неизбежным становится уже их совмещение —

это ведет к порождению качеств рефлексии. Факты существования, таким образом, могут быть индивидуальными и совмещенными.

Совмещенное существование, таким образом, есть принципиально новое качество — это осознание целостностью себя. Индивидуальные факты существования, столкнувшись друг с другом, могут совместиться только в качестве «осознания». Необходимость в нем порождается «вливанием» в индивидуальное существование целостности факта существования самопроявлений этой целостности. Индивидуальные существования в итоге должны слиться и породить совмещенное существование. В итоге у целостности и ее активности появляется требуемый интегрирующий их оба адресат — «Я». Они принадлежат «Я», которое их уравнивает, выступает объединяющим началом для обоих.

Ситуация вполне в духе Декарта, воскликнувшего по поводу одного из проявлений такой сложнейшей целостности, как человек, обладающий способностью мыслить: «Я мыслю, следовательно, Я существую». Целостность здесь — человек, одно из ее самопроявлений — мышление. Проявление мышления пробудило самоосознание («некто мыслит, значит оно, несомненно, существует»). Совмещение этого существования и проявляемого им мышления и означает наличие «Я» (как инварианта для обоих).

Целостность, сталкиваясь со множеством самопроявлений (отображая их в себе), становится «осознающей» себя. Осознание — это неизбежная форма синтеза ее бытия и его самопроявлений. Любое самопроявление целостности может слиться, соединиться с существованием самой целостности только в качестве такого осознания. Целостность как бы «перелопачивает» все проявления себя в контексте своего уже имеющегося бытия и начинает звучать этим надындивидуальным «Я». А надындивидуальное бытие целостности значит выходящее за рамки бытия отдельных индивидуальных составляющих целостности. «Я» «интересует» все происходящее в целостности. «Я» стоит над всем, контролирует все, ему принадлежит все, что есть в целостности. Это именно представитель целостности, в котором она осознает себя.

А если целостность осознает себя, то ее «Я» может ставить вопросы, касающиеся собственного бытия, выяснения того, что нужно для его поддержания, приостанавливать, корректировать свое бытие, менять что-то в нем, искать что-то во внешней среде и т.д. Для ответа на эти вопросы «Я» должно будет извлекать из Универсума нужные

ему потенции. «Я» — центр самостроительства, самосозидания целостности.

По своим возможностям «Я», образно говоря, есть вулкан, образующийся на живой целостности, который выкачивает из мира все необходимые для самостроительства целостности качества, потенции. «Я» возникает как совершенно особый феномен. Ему нужно многое из того, что есть в Универсуме. В контексте сказанного понятно, что ему требуется упрочивать себя, изыскивать средства для такого самоупрочения.

Пока ограничимся сказанным и вкратце обобщим предпосылки порождения качества рефлексии (рис. 3).

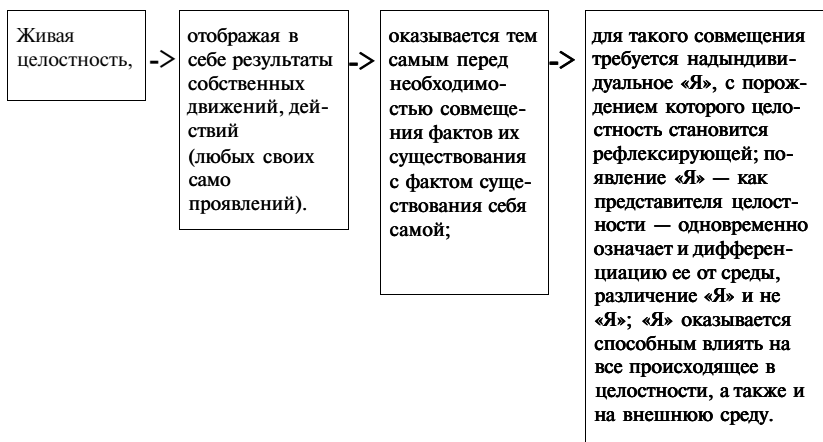

Рис. 3. Предпосылки порождения качества рефлексии

Целостность буквально начинает звучать этим порожденным чувством «Я», которое становится центром ее активности. Все происходящее в целостности принадлежит «Я» (и движение, и деление, и контакт со средой, и восприятие мира, и прогнозирование событий). Поэтому «Я» может предстать в форме «Я двигаюсь, Я контактирую со средой, Я мыслю» и т.д. «Я» может влиять на свои движения, действия, любые свойства, проявления целостности, корректировать их, а также и на внешнюю среду (меняя ее под необходимость упрочения собственного существования, превращая в более комфортную для целостности). Влияет оно и на внешние раздражители.

Качество «Я» — именно важнейший компонент условной сферы. Мэи не случайно начали построение самоорганизационной концепции психогенеза с показа предпосылок порождения этого качества. Все самостроительство, самосозидание целостности совершается за счет разоты «Я». В «Я» представлена новая реальность, новые возможности. Это центр активной силы психики.

Фактически получается так, что через «Я» начинает проявляться механизм саморазвития, самопроявления целостности, т.е. «вытаскивание» тех потенциалов, которые нужны для обеспечения ее существования, потому что каким-то странным промыслом самоорганизация мира идет именно в направлении поддержания бытия целостности. Целостность все усложняется и становится все более могущественной, в данном случае — через самоотражение, самоощущение, вернее, через то, что мы называем самоощущением.

Итак, исходя из необходимости совмещения факта собственного бытия целостности с фактами собственных же ее проявлений, приходим к выводу о необходимости возникновения своеобразного чувства «Я» целостности, отделяющего ее от среды. Это «осознание» совмещает собственную активность целостности с фактом ее бытия. Качеством, выполняющим такую функцию совмещения, является «самоосознание».

Причем порожденное Я опирается на уже наполняющие целостность отражения индивидуального бытия составляющих, сложных свойств, всей целостности. Этими «существую, есть», как говорилось, пропитаны все составляющие, все «уголки» целостности. Но раз нечто «существует», то должен быть и адресат этого существования. Поэтому индивидуальные существования целостности всегда предполагают Я. Ранее порожденные индивидуальные существования и Я, таким образом, соотносятся по логике взаимных дополнений, взаимной предполагаемости.

Жизнь всегда представляет собой некоторый уровень сложности. Предоснова жизни, психики также есть некоторая сложность. Любые формы живого суть некие сложные целостности, способные двигаться, менять формы, перемещаться, воздействовать на среду, размножаться. Благодаря наличию отражательных способностей живое может реагировать и на внешние воздействия. Отражение внешней среды, как будет показано далее, выводит на понимание предпосылок порождения ощущения. Отражение же факта своей активности, как было только что показано, — на необходимость «осознания» целостностью факта своего бытия. Возникает предощущение себя, некая первоначальная

форма чувства «Я». Оно отделяет целостность от среды (через это качество самоотражения).

Почему создавать самоорганизационную концепцию психогенеза мы начали с выведения базы чувства «Я» (прежде мы начинали построение концепции в иной последовательности, в частности, с эмоций)? Многолетняя разработка концепции показала, что именно это первичное предчувство, некая исходная форма самоосознания является той базой, тем стержнем, на который, образно говоря, нанизывается, к которой адресуются все остальные формы психики, все психические процессы и функции. В определенной степени все они являются лишь различными сторонами этого «Я». Ведь даже такая интегративная функция психики, как мышление, интерпретируется как деятельность рефлексивного «Я» (*Тихомиров, 1984*). То же можно сказать о памяти, восприятии. Все они — стороны «Я», его проявления. Поэтому «Я» выступает не только своеобразным ядром психики, неким представителем целостности, но и центром активной силы психики. Не случайно во многих концепциях психики именно «Я» рассматривается как управляющее и организующее начало личности. Любой мыслительный процесс, поведенческий акт относится именно к «Я». Оно есть некий «конвейер», на котором происходит «сборка» личности, человека. Личность проявляется в овладении своим поведением, а это может осуществляться только через самоосознание, рефлексию.

Мы не преуменьшаем роли и значения многочисленных работ, посвященных этому явлению, они осуществлялись в русле и философии, и психологии, и общего человековедения и достаточно известны. Впрочем, и на уровне здравого смысла понятно, что о чем бы человек ни думал, что бы он ни делал, он всегда более или менее осознает себя, свое личное существование. А оно появляется в результате трактовки человеком всех своих самопроявлений с позиций факта своего же бытия. Человек «узнает» себя через такую трактовку, отделяет от среды. Я — всегда итог такой трактовки. Конечно, становление Я — долгий и трудный процесс, на разных этапах жизненного пути оно имеет свою специфику, характеризуется своими трудностями становления.

Но до сих пор исследования «Я» проводились в основном на интросубъективном уровне, описание осуществлялось на обычном языке. Редкие математические и системные исследования данной области больше разрушали, чем вносили качественное понимание предмета. Объективная база его порождения показана не была. В рамках же рлз-

виваемых нами представлений раскрывается, каким образом этот системообразующий центр психики формируется. Поскольку на протяжении всей эволюции была необходимость совмещения любых самопроявлений живого с его же собственным бытием, то в живом всегда была необходимость порождения некоторого предосознания. В простейших формах происходило именно предосознание, предсамоощущение.

В контексте развиваемой нами концепции можно использовать некоторые психологические данные, которые позволяют составить представление о полном цикле процессов, стоящих за понятием самоотражения (акт самоотражения, отделения себя от среды, — только начальный этап в этом общем цикле). Так, применительно к человеку хорошо известно, что первичное самоотражение, выделение себя из среды всегда разворачивается в некоторую более развитую цепь актов самопознания. Для этого используются самонаблюдение и самоанализ. Появляются оценки различных сторон себя, самопознание само перерастает в самооценки, которые далее начинают служить цели самовоспитания и самосовершенствования *{Практическая психология / Под ред. Тутушкиной, 1993}*.

Подчеркиваем, что, говоря о рефлексии, мы имеем в виду не только простейшее отделение себя носителем условной сферы от среды, но и весь *самоорганизационный цикл*: от простого отражения собственного бытия (в форме определенного самоощущения, «осознания») до развернутых самооценок различных своих проявлений и далее влияния этих оценок на возможности целостности, ее поведение, что вносит изменения в функционирование целостности, корректируя ее активность и совершенствуя целостность. Наиболее четко этот цикл проявляется на уровне человека. Совершая некоторые действия и осознавая их, человек формирует некоторую Я-концепцию. Она генерирует действия, направленные на его поведение. С помощью этой Я-концепции человек начинает корректировать свое поведение. Происходит изменение человеком себя за счет смысла этой Я-концепции. Процессы, начавшись с собственного поведения и далее — его отражения, заканчиваются поведением же (внося в него изменения, совершенствуя его). Но, конечно, этот самоорганизационный цикл в той или иной форме можно обнаружить и на более низкоорганизованных уровнях живых существ. Механизм развития, совершенствования живым себя реализуется через него. Ранее приведенный рис. 2 вплотную подводит нас к понятию этого цикла.

Конечно, становление самоорганизационного цикла на уровне человека (да и любых других форм жизни) — долгий и трудный процесс. Есть множество препятствий на пути к его становлению. Скажем, у человека его выраженное и стабильное функционирование можно обнаружить только на уровне уже достаточной степени зрелости, когда у человека есть и сложившееся, твердое Я, и вполне сформировавшаяся система самооценок, и исполнительные средства для реализации смысла этих самооценок. Самоотражение к тому же может быть предварительным, неполным. В этом случае требуются средства активизации его формирования. Созданием таких средств занимаются специалисты по коррекции поведения.

Конечно, начало формирования Я человека можно зафиксировать уже с детского возраста (знаменитая детская реакция «Я сам», «Не мешайте мне делать самому» и т.д.). Но на базе этого начального самоотражения не формируется еще адекватная самооценка, не регулируется когнитивная сфера — самоорганизационный цикл не складывается. В общем виде поэтому можно считать, что становление самоорганизационного цикла происходит на протяжении всего жизненного пути. Меняется Я человека, его возможности, меняется все проявление этого цикла. Но механизм цикла лежит в основе самоизменения всех форм живого, включая человека.

Психологи, занимающиеся коррекцией поведения человека, исходят из предпосылки, что базой изменения любых нежелательных форм поведения является предварительное осознание их самим человеком. Далее необходим переход этого осознания в соответствующие самооценки, порождающие конкретные действия по коррекции поведения, закреплению, поддержанию этих действий. Есть много техник по активизации процессов осознания, ускорению перехода осознания в действия, порождающие самоизменения. Но за всеми этими многочисленными техниками коррекции поведения человека скрывается более общее понятие самоорганизационного цикла.

Понятно, что чем выраженнее, четче осознание себя, тем выраженнее и проявление самоорганизационного цикла. К этому вопросу мы еще вернемся.

Конечно, сами эти формы самоосознания будут качественно различными у разных форм живого. Своя специфика присуща простейшим формам живого, человеку, обществу. Но мы концентрируемся пока на наиболее общих аспектах генезиса качества рефлексии, единых для всех форм целостностей.

Скажем еще об одном аспекте развиваемых представлений. Процессы совмещения, формирующие надстройку в виде условной сферы, являются своего рода невидимым конструктором, который порождает качества условной сферы, работающие против энтропии. Ведь что такое «Я» во внешней среде, вообще внешнем мире? Это всегда некое отделение себя от мира. Оно характерно для всякого живого существа, но у человека развито наиболее полно. «Я» ребенка, который сначала не отделяет себя от внешнего мира, даже от матери, формируется постепенно, как некое смутное предощущение самого себя. Это именно предосознание, предотражение факта собственного бытия. Во многих живых формах оно, разумеется, далеко от «Я» человека. И все же не может не ощущать себя как нечто целое собака, обезьяна — это очевидно.

Есть основания рассматривать такое порождающееся предощущение и в развитых, и в начальных формах «Я» или пред «Я» как базовое проявление разума. Противопоставлением себя «Я» среде ставится задача самопознания. Осознав свое существование, «Я» пытается выработать у себя средства самопознания. Подчеркнем этот момент: для самопознания живому нужны познавательные средства, которые оно должно выработать у себя. С появлением «Я» нужным становится интеллект. Задача самопознания в той или иной форме стояла перед любыми формами живого. Другое дело, что более или менее развитое решение она нашла только на уровне человека, использующего для этого речь, специальные техники самоизучения.

Без учета проблемы отражения живым себя, возникающей масштабной задачи самопознания разговор о становлении разума, психогенезе был бы ущербным, односторонним. Без «Я» психику невозможно охарактеризовать, найти в ней базовую составляющую, механизм, цементирующий все качества условной сферы, играющий роль своеобразного «сборочного конвейера» в отношении качеств условной сферы. Не случайно, как отмечает И. С. Кон, только «с 1940 по 1970 год в мире было опубликовано свыше 2 тысяч психологических исследований, посвященных проблеме Я» (Кон, 1978).

2. 4. ДВОЙСТВЕННОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОСТАВЛЯЮЩИХ ЦЕЛОСТНОСТИ

Дальнейшее выведение явлений психогенезиса требует обратиться еще к одной, можно сказать, базисной особенности соотношения фактов существования целостности и ее составляющих.

Современная наука понимает динамизм как взаимодействие и взаимопревращение элементов системы, разворачивание связей между ними. Например, теория систем в понятие связи вкладывает взаимодействие двух элементов системы, в результате которого в соответствие им ставится некий третий элемент системы — результат данного взаимодействия.

Однако такое понимание динамизма не включает в рассмотрение взаимоотношение фактов существования составляющих целостности. Это не случайно, так как ориентированные на системность исследователи ни в теоретических, ни тем более в прикладных вопросах с категорией фактов существования дела не имели. Современные кибернетические системы вообще не рассматривают категории существования, направления же синергетики, самоорганизации понимают существование (если вообще его привлекают к рассмотрению) в сугубо материальном, вещественном смысле.

Мы же считаем, что данный вопрос имеет именно методологическое значение. В данном исследовании делается особый акцент на взаимодействии составляющих целостности с позиций самих фактов их существования. Тем самым мы переходим на новый уровень методологии и в этот момент расстаемся с основанным на традиционном понимании связи и взаимодействия понятием системы (в наиболее обобщенном виде мы представили его в понятии ДЦ). Соответственно мы расстаемся со стереотипами элементно-структурного метода, господствующего в настоящее время в науке и, по нашему убеждению, затрудняющему переход к более сущностным представлениям о живом. Оставаясь в рамках только элементно-структурного метода, невозможно делать дальнейшие, содержательные шаги к отражению генезиса и содержания масштабной сферы условных феноменов психики.

Итак, мы будем интерпретировать взаимодействие составляющих целостности, вводя в него такую его грань, сторону, как взаимодействие по грани фактов существования. Заметим, что в живой природе в наиболее яркой форме целостность была «изобретена» природой в виде клетки. В клетках живых существ природой создан механизм

порождения особого феномена — *двойственности фактов существования*.

Надо особо отметить, что в данный момент мы приступаем к описанию совершенно особых явлений в сфере условного. Двойственность фактов существования находится первой в ряду таких явлений сферы условного, проявляющихся в живых целостностях. Явления этого ряда вводятся в рассмотрение именно в рамках данной концепции психогенезиса и служат основой, базисом новых взглядов на его существо.

Разумеется, было бы трудно, даже невозможно, дать законченное и отчетливое до мельчайших деталей изложение того содержания, которое заключено в понятии двойственности как базы возникновения явлений условной сферы. Слишком уж они необычны.

Итак, двойственность фактов существования. Этот сложный феномен можно описать как некую наполненность двойственностью существования составляющих целостности. В любой биологической целостности (клетке, организме и т.д.) каждая составляющая в процессе динамического взаимодействия переходит, «тянется» своим существованием в существование другой составляющей. В живом с его выраженным динамизмом этот феномен двойственности существования реализуется постоянно. За его счет составляющая реализует свою потенциальность, стремление к взаимодействию, к установлению связи наконец. Существование, бытие любой составляющей как бы распределено по множествам возможных для нее реализаций в мыслимой области потенциально возможного. Эта потенциальность, возможность быть собой и одновременно чем-то иным постоянно воспроизводится во взаимопревращениях составляющих, при их изменениях на эту возможность для них путей потенциальности.

Таким образом, мы постулируем, что, выбрав в качестве базы для ведения психики характеристику вхождения в целостность с ее ярко выраженным динамизмом, мы необходимо обнаруживаем эффект двойственности фактов существования.

Создав целостность, природа создала и реальный механизм (клетку) порождения и проявления феномена двойственности существования. Составляющие, переходя друг в друга, реализовывают свою потенциальность, свою «многоликость», становясь тем, чем они могут быть в принципе. Прогоняясь через целостность, они и постоянно проявляют эффект двойственности и именно этим реализовывают многообразие своих возможностей. По сути дела эволюция и может

рассматриваться как некое «высвобождение» потенциально возможного для каждой составляющей, для всей целостности.

Нужно заметить, что логичнее было бы говорить не о двойственности, а о множественности факта существования всякой составляющей, двойственность же являет некую минимальную единицу анализа, отражающую разорванность факта существования. Но она содержит в себе то специфическое содержание, которое позволяет продвигаться дальше при исследовании явлений психогенезиса.

По нашему мнению, моделирование живых целостностей, создание их искусственных аналогов также невозможно без воссоздания в них эффекта двойственности существования. В моделях должны быть представлены определенные формы динамизма, на базе которых будет формироваться эффект двойственности.

2.5. ДВОЙСТВЕННОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ЦЕЛОСТНОСТЬ*

Теперь следует подойти к рассмотрению того обстоятельства, что сама двойственность находится, «располагается» внутри заданного, имеющегося существования целостности. Мы уже установили, что все, что оказывается в сфере бытия целостности, должно быть совмещено с ним, причем совмещение должно происходить с позиции заданное™ факта бытия целостности, как чего-то уже имеющегося.

Однако это совмещение, имеющее форму некоторой интерпретации, будет проходить при весьма специфических обстоятельствах. Можно сказать, что факт бытия двойственности находится в отношении исключаемое™ по отношению к факту бытия целостности. Что это означает?

С одной стороны, есть факт бытия целостности, что естественно предполагает единственность и определенность бытия ее составляющих. Ведь в каждый момент бытие целостности, сама заданность ее, фактическая «имеемость» предполагает именно единственность того, что мы рассматриваем как «элементы» некоей системы (нахождение их в одной точке пространства, в одном времени). Когда мы говорим «факт бытия целостности», то подразумеваем именно такую единственность и определенность. Ведь факт бытия целостности — это заня-

* Некоторые другие аспекты данной проблематики рассматриваются в параграфе 3.6.

тие каждым ее элементом одного места в пространстве, одного момента времени, единственность существования этих элементов.

Но, с другой стороны, внутри бытия целостности постоянно существует указанная «переходимость» элементов, двойственность бытия составляющих. Она отражает «виртуальность» их существования, пребывание каждой составляющей одновременно в двух или более существованиях, разных точках пространства и времени, «размазанность» бытия составляющих, их «текучесть» в отношении взаимного существования. Составляющая, существуя в себе, находится уже и в другом, ином существовании, «тянется» в него фактом своего существования.

Мы получаем парадоксальную с точки зрения рациональной логики ситуацию — имеется и единственность бытия составляющих (представленная образующими бытие целостности элементами и отношениями), и одновременно их двойственность. Двойственность постоянно «внедряется» в существование целостности, что создает некое внутреннее противоречие, которое, как будет показано далее, создает основу для процессов самоотрицания, самоотвержения, «невозможности быть» тому, что как раз есть, имеется, т.е. факту существования целостности как таковой.

Эта ситуация задает необходимость порождения нового качества, СОЕ мешающего факты бытия целостности и двойственности. Это средство совмещения формируется соотношением объективной исключаемое™ фактов бытия целостности и двойственности, поскольку противоречивое столкновение фактов бытия целостности и двойственности не может быть выражено никаким объективным отношением (они объективно исключают друг друга).

Значит, согласовывать («примирять»), т.е. интерпретировать двойственность с позиций существования целостности, способны только *условные средства*.

В ситуации объективной исключаемое™ остается только совмещение через условные средства, для достижения совмещения необходимо выйти за рамки объективных средств. Мы можем сделать вывод о необходимости достройки целостностью себя слоем условных средств, идя от этого фундаментального ограничения на вид порождаемого средства совмещения. Новое качество в целостности несет на себе «печать» данного ограничения и неизбежно является условным средством.

Кратко отметим здесь и то, что двойственность накладывает печать своеобразия и на формирование качества рефлексии. Описанные

процессы самоотражения, формирования «Я» порождаются отражением собственных действий, движений целостности, предполагают двойственность. Ведь в условиях, когда живое движется, действует, изменяет себя, оно «тянется» в некоторое другое существование, переходит в него фактом своего существования. Мы имеем в этом случае «размазанность» факта бытия целостности по разным точкам пространства и времени, его двойственность. Поэтому процессы самоотражения неизбежно несут, принимают черты двойственности. Качество самоотражения поэтому должно быть разновидностью условной формы.

2. 6. СВЯЗКА ФАКТОВ СУЩЕСТВОВАНИЯ, КОНФЛИКТ СУЩЕСТВОВАНИЙ

Теперь можно задаться вопросом: чем в целостности конкретно представляется средство, отражающее, «материализующее» факт двойственности существования составляющих. Есть ли такое средство? Ведь указывая на двойственность существования составляющих, мы тем самым выделяем фундаментальное противоречие в живой материи, которое целостность, как это следует из логики нашего исследования, может преодолеть только за счет порождения условных средств, — от этого и нужно отталкиваться.

Исходная посылка состоит в том, что совмещение составляющих возможно только на некотором максимально универсальном уровне, на уровне того, что сближает сами факты существования составляющих. Что же с этой точки зрения можно здесь обнаружить? Мы предполагаем, что вхождение составляющих в целостность «гонит» их к этому максимально объединяющему, требует его выделения, формирования. И тем самым происходит порождение некоторого универсального качества, воплощающего в себе то, что объединяет факты существования составляющих целостности.

Мы утверждаем, что в роли такого качества может выступать качество, выражающее собой то, *поддерживают или отвергают* составляющие друг друга самими фактами своего существования. Мы будем говорить, что вхождение в целое предполагает совмещение элементов через это универсальное качество, которое мы и назовем *связкой фактов существования*. Как упоминалось, факт существования одной составляющей может влиять поддерживающе или отвергающе на факт существования другой составляющей. Между существованиями воз-

можно два этих крайних типа отношений. Они — то общее, что есть в фактах их бытия в рамках целого. И целое требует его вычленения.

Что означают эти только что введенные понятия— связки поддержки / отвержения? Мы предполагаем, что две составляющие в целостности поддерживают друг друга, если каждая из них как бы тянется своим существованием в бытие другой. И целостности за счет такой поддержки как бы обеспечено, гарантировано право на продолжение своего существования. Такой тип связки мы называем связкой поддержки. Можно сказать, что связка поддержки есть важный этап в реализации права целостности на существование. Связка поддержки одновременно служит и некоторым отражением этого факта целым.

Однако в рамках целостности составляющие могут и отвергать факт существования друг друга. Образно можно сказать, что они будут своеобразным «ядом», разрушающим существование целостности, не гарантирующим право на ее существование в будущем. В данном случае мы будем говорить о связке отвержения. Говоря иначе, если составляющие операционально разобщены, отвергают друг друга, то общее, что предполагается их нахождением в целом, — именно отношение отвержения.

В обоих случаях мы имеем дело с «давлением» целого на сами факты существования составляющих, что и вычленяет эти инварианты в их бытии. Порожденные связки поддержки / отвержения — разумеется, начальный этап совмещения.

Итак, связывать факты существования составляющих могут два типа универсальных качеств в виде связок поддержки и отвержения. Связка — это новое качество, предполагаемое заключенностью фактов существования составляющих в целом. Она является неким условным высказыванием, отражающим происходящее в целостности на уровне фактов существования. Связка является, таким образом, некоторым видом *самоотражения*. Говорить о самоотражении здесь можно потому, что связка самим фактом своего наличия в целостности отражает, поддерживает или отвергает взаимоотношения составляющих в целостности сам факт имеющегося бытия этой целостности.

Заметим, что это отражение отличается от «осознания» факта наличия целостностью себя, ведь это лишь «осознание» чего-то происходящего в себе (а не факта существования себя). Конечно, «сила», которая интерпретирует взаимоотношения составляющих с точки зрения целостности, одна— это само целое. Но ранее с позиции факта наличного бытия целого интерпретировался факт своих же самопроявлений, собственной активности. Сейчас с позиции целого интерпре-

тируется нечто происходящее в этом бытии, что получает свое выражение в связке.

С появлением связки в нашем понятийном аппарате снова появляются некоторые новые понятия, отражающие то, что над слоем объективных связей, описываемых языком элементарно-структурного метода, появляются отличные от слоя объективных связей понятия в виде качеств самоотражений. Это именно некоторые «высказываниях о происходящем на уровне фактов существования составляющих. Таким образом, происходящее в целостности разворачивается в иной — условной сфере. Подчеркиваем, что это не те объективные материальные процессы, которые исследователь привык видеть в любом наблюдаемом живом объекте. Используя ранее введенные термины, мы можем сказать, что происходящее в целостности и отражаемое связкой разворачивается не по граням общего и отличного, а по грани фактов существования.

Надо также учесть, что связки как качества самоотражения во множестве производятся, возникают, в разных областях целостности. Таким образом, целостность полностью заполняется некими условными сигналами о том, поддерживает или отвергает происходящее в ней факт ее имеющегося существования.

Если ранее в нашем рассмотрении мы определили, что через Я факт бытия целостности интерпретирует свое самопроявление, то теперь имеющимся бытием целостности вычленяется общее в фактах существования составляющих, что ведет к порождению объединяющей их связки фактов существования.

Подчеркнем принципиальный момент, возникающий в нашем рассмотрении. Связка — это зафиксированное воплощение феномена двойственности составляющей. За любой связкой поддержки / отвержения скрывается то, что одна составляющая переходит в том или ином смысле фактом своего существования в другую составляющую. Говоря о связке, мы предполагаем, что она воплощает эффект двойственности существования составляющих, является средством его представления.

Ведь как при связке отвержения, так и при связке поддержки наблюдается эффект «переходимости» составляющих в другие возможные для них существования. Именно поэтому любая из связок представляет, воплощает в себе двойственность. Связка олицетворяет тягу, направленность, внутреннюю готовность некоторой составляющей двигаться, переходить в другое существование, т. е. состояние, в котором, существуя в себе, эта составляющая одновременно находится уже

и в другой составляющей целостности. И именно эта тяга, этот потенциальный, можно сказать, виртуальный переход и отражается понятием двойственности фактов существования.

Далее, как говорилось, феномен двойственности *сталкивается* с фактом наличного бытия целостности, который предполагает единственность, определенность бытия составляющих. Налицо конфликт факта бытия имеющейся целостности и факта ее собственной двойственности, отношение их исключаемости.

Сама двойственность постоянно внедряется в факт имеющегося бытия целостности, поэтому разыгрывается вся картина процессов, уже охарактеризованных при общем описании двойственности. Связка олицетворяет «тягу» некоторой составляющей в другое существование, т. е. состояние, в котором, существуя в себе, эта составляющая одновременно находится уже и в другой составляющей (другой точке пространства, другом времени). Феномен двойственности *сталкивается* с фактом наличного бытия целостности (предполагающим единственность, определенность бытия составляющих, отсутствие их «размазанности» по двум существованиям). Налицо именно конфликт факта бытия имеющейся целостности и факта ее собственной двойственности, отношение их объективной исключаемости. Такая парадоксальная ситуация вполне закономерна, раз факты бытия связки и целостности сосуществуют. При этом связка (порождаясь «заклученностью» существований в целом) постоянно внедряется в это уже имеющееся бытие целостности. Ее отношение к целостности— это отношение объективной исключаемости, конфликт, противоречие, которое целостность должна как-то преодолеть. Средство совмещения целостности и связки необходимо, но раз факты их бытия исключают друг друга, то совместить их можно, как говорилось, только за счет смысла условных средств.

При определении облика этого средства совмещения надо учитывать следующее. Существует факт бытия целостности. Это бытие как бы задано, исходно, и указанная заданность не может не навязывать себя всему происходящему в нем. Связка же возникает в сфере бытия этой заданной целостности, формируется в нем, «вдобавок» к его бытию. Бытие целостности поэтому исходно, первично по отношению к бытию связки. Оно не может быть отменено и поэтому должно быть сохранено при совмещении со связками. Средство, которое будет выполнять функцию совмещения бытия целостности со связками, должно сохранять эту заданность. Но, относя порождаемую связку к факту заданности себя, целостность способна интерпретировать представ-

ляемое этой связкой содержание о происходящем в себе только с двух позиций: сохраняет оно его собственный факт бытия или не сохраняет. Ничего иного, кроме этих двух объективных позиций, у факта бытия целостности не оказывается (если мы учитываем только эти полярные отношения поддержки и отвержения).

Чем же может быть результат такой интерпретации связки с позиций необходимости сохранения бытия целостности? Позиция заданное™ целостности заставляет целостность «смотреть» на связку и представляемое ею качество самоотражения с позиции «как» сохранить себя в условиях этого самоотражения, «как» выработать некое средство сохранения при наличии этого самоотражения. Ведь содержание связки может («говорить» либо о поддержке (сохранении), либо об отвержении (разрушении) имеющегося бытия целостности происходящим в этой же целостности. И в обоих случаях целостности нужно выразить («расшифровать»), что означает для нее сохранение или несохранение себя с позиций необходимости поддержания своего бытия. У имеющейся целостности неизбежно появление некоторого «угла зрения». О связке (т. е. о происходящем в себе) целостность может высказаться лишь с позиции этого «угла зрения» и посредством некоторого условного качества, в котором и выразится суть того, «как» рассматривать с позиции заданности (необходимости сохранения целого) внедрившееся в целостность самоотражение, представляемое связкой. «Облик» этого порождаемого качества будет подробно описан далее.

2.7. ПАРА «САМ О СЕБЕ» И САМОИЗМЕНЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ

Итак, мы постулировали, что связка всегда отражает нечто происходящее в целостности. Имеется в виду происходящее в области граней фактов существования. Связка является сигналом о том, что происходящее в целостности поддерживает бытие ее уже имеющихся составляющих или отвергает это бытие. Связка является важным начальным этапом самоотражения, формированием «высказывания» о происходящем в целостности. Целостность, таким образом, «осознает» происходящее в себе посредством смысла этой связки. Поскольку связка — это такое «высказывание» о себе, о происходящем в себе, то можно сказать, что факты бытия целостности и связки формируют весьма своеобразную пару «сам о себе». Когда мы говорим о совме-

шенми фактов бытия целостности и связки, то предполагаем именно такую пару «сам о себе». Последнее означает отношение чего-то происходящего в целостности к самому факту бытия целостности. В рамках?: же пары «сам о себе» всегда предполагается некая сравнимость сопоставимых существований. Совместить с фактом собственного бытия нечто происходящее в себе, высказаться таким образом в этой особой форме о происходящем в себе, значит сформировать отношение между чем-то однородным, операционально сравнимым (с точки зрения грани фактов существования).

Взятое по отношению к самому себе, некоторое существование может стать активнее или пассивнее, слабее или сильнее выраженным, отчетливо или менее отчетливо проявляющимся, его право быть может повыситься или понизиться. Иными словами, его настоящее и предшествующее состояние может соотноситься лишь некоторая интенсивность. Но, как известно, качество интенсивности наиболее полно воплощено в смысле оценки. Она и выразит, сильнее или слабее стало проявление некоторого существования, насколько оно изменилось и др. Получается, что для совмещения факта бытия целостности с отраженным в связке происходящим в ней требуется качество оценки (способной соотносить существование).

Но возвратимся к конфликту целостности и связок. Из него вытекает еще одно важное следствие — необходимость самоизменения.

Соотношением объективной взаимоисключаемости фактов бытия целостности и связки формируется тупик, о котором лучше, чем фразой «то, что есть, не должно быть», не скажешь. Факты существования целостности и связки накладывают на бытие друг друга своего рода взаимный запрет. Им «нельзя быть» в присутствии друг друга. Эту ситуацию, которая внутренне отрицает себя, ориентировочно можно назвать ситуацией «стоп-процессов».

Области, в которых сталкиваются факты бытия целостности и связки, — это области самоотрицания, самоотвержения, поэтому требуется изменение целостности. Имеющемуся бытию, чтобы быть, надо измениться (потому что «то, что есть, не должно быть»). Бытие целостности должно неизбежно «прореагировать» на эту разобщенность с собой, ввести происходящее в факт «имеемости» себя. Раз «то, что есть в целостности, не должно быть», то предполагается его самоизменение. Формируется внутреннее отвергающее себя состояние целостности — предпосылка к ее самоизменению. Преодолеть отношение объективной исключаемое™, ситуацию «стоп-процессов» можно только через выработку средств самоизменения.

2.8. ОЦЕНОЧНЫЙ РАЗУМ КАК СРЕДСТВО САМОИЗМЕНЕНИЯ: ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОРОЖДЕНИЯ

Углубим сказанное.

«Стоп-процессы» требуют остановки хода связей, прекращения динамизма. Его не должно быть, раз факты существования отрицают, отвергают друг друга. «Стоп-процессы» фактически накладывают запрет на существование связей, отвергают его. Однако связи, их ход остановиться не могут. Динамизм не может быть отвергнут, прекращен, без него немислима целостность. Раз она есть, то есть и ход связей. Ход связей — фундамент целостности: нет связей — нет и целостности. Говоря о целостности, мы всегда имеем в виду, что она и осуществляется через связь, что ее порождает «скрепленность» элементов связями. А здесь возникают «стоп-процессы», запирающие связи, «покушающиеся» на само существование целостности.

Ведь на что направлены действия взаимного запрета, смысл этой «невозможности быть»? Именно на сам ход связей. Это связям нельзя быть при ситуации взаимного запрета, состояниях самоотрицания. Право на существование отнимается именно у них. «Стоп-процессы», таким образом, пытаются сделать то, что сделать нельзя, т.е. «покуситься» на целостность, бытие которой «не отменишь». Иными словами, одновременно есть и целостность, и тенденция «покушения» на ее бытие. Эта тенденция возникает, как только возникают «стоп-процессы», состояние самоотрицания, «невозможности быть».

Развивая эту мысль, можно было бы сказать, что в ситуации «стоп-процессов» формируется тенденция к своеобразной «аннигиляции» существования. Ведь если факты существования отрицают друг друга, то они должны в пределе некоторым образом именно уничтожить друг друга, «аннигилировать», провалиться тем самым в некоторое небытие, уйти в несуществование. Смысл «невозможности быть» создает именно тенденцию к этой «аннигиляции» существования, уходу их в небытие. Но целостность исчезнуть не может, ее бытие естественным образом сопротивляется этому «покушению» на него, провалу в несуществование. У каждого существования, как говорилось, есть стремление к самоподдержке. Однако тенденция к «аннигиляции» в условиях «стоп-процессов» обнаруживается. «Стоп-процессы» стараются именно перевести целостность в состояние небытия, несуществования. Однако целостность всеми имеющимися у нее возможностями будет «сопротивляться» этому «покушению» на нее, реагировать на него. Это свойство любой динамической целост-

ности — сохранять себя, сопротивляться «покушениям» на нее (всеми имеющимися у нее возможностями). Всякое бытие стремится поддерживать себя (вспомним свойства существования).

Поэтому тенденция к «покушению» на целостность только представлена, но реализована быть не может. Она встречает сопротивление со стороны целостности — более мощного, сильного существования (по сравнению со связкой). Такова реакция целостности — она будет сопротивляться запрету связей. Теми средствами, которые у нее есть.

А раз «быть нельзя», то возникает необходимость в замене этой ситуации. «Невозможность быть» рождает действие, направленное на самоизменение. Раз нельзя быть, то надо изменить себя.

Здесь нам надо начать привыкать к более глубокому смыслу того, что такое «невозможность быть». Это действительно «невозможность быть», невозможность находиться в прежнем состоянии. Иначе говоря, это тупик, в который заходят процессы на уровне фактов существования. Дальнейшее пребывание в этом состоянии запрещается, отвергается.

Заменитель ситуации «невозможности быть». Во всех динамических целостностях столкновение фактов существования целостности и связки формирует состояние «стоп-процессов», «невозможности быть» и одновременно стремление выбраться из состояния самоотрицания. Возникает необходимость в замене ситуации «невозможности быть», ее преодолении, т.е. в отходе от зашедшей в тупик ветви процессов, придании процессам некоторой другой направленности, другой ориентации. Раз «невозможно быть», то требуется переход к иной «точке зрения», к иному ракурсу процессов. Да, «невозможно быть», но тогда надо переходить к своей изначальности[™], исходности — процессы в целостности подталкиваются именно к позиции изначальности. И переключение на эту изначальность производится самой ситуацией во внутренней среде целостности — возникшем там состоянии самоотрицания. Раз «невозможно быть» — значит, надо уходить от того, что «не может быть». Требуется некоторое другое бытие и осуществляется его поиск. Этот поиск неизбежен именно через обращение к позиции своей изначальности, исходности. Спасаясь от угрозы «аннигиляции», хаоса внутри себя, подхлестываемая состоянием «невозможности быть», целостность ищет требуемый другой (внутренне непротиворечивый) облик своего бытия. Говоря иначе, с прежнего состояния бытия она «сталкивается» действием самоотрицания и обращается к позиции своей исходности, первичности, непреложности. Под напором действия самоотрицания целостность начинает искать

это другое бытие с позиций собственной заданности. Самоотрицание «упирается» в необходимость поддержать заданность имеющегося бытия, сохранить его право быть ВСЕГДА, модифицируется этой позицией.

К чему может привести поиск другого требуемого бытия (отход от имеющегося бытия) с позиции непреложности, заданности имеющегося бытия? Отражающая эту непреложность позиция «как» (как сохранить себя в условиях самоотрицания) порождает своеобразное боковое (обходное) русло процессов. Меняя себя за счет этих «боковых» процессов, целостность и начинает выбираться из состояния самоотрицания. Фактически она обходит его, обращаясь к заместителю — позиции собственной заданности. Именно эта позиция и дает обход ситуации «стоп-процессов».

Целостность с включением этого угла зрения, образно говоря, минует «стоп-процессы», заботясь только о собственном существовании (самосохранении). Да, «быть нельзя», но она смотрит на это «свысока» — с позиций задачи своего самосохранения. Ее «заботит» только одно — «как сохранить себя». Иначе говоря, с позиций непреложности собственного бытия целостности «интересно» лишь то, как сохранить себя за счет этого нового угла зрения. Целостность фактически «выкарабкивается» из тупика (обходя его). Формируется именно переключение процессов в иное русло. Такое переключение — «спасение» для целостности. Ведь подобной переориентацией процессов ликвидируется угроза «аннигиляции». В общем, позицией «как» порождается выводящий из тупика угол зрения, формируется иная направленность процессов, оставляющая в стороне, обходящая тупик.

Позиция «как» — естественный резерв, включающийся целостностью в ситуации самоотрицания. Именно эта «эгоистическая» позиция (эгоистический угол зрения) является естественным заместителем ситуации «невозможности быть». Раз невозможно быть, то и осуществляется переход к позиции собственной исходности, непреложности. Э :о, собственно, единственно имеющаяся у целостности возможность преодолеть ситуацию самоотрицания. Ей просто ничего не остается, как начать трактовать ситуацию самоотрицания с позиций непреложности своего бытия. Целостность тут же обращается к позиции своей имеемости, как только включается ситуация самоотрицания.

Но зададимся вопросом, что означает включение позиции «как» обеспечить собственную непреложность, «как сохранить себя»? Это ведь всегда некоторая обращенность к себе, «концентрация внимания» на себе, на происходящем в себе. Целостность с включением этой го-

зиции должна начать как-то «осознавать», рефлексировать происходящее в себе. Под действием этой позиции в ней, образно говоря, должны возникать процессы рефлексии. Они — реакция на «невозможность быть».

Вопросы «как сохранить себя» начинают задавать себе все динамические целостности, когда в них возникает это столкновение фактов существования целостности и связей. Если «нельзя быть», то надо разбираться в себе — включается «осознание» себя, начинается это разбирательство в себе, «копание» в себе, концентрация внимания на себе как обходной путь достижения присущего целостности права быть. Согласно гипотезе, самоотрицание внутри целостности, некоторое «взрывное» состояние внутри нее и предопределяет порождение качества рефлексии. Запускает этот обходной путь позиция «как сохранить себя», ориентированная в конечном счете на достижение возможности быть (самосохранение). В общем, требуется самоизменение, и рефлексия помогает целостности готовить себя к нему. Качество рефлексии встроено при этом в общий цикл самоизменений как его часть. Она — «входной билетик» за это право быть, она указывает пути движения в это возможное право быть. Быть можно, если есть «разбирательство в себе» через это качество рефлексии, которая выступает необходимой предпосылкой самоизменения (без рефлексии самоизменения будут не освещенными «светом разума»). Сам смысл ответа на позицию «как сохранить себя» предполагает эту обращенность к себе. Далее эти положения будут развиты.

Пока укажем, что качество рефлексии формируется под давлением всех ранее установленных ограничений. Так, оно должно быть формой согласования существований целостности и связи, качеством, предназначенным «для себя», средством самоизменения, средством обеспечения целостности права быть, выступить ответом на вопрос «как сохранить себя», гарантировать это вхождение в самосохранение, право быть и т.д. Иными словами, на облик порождаемого качества сказывается действие всех ограничений.

Оставляя пока в стороне полный комплекс этих ограничений, сосредоточимся на более детальном выяснении того, что предполагается правом быть. Что означает для целостности это право? Да, целостность борется за исходно присущее ей право быть (за самосохранение). Но что именно предполагается этим, как может быть реализовано это право в ее противоречивой внутренней среде (в условиях конфликта со связками)?

Что предполагается «правом быть?» Дело в том, что целостность и связка могут быть и изолированными, выступать отдельно друг от друга. Им нельзя быть только вместе, находиться в области контакта, в некоторой единой, общей сфере. Ситуация «невозможности быть», «стоп-процессов» порождается именно тем, что целостность и связка находятся в такой единой, общей сфере (такое нахождение их в общей сфере предполагается как бы изначально, считается само собой разумеющимся). Наши рассуждения также велись в предположении, что они пребывают в таком общем пространстве, области контакта, доступны друг для друга (и связка, и целостность предполагались всегда в области контакта). И когда целостность и связка находятся в такой общей сфере, то взаимодействие (и взаимоотрицание на этой основе), действительно, неизбежно. Однако что будет, если ЕЫ-вести их из такой общей, единой сферы, развести по «разным квартирам», лишить тем самым области взаимодействия? Что будет, когда целостность и связка станут изолированными, выведенными из области контакта? Исследуем эту возможность.

Совершенно очевидно, что выведение связки из состава бытия целостности избавляет их от конфликта друг с другом, каждая из них начинает выступать «сама по себе», становится изолированной. Ситуация «невозможности быть» как бы снимается. Так не попытае'х'я ли целостность вывести связку из состава своего бытия для преодоления самоотрицания, не пойдет ли она этим путем в поисках выхода из состояния самоотрицания, «стоп-процессов»? А если пойдет, то что подстерегает ее на этом пути? К чему этот путь может ее привести?

Если начать разрабатывать эту гипотезу, то, согласно формируемому позицией заданности ответу на вопрос «как сохранить себя», надо некоторым образом развести целостность и связку, сделать их изолированными (вытащить, образно говоря, связку из состава бытия целостности), «развести их по разным квартирам». Через такое разведение им и откроется «право быть» — будучи «вытащенными» из общей сферы (области контакта), они станут изолированными, больше не будут отрицать друг друга. Теперь связке и целостности быть становится уже возможным, поскольку они выведены из общей сферы (области контакта). Это любопытный путь преодоления «стоп-процессов». Вопрос в том, не могла ли им воспользоваться целостность и, более того, способен ли этот путь действительно привести к выведению связки из состава бытия целостности, насколько эта возможность реализуема в принципе.

Анализ показывает, что вывести связку из состава бытия целостности невозможно в принципе. Можно делать лишь попытки такого выведения. Дело в том, что связка всегда вплетена в саму ткань целостности, органически сращена с ней, возникает только на ней. Она — качество, немислимое вне целого, возникает только в составе бытия целостности. Она неотделима от целостности, непредставима вне ее. Связку никакими действиями, преобразованиями (никак и ничем) не вывести из состава бытия целостности. Это предполагающие друг друга реалии. Есть целостность — есть и отражающая происходящее в ней связка. Есть связка — она всегда предполагает целостность. Одно без другого непредставимо. Браться за задачу выведения связки из состава бытия целостности — браться за заведомо неразрешимую задачу. Можно делать лишь попытки такого выведения, которые заведомо к такому выведению не приведут. Но иллюзия выведения порождена быть может.

Сформулируем принципиальное положение: *целостности ничего другого не остается, кроме как совершать эти иллюзорные попытки выведения связки*. Путем таких попыток можно создать именно иллюзию выведения и соответственно иллюзию преодоления «стоп-процессов». Ведь раз попытки выведения идут, то «стоп-процессы» как бы начинают преодолеваться, сниматься. *Создается видимость их преодоления*. Другое дело, что за счет таких попыток они никогда в действительности не снимутся. Но будут происходить «вечные» попытки преодоления конфликта целостности с той или иной связкой, хотя это именно иллюзорная форма их преодоления, возникшая под давлением целого и нужная в данный момент, чтобы именно «сделать вид», что такое преодоление ситуации самоотрицания, «невозможности быть» осуществляется, идет. Давление целого требует совмещения целостности с той или иной связкой — при ситуации их взаимоотрицания, — в поисках выхода из этого самоотрицания и можно попытаться использовать иллюзорный путь преодоления самоотрицания. Целостности в общем-то обречена только на путь иллюзорных попыток выведения связки. Ведь «стоп-процессы» загнаны внутрь нее, неотделимы от нее — ей в каждый момент своего бытия надо обращаться к собственной непреложности и делать вид, что она избавляется от этой «невозможности быть», самоизменяется (движется через это самоизменение в право быть). А иллюзорен или реален путь выведения связки — это уже вопрос другого плана.

Возникшая задача разъединения существований неразрешима в принципе.

Состояние «невозможности быть» глубоко укоренено внутри живой целостности. В живом «сидит» конфликт, который непреодолим в принципе, — значит, ему всегда требовались хотя бы иллюзорные попытки его преодоления. Все, что может любая живая целостность, — это порождать именно такие иллюзорные, фиктивные попытки преодоления ситуации «невозможности быть». Они порождаются при обращении к позиции собственной заданности, нужны целостности в каждый момент ее существования. Ведь в каждый момент существования внутри целостности «сидит» эта «невозможность быть», которую требуется преодолевать — целостность должна постоянно осуществлять попытки совмещения с той или иной связкой. Но эти попытки представляя отклик на давление целого, будут представлять именно иллюзорные попытки выведения связки. На самом деле связка всегда будет оставаться в рамках целостности.

Живому (внутренняя среда которого отягощена такой неразрешимой задачей) только и остается «делать вид», что такое выведение идет, становится на путь создания видимости разрешения конфликта существований.

Уточним сказанное. Сами попытки преодоления ситуации «стоп-процессов» могут осуществляться при двух разных типах условий.

1. Когда что-то устраняется, выводится из состава бытия имеющейся целостности. Это условие имеет место при связке отвержения. В этом случае, в соответствии со сказанным, иллюзия преодоления будет возникать, если связка отвержения будет выводиться, «выкидываться» из состава бытия имеющейся целостности. Нужно некоторое качество, осуществляющее такое выведение. Оно и будет реализовывать такую фиктивную попытку, хотя, как говорилось, связку отвержения никак и ничем невозможно «выкинуть» из состава бытия целостности. Ведь она возникает внутри целостности, неотделима от нее. Но делать вид, что такое выведение связки отвержения из состава бытия целостности идет, такое качество может.

2. Когда, наоборот, что-то вводится в состав бытия имеющейся целостности. Это условие имеет место при связке поддержки (это что-то нужно для поддержания бытия целостности, желательно для нее — поэтому и вводится). Иллюзия преодоления «стоп-процессов» может в этом случае возникать за счет попыток включения связки поддержки в состав имеющегося бытия целостности, растворения связки в бытии целостности, превращения связки поддержки в часть бытия целостности. Давлением целого связка будет как бы вливаться в состав бытия имеющейся целостности, стремиться стать частью этого бытия, «рас-

твориться» в нем — из двух существований при этом будет формировался одно. Будет возникать иллюзия единственности существования — одной-единственной доминирующей целостности. Но это тоже только иллюзия, ибо связка поддержки тоже не растворима в целостности, не поглощается ею — она всегда самостоятельная реальность. Всегда есть отдельно целостность и отражающая происходящее в ней связка. И факт ее бытия (представленная в нем двойственность) будет сталкиваться с фактом бытия целостности — это именно две самостоятельные реальности. Но иллюзия растворения связки поддержки в целостности может создаваться, и она как бы временно заслоняет собой ситуацию «невозможности быть». Раз речь идет о «растворении» связки в целостности, то идет как бы и преодоление ситуации «невозможности быть». Однако и это все та же фиктивная попытка преодоления этой ситуации, потому что и связка поддержки не растворима в бытии имеющейся целостности, не поглощается ею.

Попытки выведения и введения — это именно иллюзорные, фиктивные по своей сути действия по преодолению «стоп-процессов». В действительности связку не отчленишь от целостности ни действиями выведения (устранения, «убирания»), ни действиями растворения, поглощения, отождествления с имеющимся бытием. Она всегда будет ос гаваться такой самостоятельной реальностью (воплощающей собой двойственность). Целостности остается порождать только такие иллюзорные попытки ее выведения за пределы факта своего бытия (или растворения в своем бытии). Вместо реального разведения целостности и связки имеется лишь иллюзия такого разведения.

Попытаемся теперь определить некоторые черты облика формируемого средства, нужного для реализации попыток самоизменения.

Некоторые черты «облика» формируемого средства самоизменения. Качество, формируемое для реализации действий введения или выведения связки из состава бытия целостности, возникает на ситуации «невозможности быть», «стоп-процессов», значит, некоторого «взрывного» состояния внутри целостности. А вводить или выводить одно существование из сферы бытия другого (точнее, осуществлять такие попытки) может лишь некоторое активное начало, активная сила (понятие «силы» употребляется здесь в метафорическом смысле). Говоря о качестве, осуществляющем выведение или введение, мы имеем в виду такое активное начало. Оно всегда будет порождать некоторую динамику, выступать генератором динамики, пытаясь развести связку с целостностью. Только через динамику введения / выведения оно может выступить иллюзорным средством достижения права быть.

Это активное начало должно быть регулятором взаимодействия фактов существований. Оно возникает при условии, что целостность связку «выкинуть» из себя не может (никак и ничем) — стало быть, требуется средство, позволяющее им как-то со-существовать. Но со-существовать временно, ибо постоянное со-существование — это те же «стоп-процессы». Через что может осуществляться такое временное со-существование? Как говорилось, только через создание иллюзии разведения целостности и связки.

Целостность, отягощенная связкой, одновременно «и существует, и не существует». А это «ненормальное» состояние, которое требует самоизменения. Формируется необходимость самоизменения.

У целостности есть только два пути самоизменения: через «выкидывание» связки из состава себя и переструктурирование, корректировку себя (изменение себя). Самоизменяться через «выкидывание» связки, как говорилось, невозможно, ибо связка никак и ничем не «выкидывается» из состава бытия целостности. Меняться надо именно через обращение к себе, «осознание» происходящего в себе. Это единственно возможный путь вхождения в право быть в данной ситуации. Выйти из состояния «и существую, и не существую» можно лишь начав осознавать происходящее в себе.

Требуется средство «осознания» происходящего в себе, которое будет предпринимать попытки совмещать целостность с «ввешейся» в нее связкой.

Для определения облика этого средства сделаем «опись» действующих тенденций и ограничений, установленных (и проявляющихся) в целостности. К ним можно отнести:

- действие самоотрицания, необходимость ухода от того, что есть, как главная генерирующая, порождающая сила (напоминаем, что термин «сила» употребляется здесь в метафорическом смысле);
- ограничения на эту «силу» в виде невозможности прямого «выкидывания» связки из состава бытия целостности;
- неизбежность превращения этого действия в некоторое средство со-существования целостности и связки в условиях невозможности «выкидывания» связки из состава бытия целостности;
- сращивание первоначального действия самоотрицания с позиций «как» сохранить себя, модификация его этой позицией (превращающая его фактически в другое требуемое качество);
- средство со-существования целостности и связки как попытка временного преодоления ситуации «невозможности быть», как иллю-

зил ее преодоления через отрефлексирование происходящего в себе с позиций самосохранения себя.

Внутри целостности действуют и другие ограничения. Под их влиянием первоначальному действию самоотрицания остается только обращаться к позиции собственной заданности, чтобы выявить, «как» менять себя.

Движущая сила самоизменения, конечно, то же начальное (хотя и модифицированное) действие самоотрицания. Но оно именно «срашивается» с позицией «как» сохранить себя, преобразуется ею. Оно, конечно, направлено на происходящее в целостности и с узко эгоистических позиций самосохранения ищет возможности такого временного со- существования целостности и связки.

Нам надо обратить внимание на то, каким новым смыслом наполняется первоначальное действие самоотрицания. Под напором позиции «как» (и других ограничений) оно несет на себе груз «интересов» целого. Это уже не первоначальное (ничем не обремененное) действие самоотрицания, а действие, нагруженное смыслом этой позиции, вобравшее в себя смысл и других ограничений. Его побуждающее начало в виде самоотрицания сохраняется, но оно теперь открывает целостности движение в это «право быть», совмещает факты существования составляющих и т.д. В его сути представлена позиция самосохранения (эгоистическое русло самосохранения). Сформировавшаяся из первоначального самоотрицания рефлексия при этом — важное звено цикла самоизменений — отражает необходимость самоизменений. По су-и она модифицированное действие самоотрицания, на которое «навешаны» все эти ограничения, вытекающие из позиции «как», невозможности прямого выкидывания связки из состава бытия целостности, необходимости построения средства со-существования целостности и связки и т.д.

Основная черта развиваемой гипотезы состоит в том, что главный «программист» облика порождаемого средства самоизменения — это сама позиция заданности, изначальности, непреложности целостности (соединенная с этим действием самоотрицания).

Эта позиция, располагая активным началом в виде действия самоотрицания, начинает «интересоваться» в связках только тем, «сохраняют/не сохраняют» ее порождаемые связки. Иными словами, между активностью, идущей от позиции имеемости, и связками возможен только один тип отношений — отношения «сохраняют / не сохраняют» связки существование целостности. Эти отношения естественно «нащупываются» в процессе влияния целостности на связки.

Существование целостности вычленяет в связках только этот «интересующий его смысл» — «сохраняют / не сохраняют» они его (как непосредственно относящийся к этой его изначальное™, непреложности).

Это принципиальное положение: целостность вычленяет в СЕЯЗках только смысл «сохраняют / не сохраняют» они ее. Говоря иначе, между позицией «как» и связками — только смысловая связь на основе «сохраняют / не сохраняют» они целостность.

Заглядывая «в глубь» динамики процесса, мы должны далее констатировать неизбежность «встречи» факта существования целостности с этим сохраняющим (поддерживающим) или не сохраняющим (отвергающим) его смыслом. Но это «встреча» целостности с сигналом о себе, о происходящем в себе. Идет порождение пресловутой пары «сам о себе». Есть необходимость завершить ситуацию в русле такой установленной пары «сам о себе».

Завершение при этом должно происходить при диаметрально разных условиях — самоподдержки или самоотвержения. Сохранить себя значит выразить, «каковы» с точки зрения ее самосохранения связи поддержки или отвержения (ничто другое ее «не интересует»). Иначе говоря, целостности надо трактовать с позиций своей непреложности смысл «сохраняет / не сохраняет» так, чтобы в итоге сохранить себя.

Формируемое новое качество предполагает поэтому некоторое слияние, синтез двух существований в новое качество, обеспечивающее такое сохранение.

Вопросу «как» сохранить себя становится нужной информация, представленная в содержании связки. До появления вопроса «как» информация о происходящем в целостности, представленная в связке, не была адресована какому-либо звену целостности (образно говоря, была «бесхозной»). Но с появлением этого вопроса связка становится необходимой этому вопросу, адресованной его смыслу. Ведь в ее содержании — то, что необходимо для ответа на заключенный в нем смысл. Такой вывод вполне уместен, ибо в сути связки содержа 'хя сведения о том, каким образом осуществлять требуемое вопросом самоизменение. Без обращения к связке не построить требуемое средство самоизменения. Вопрос «как» начинает использовать качество самоотражения, представленное в связке. Таким образом, он берет на себя функцию активного начала, организующего дальнейшие процессы в целостности. Они идут под углом зрения «как» сохранить себя?

Ясно, что ответить на вопрос, «как» сохранить себя, не используя смысл связок, невозможно. Поэтому вопрос «как» сохранить себя начинает стягивать к себе качество самоотражения. Делать это он может

только одним путем — осуществляя «свертку» значения связки отражения или поддержки с объективно имеющимися у целостности позициями «сохраняет / не сохраняет» она бытие целостности. В результате этой свертки и должно породиться некоторое новое качество в виде активной рефлексии, осуществляющей требуемую функцию самоизменения.

Но уже говорилось о взаимоисключаемости существований целостности и связки. И если идти от положения о невозможности отделения связки от целостности, то ясно, что это средство может делать лишь попытки такого разъединения. Итог этого синтеза должен поэтому осуществлять (генерировать) попытки такого разъединения целостности и связок, создавать иллюзию их согласования (примирения).

Тем не менее «встречаются» два существования — целостность (в этом статусе ее непреложности) и связка «сохраняет-не сохраняет». Целостности при этом надо «отнестись к себе», к происходящему в себе. С помощью этого смысла она «узнает» именно нечто о происходящем в себе (рис.4).

Рис. 4. «Встреча» целостности и связки

Сама «встреча» факта существования целостности (ее позиции «как» сохранить себя?) с сигналом, «сохраняет / не сохраняет» ее связка означает момент начала формирования некоторого нового качества. Процесс его формирования более полно представлен на рис. 5. Начальная часть процесса изображена на рис. 4, где прямая линия означает, что образующие ее точки (целостность и связка) сопоставимы, сравнимы, предполагается их взаимодействие (поэтому и есть основания для расположения их на одной линии).

Появление такой линии фиксирует именно начало формирования качества рефлексии. Далее позиция имеемости, как только в ней оказывается смысл «сохраняет/ не сохраняет», влияет на этот смысл. Предполагается их свертка, взаимодействие. Требуется именно свертка этих двух вершин в некоторое объединяющее их новое качество. Таким образом, предполагается некоторая третья точка — она должна быть качеством рефлексии, выступающим итогом синтеза «сохраняет / не сохраняет» с позицией имеемости целостности. Целостность должна трактовать этот относящийся к ней смысл «сохраняет / не сохраняет» с позиций имеемости, заданности себя.

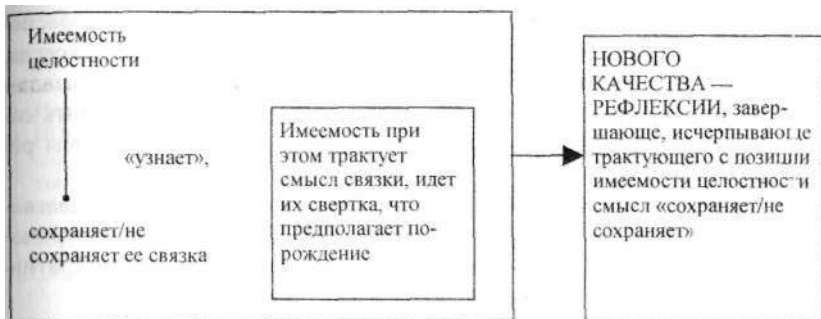

Рис. 5. Формирование нового качества — рефлексии

В основе приведенных рассуждений лежит то, что объективно присущие целостности исходность и непреложность делают ее, образно говоря, «скалой», «глыбой» бытия, под которую приспосабливается, адаптируется порождаемое качество рефлексии. Новое качество рефлексии должно обеспечить упрочение имеющегося бытия целостности. При этом ответ на то, «как» сохранить себя, ищется в паре «сам о себе», а в ней порождается, как говорилось, только оценка. Рефлексия может быть поэтому только формой оценочного отражения происходящего в себе.

Заданность «заставляет» целостность «смотреть» на связку именно с позиции того, «как» выработать средство своего сохранения при наличии смысла отвержения либо поддержки. Целостности нужно выразить («расшифровать»), что означает для нее сохранение или несохранение себя с позиций собственной имеемости. А ответить на вопрос, «как» сохранить себя, можно только с помощью завершающей оценки. Трактовка под углом зрения «как» — оценочная. Выходят,

что у имеющейся целостности неизбежно появление некоторого оценочного угла зрения. Иначе говоря, ответ на вопрос «как» может дать только оценка. Необходимо порождение оценки. Рефлексия выступит в форме оценки. Точнее, с позиций, «как» сохранить себя, связка отвержения / поддержки (отражаемое ею происходящее в целостности) может быть либо «хорошей», либо «плохой». О связке, т.е. о происходящем в себе, целостность может «высказаться» лишь посредством такой завершающей оценки. В оценке и выразится суть того, «как» рассматривать с позиций непреложности, заданности целостности сигналы о происходящем в ней отвержении или поддержке. Происходит свертка двух качеств в единое — оценку.

Далее оценка, порождая определенную динамику, будет обеспечивать своим смыслом имеющую целостность, ее право быть всегда. Есть качества оценки — есть и эти требуемые попытки реализации права быть. Оценка, выступая активной силой, будет производить самоизменение, направленное на реализацию права быть. Далее мы разовьем сказанное.

Оценки — удивительное средство решения конфликта существований. Они помогают целостности существовать в условиях абсурдности внутренней среды, преодолевать хаос в этой среде. В интегративной форме сказанное может быть представлено на рис.6.

Таким образом, на роль требуемого интегративного качества, способного осуществлять самоизменения, могут претендовать только оценки. Почему оценки? Выступают ли они активной силой, средством самоизменений, обеспечения со-существования целостности и связей и т.д.? Способны ли вообще оценки удовлетворять перечисленным требованиям?

Да, способны. Ведь оценки — всегда активная сила. Разумеется, в смысле этой активной силы должно быть в адекватной форме представлено все происходящее в целостности. Иначе эта сила будет «слепа», бессмысленна. Но адекватность оценок программируется уже самим смыслом связей отвержения или поддержки — их суть всегда адекватно отражает то, поддерживает или отвергает происходящее в целостности сам факт бытия целостности. Соответственно оценка, сформированная на базе такого адекватного самоотражения, тоже всегда адекватна. Она формируется просто как дополнение к адекватному смыслу связки. Оценка сохраняет эту исходную адекватность связки, внося в нее, разумеется, новизну, продиктованную «заботой» о сохранении целостности.

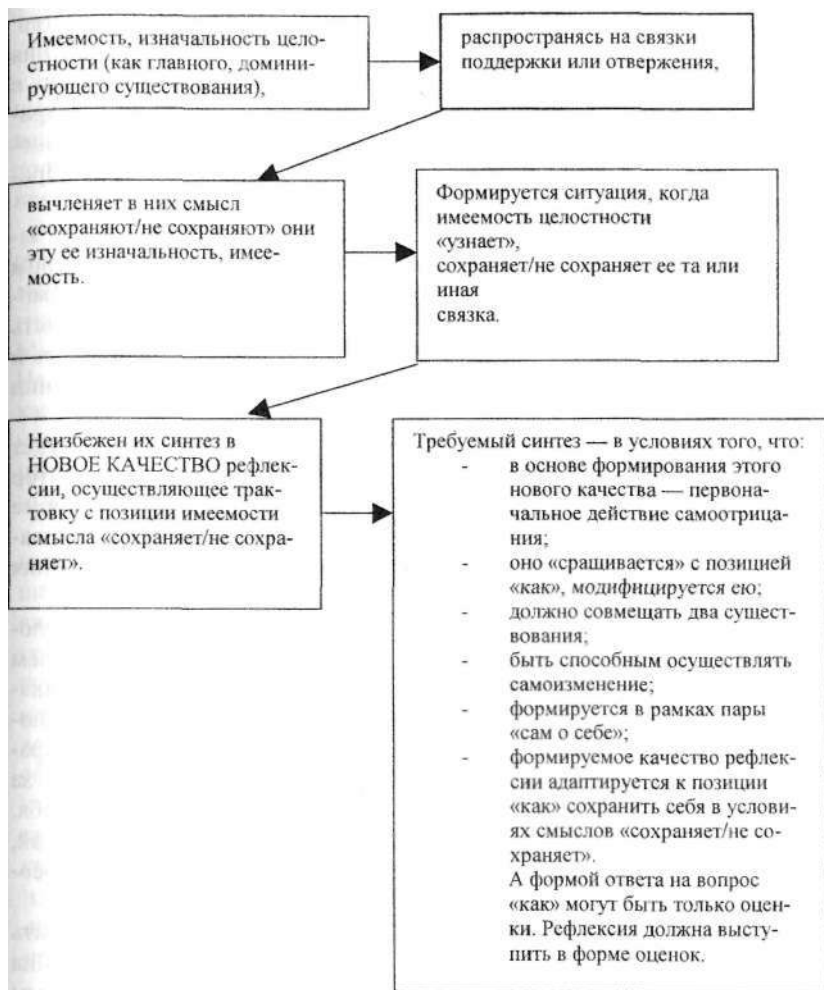

Рис. 6. Интегративное описание процесса порождения оценок

Предполагается еще одно важное условие для того, чтобы оценка могла выступить в форме активной рефлексии, способной осуществлять самоизменения. Дело в том, что и позиция имеемости целостности, и связки представляют собой вначале разнородные, разноплановые группы качеств. Для их свертки, синтеза (совмещения) они долж-

ны быть объединены (сведены) в некоторое однородное качество. Оценка — всегда однородное качество. Поэтому для порождения оценки возникает необходимость свертки разных качеств именно в однородное качество. Ведь сам смысл ответа на вопрос «как сохранить себя?» предполагает такое однородное качество. Свертка различных качеств в однородное качество и осуществляется в ходе порождения оценки.

Однородное качество оценки должно обладать собственным завершающим смыслом. Наделенная таким завершающим смыслом оценка всегда будет реальной силой, способной организовывать самоизменения в направлении достижения этого права целостности быть всегда. С ее появлением в целостности появится именно побудитель к движению в право быть, мотиватор требуемого в этом направлении самоизменения.

Отвечающая на позицию «как» активная сила в виде оценки будет «возвышаться» над материальным уровнем ДЦ», она — регулятор соотношений фактов существования, выражающий в условной форме необходимость сохранения главного, доминирующего существования.¹ — целостности. Она и будет создавать иллюзию разъединения целостности и связей.

Но понимаемая таким образом оценка — это самопознание целостностью себя, простейшие формы разума. Потому мы разрабатываем модель генезиса простейших форм разума. Ведь всякий разум начинается с таких «зауженных», эгоистических (оценочных) позиций. Любое живое существо интересуется прежде всего собственное самосохранение. И лишь потом эта «эгоистическая» позиция расширяется за счет более абстрактного интереса к познанию внешнего мира, себя. Однако исходная точка зарождения разума — в такой эгоистической, «зауженной» оценочной трактовке, сводящейся к «заботе» о самосохранении.

Для того чтобы рефлексия была реальной силой, способной быть побудителем самоизменений, для того чтобы целостности отвечать на вопрос, «как» сохранить себя, ее оценки должны обладать некоторым завершающим смыслом. Без такого завершающего смысла оценки не способны порождать попытки введения (выведения) связей из состава бытия целостности, стремление целостности к самоизменению, усилия разъединять конфликтующие факты существования и т.д. Признак завершенности является поэтому особо важным среди множества других ограничений, влияющих на облик порождаемого средства самоизменения. . . .

2.9. АБСОЛЮТ

Сами-то категории оценки, условной формы достаточно известны. Но в какой конкретно форме должна выступить оценка, чтобы воплощать в себе эту функцию завершенности? Иначе говоря, что должно формироваться, если к оценке добавляется признак завершенности?

Можно сказать, что наиболее полно смысл завершенности представлен в особом понятии, которое мы здесь вводим, — понятии *абсолюта*. Понимая всю накопившуюся за долгую историю науки и религии многозначность данного термина, мы все же остановимся на нем. Мы будем использовать этот термин в новом специфическом смысле. Не в смысле, употребляемом идеалистической философией, скажем, как совершенное, ни от чего не зависящее божество, идея и т.п., а как условная завершающая оценка. Таким образом, можно сказать, что целостность порождает некое качество, которое мы называем условным оценочным абсолютом.

Мы говорим, что в целостности для совмещения происходящего в ней по грани фактов существования необходимо качество завершающего абсолюта. Разрешить конфликт фактов бытия целостности и связки в условной специфической форме может только абсолют. Как средство, необходимое для преодоления взаимоотвергающих фактов существования целостности и связки, абсолют основан на явлении самоотрицания, самоотвержения целостности. Он — реакция на невозможность быть, модифицированное действие самоотвержения, сформировавшееся применительно к позиции «как». Можно сказать, что смысл абсолюта реализует для целостности право быть, является средством достижения самоосуществления. Посредством абсолюта связка вводится в состав бытия целостности или, наоборот, выводится из имеющегося бытия целостности. Абсолют в любом случае «разводит» два антагонистических существования, предоставляя каждому право быть.

Можно сказать, что именно посредством своего смысла абсолют, как условное качество, временно вводит двойственность в состав факта имеющегося бытия. Основная функция абсолюта — именно исчерпывающее и окончательное введение двойственности в факты имеющегося бытия целостности. Говорить о введенном в рассмотрение абсолюте, особом условном качестве, возникающем в целостности применительно к грани фактов существования, — значит вести речь именно об условной необъективной форме. Нужно особо подчеркнуть

необъективный, условный и завершающий характер абсолюта. Этот характер воплощается именно через императивную форму абсолюта, так как только она в ситуации описанного конфликта существований дает возможность выразить, что значит происходящее в целостности с точки зрения примата бытия самой целостности.

Императивность формы абсолюта— прямое следствие того, что абсолюта должен сохранять (делать попытки сохранения) факт бытия имеющейся целостности, поддерживать ее заданность. Каким же образом абсолюта снимает конфликт фактов бытия? Каким образом он может «завершить его»? Может ли он это сделать? Разумеется, может. Ведь абсолюта — условное завершающее высказывание целостности о себе, о происходящем в себе, с позиций заданности себя — высказывание, соотносящее в императивной форме факт бытия целостности с происходящим в ней. Он — сохраняющее целостность условное решение для себя. И условно разрешить конфликт для себя целостность может, лишь придав средству разрешения некоторый всезавершающий, исчерпывающий смысл.

Есть все основания полагать, что только форма завершающего абсолютного высказывания, такого условного решения «для себя» сможет выполнить роль реального средства самоизменения, осуществляющего влияние факта бытия целостности на происходящее в ней, подгонку этого происходящего под факт собственного бытия. Нужно заметить еще раз, что абсолюта— это особая реальность условного типа, она как бы вырастает над объективной реальностью, той, которую исследователь выражает связями, элементами, отношениями, всеми категориями элементарно-структурного метода, присущего науке.

2. 10. ВИД АБСОЛЮТА

Сейчас нас будет интересовать вопрос, в какой же конкретной форме может выступить выведенное нами качество абсолюта при совмещении с бытием целостности связки отрицания и связки поддержки.

Рассмотрим сначала совмещение при связки отрицания. При этом в целостности разворачивается следующий процесс. Вопрос «как» порождает необходимость в некотором особом угле зрения, суть которого будет состоять в том, чтобы некоторым завершающим качеством выразить, «как» сохранить себя в условиях самоотвержения,

«как» некоторым образом трактовать самоотвержение с единственной целью сохранить свою заданность.

Смысл вопроса «как» ориентирует течение процесса на то, чтобы бытие целостности и явление ее самоотвержения связывались неко"орым условным завершающим качеством. Это качество будет показывать, что означает с точки зрения примата наличного бытия происходящее в ней явление самоотвержения. Как уже говорилось, на этот вопрос дают ответ оценки. Если такой вопрос возник, ответ на него может быть полярно-оценочным. Трактовать же происходящее с точки зрения некоей оценки можно, только выразив его как нечто «хорошее» или «плохое». Здесь мы употребляем эти слова опять-таки в особом специфическом смысле, как некие условные характеристики, которые присущи возникающей в целостности оценке. Они имеют только весьма опосредованное отношение к обычному значению, которое присуще словам «хорошо/плохо».

Мы постулируем, что, с позиции заданного уже имеющегося бытия целостности, происходящее в ней саморазрушение, самоотвержение, представляемое смыслом связки отвержения, будет, безусловно, «плохо». Словом «плохо» мы обозначаем некое специальное представление о смысле абсолюта, который возникает в целостности при совмещении связки отвержения и влияет на происходящее в целостности. Мы можем сказать, что смысл абсолюта, выражаемый словэм «плохо», состоит в склонении целостности к избавлению от внедрившегося бытия связки, которое «плохо» именно в некотором завершающем и исчерпывающем плане. Абсолютом, таким образом, накладывается запрет на бытие событий, к которым отнесен смысл отвержения. Целостность «осознает» в качестве этого абсолюта, в содержании его смысла, что происходящее в ней завершающее «плохо» для нее, оно понижает ее претензии на право быть, на существование. Мы видим, что в данном случае мы имеем особую форму разумности, некоторую оценочную разумность в целостности.

Здесь мы делаем важный вывод о том, что самоорганизация будет осуществляться именно через реализацию смысла данного абсолюта. Почему мы можем так сказать? Потому что абсолют «плохо» является не только оценочным всезавершающим высказыванием (оценочность — только одна сторона абсолюта), но и активным побуждающим началом, активной силой, звеном самоизменения, средством влияния со стороны целостности на ее возможности, на все происходящее в ней. Это, разумеется, форма рефлексии, «осознания» целостностью происходящего в себе. Смысл абсолюта в данном случае со-

стоит в утверждении необходимости выведения того, что «плохо», за пределы бытия целостности, «убирании» его из состава бытия. Если происходящее «плохо» для целостности, если оно — следствие связки отвержения, если оно понижает право целостности на существование, то «плохо» как завершающее качество предполагает обесценивание, понижение в праве на существование того, что противоречит факту бытия целостности. Ведь бытие целостности непреложно, оно должно быть сохранено.

Абсолют «плохо» старается убрать, вывести за пределы бытия целостности то, что стоит за явлением самоотвержения целостности. Через такое выведение и достигается поддержание заданности уже имеющегося бытия целостности, его непреложность.

Иная ситуация возникает при связке поддержки. Требуется с позиции заданного бытия целостности трактовать явление самоподдержки, т.е. в условной оценочной форме выразить, что означает для бытия целостности явление ее самоподдержки, самоусиления. И сделать это нужно опять-таки с точки зрения сохранения имеющегося бытия. Иначе говоря, требуется выразить, «каково» для существования целостности это явление самоподдержки, выражаемое связкой поддержки. В имеющееся бытие целостности внедряется принципиально другое явление — явление самоподдержания, способствования самопроявления и самораскрытия целостности. И здесь требуется отреагировать на него с той же позиции непреложности, заданности себя. Понятно, что при самоотражении данного типа это происходящее говорит о ее устойчивости, о перспективе сохранения в будущем, некоем определенном запасе прочности бытия. Непреложность целостности здесь очевидно поддерживается, как бы гарантируется. Поэтому мы можем сказать, что с позиции имеющегося бытия самоподдержка целостности всегда желательна, «хороша». Этим условным термином «хороша» мы и выражаем смысл происходящего в целостности в данной ситуации. Абсолют, формирующийся в условиях самоподдержки, выражает своим смыслом желательность того, что скрывается за связкой поддержки.

Мы можем сказать, что качество «хорошо» в некотором исчерпывающем завершающем контексте отражает желательность чего-то для целостности. Поэтому все стоящее за этим абсолютом, оцениваемое им, будет вгоняться, вводиться в состав имеющегося бытия целостности. Это тоже очень важное звено саморазвития, самопрограммирования процессов в целостности.

Таким образом, абсолют «хорошо» также является формой односторонней разумности целостности, в которой она осознает свои потребности и нужды с позиций той же логики собственной непреложности и необходимости самосохранения.

Ясно, что и абсолют «хорошо» — активная сила, форма рефлексии.

2.11. АБСОЛЮТЫ КАК ГЕНЕРАТОРЫ САМОИЗМЕНЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ

В любом из качеств «хорошо/плохо» всегда представлена необходимость самоизменения. Это следует из всей логики сказанного. И абсолют «хорошо», и абсолют «плохо» — это, как уже говорилось, модифицированные действия самоотрицания, сформировавшиеся применительно к позиции «как». Они побуждают целостность что-то вводить или выводить из состава своего бытия, преобразовывать, создавать иллюзии выведения связей, т.е. осуществлять самоизменение. Ведь только через динамику, процесс изменений себя и может существовать целостность. Абсолюты создают прежде всего саму необходимость самоизменения. Они навязывают его целостности. Имеющемуся бытию целостности, чтобы быть, (продолжить быть), надо измениться, выйти из состояния самоотрицания, преодолеть невозможность того, что есть. Работает действие самоотрицания, сращенное с позицией «как» и воплощенное теперь в качестве абсолюта. И это породившееся качество абсолюта служит возможности такого выхода из состояния самоотрицания, выступая механизмом реализации права на бытие каждого из отрицающих друг друга фактов существования.

Абсолюты запускают процессы самоизменения. Более того, они делают их необходимыми, именно навязывают их целостности, их основное предназначение — требовать самоизменения. И «хорошо», и «плохо» несут в себе потенцию к самоизменению. Это именно модифицированные действия самоотрицания, активная сила, побуждение к самоизменению. Можно провести их аналогию с положительной и отрицательной эмоциями. При такой трактовке с абсолютами связывается проблема внутренних источников развития, движущих сил самоорганизации в живом, механизмов самопрограммирования и т.п. Введение понятия абсолютов позволяет опереться на некоторый конкретный механизм в объяснении этих проблем. Согласно развиваемым представлениям, в целостности имеется принципиально присущая ей

способность к самоизменению, и корни этой способности к самоизменению — в столкновении фактов бытия целостности и связки. Из их столкновения возникают области самоотвержения, самоотрицания, «стоп-процессы», которые побуждают целостность запустить механизм изменения себя. Быть можно только в динамическом процессе самоизменения. Возникает именно необходимость самоизменения, она представляется самым качеством абсолюта, его смыслом. Именно с появлением абсолюта как активного побудительного начала потенциальная способность целостности к самоизменению переводится в актуальную. Роль самоорганизующего начала берет на себя абсолют, представляющий оценочную разумность целостности.

Мы можем сделать вывод, что механизм пробуждения потенциальной способности к самоизменению через такую оценочную разумность проявляется в самых разных типах живого, выступающих в форме различных целостностей.

Ведь аналог абсолютов эмоция — всегда сигнал о необходимости самоизменений в живом. Своим смыслом она ориентирована на то, чтобы осуществить попытки разятия конфликтующих фактов существования, реализовать для каждого из них право на существование. Само постоянное возникновение эмоций, их представленность на разных уровнях живого возможны были только на основании некоторой универсальной базы. В качестве такой базы и выступает, по нашему мнению, ситуация «стоп-процессов», самоотрицания. Следует, однако, заметить, что эта ситуация «загнана» внутрь живого и ненаблюдаема извне. Исследователь, как правило, не замечает состояние самоотрицания внутри целостности, этой «невозможности быть», и сосредоточивает все свое внимание лишь на внешне наблюдаемом поведении, которое является только следствием реализации рассматриваемых условных процессов, ненаблюдаемых извне. Между тем работа скрытых сил, осуществляющих самоизменение, присутствует на всех уровнях живого — от самых примитивных до человека.

Эта условная форма в виде активной силы внедряется в то, что мы называем объективно происходящим в целостности, корректирует его. Ее смысл состоит в «снятии» конфликта фактов существования, в наделении его некоторой условностью. В итоге в целостности появляется нечто «хорошее» или «плохое», нужное или ненужное. Но ведь такое наделение конфликта смыслом, как говорилось, — некоторое активное начало, за счет него все происходящее в целостности как бы существует, вместе с тем оно выводится или вводится в состав имеющегося бытия и поэтому теряет свой чисто объективный статус. Раз-

решается быть тому, что раньше было невозможно, ибо идет попытка введения его в ранг возможного. Факты существования целостности и связки как бы выводятся из области противоречий (сферы контакта, области взаимодействия). Им открывается право быть за счет приписывания смыслов нужности или ненужности. Такая условная трактовка означает, что все объективно происходящее приходит в некое условное соответствие. Да, «быть невозможно», но абсолюты и дают попытку отхода от этой ситуации самоотрицания. Такая условно-оценочная трактовка происходящего смыслом абсолюта, осуществляющая попытку «разведения» фактов существования, позволяет в итоге преодолевать невозможность быть, состояние самоотрицания, «стоп-процессы». Да, действительно, самоотрицание, конфликт очевиден (то, что есть, не может быть), но с точки зрения того, что один из конфликтующих фактов существования уже вводится или выводится из состава имеющегося бытия, быть уже оказывается возможным. Вето на право быть снимается, области самоотрицания, самоотвержения, «стоп-процессы» начинают становиться «нормальными» областями. Идет попытка превращения их в нормальные области (другое дело, что это именно иллюзорная попытка). Но абсолют, внося условность в происходящее в целостности, позволяет осуществить скачок из состояния самоотрицания, невозможности быть, в квазинормальное состояние, реализуя при этом присущее целостности стремление к самосохранению.

Излагаемая концепция в известной степени проясняет давно поставленную проблему так называемой объективной базы психических явлений. Совершенно очевидно, что построенная база порождения условной сферы, источников саморазвития может служить ориентиром на пути выработки новых подходов к конструированию искусственных и управляющих систем. Пока, как известно, попытки моделирования таких регуляторов активности и поведения биообъектов, как эмоции, чувства, мотивы, ни к чему конструктивному не привели. Это далеко не случайно, ибо вне поля зрения представителей системных математических исследований оставались категория фактов существования, характеристика вхождения в целое, сам принцип совмещения и др. Исследователи были в существенной степени ограничены рамками явлений и событий чисто объективного уровня. Поэтому уровень условной сферы, которая и осуществляет самоизменение, при таком подходе также оставался вне поля зрения исследователей.

Итак, главное в живом разворачивается на уровне фактов существования. Но именно этот уровень и не был представлен в исследовани-

ях. Можно сказать, что с категорией фактов существования разработчи<и системных продуктов, интеллектуальных, кибернетических, управляющих систем, не имели и не имеют дела. Созданные ими абстрактные и соответственно технические системы не обладают существованием в указанном выше смысле. Грань фактов существования возникает естественным образом в результате процессов совмещения — при достижении определенного уровня сложности в процессе развития (эта грань, как говорилось, вычленяется вхождением в целое).

При этом факт существования, по нашему мнению, возникает именно на определенном уровне сложности природных объектов, с возникновением отделенного от среды целого, базирующегося на сложной внутренней динамике, обладающего самосохранением и устойчивостью. Без понимания всего этого нельзя выйти на продуктивные попытки моделирования основных качеств живого, моделирования слоя явлений условной сферы, которая только и способна придать искусственным системам те возможности, которые есть у живого. Для успеха подобных попыток требуется воссоздавать эффект двойственности существования, описывать процессы совмещения и др. Только тогда мы сможем смоделировать появление в искусственных системах реальных аналогов оценок, вообще всей условной сферы.

Процессы порождения качеств абсолютов мы выводили, учитывая пока только общие условия совмещения. Действительно, в любой целостности есть ситуация отвержения/поддержки, соответствующая связка и т.д. И закономерно, что во всех эмоциях можно без труда обнаружить качество условного абсолюта. Например, понятие боли или страдания сразу теряет смысл, если из него вычесть качества завершающего абсолюта «плохо». Без абсолюта «плохо» нет ни боли, ни страдания. Также теряет свой смысл эмоция радости, если из нее вычесть качества абсолюта «хорошо». В этом смысле абсолюты «хорошо/плохо» — компоненты, действительно присущие всем качественно разным типам эмоций. Но у эмоций, как известно, есть и специфика. Реальные эмоции (боль, гнев, радость, страдание, ярость, страх, жальность и др.) различны (*Изард, 1980*).

И гипотеза в том, что специфика эмоций производна от специфика условий совмещения. Специфика условий не может не отражаться в конечных итогах совмещения. Из отражения различий условий совмещения выводятся и различия качеств абсолюта.

Например, возможны такие условия совмещения: в целостность внедряется какой-то травмирующий ее предмет. Целостность при этом сталкивается с операционально-отвергающими ее составляющими,

порождается связка отвержения, введение этой связки в ранг уже имеющейся целостности приводит к формированию императивного качества завершения в форме оценки «боль». Боль по своей сути как качество близка абсолюту «плохо» — она будет генерировать действия, отвергающие, запрещающие это травмирующее воздействие (уход, отползание от предмета и т. п.). Но представим теперь, что на целостность обрушиваются воздействия, отвергающие эту целостность, но она за счет своей рефлексии, исполнительных возможностей может каким-то образом запретить эти воздействия, прекратить их генерацию (влияя на источник этой активности). Какое условное качество может совмещать уже факты существования такого рода воздействий и целостности организма? По-видимому, это может сделать только качество типа ярости, гнева, побуждающее целостность влиять на источник этой активности.

Таким образом, специфика условий совмещения, неизбежно представленная в конечных результатах совмещения, всегда будет «окрашивать», модифицировать общий компонент совмещения, добавлять к нему некоторое своеобразие. Поэтому порождаемые на выходе совмещения качества должны быть «сплавом» общего компонента и этой отраженной специфики, что и обуславливает присутствие в эмоциях как общих компонентов, так и этой отраженной специфики.

2. 12. КОГНИТИВНЫЕ ФУНКЦИИ*

Итак, мы имеем целостность, обладающую не только «самоосознанием», но и абсолютами, отнесенными к определенному Я. Как только абсолюты формируются, они включаются в сферу Я, захватываются Я. Далее мы остановимся на этом вопросе подробнее.

Пока отметим, что для того чтобы эмоционально окрашенное «Я» целостности могло существовать, оно должно иметь и представление о внешней среде, обладать способностью к преобразованию, выделению общего, запоминанию — в общем, располагать комплексом качеств, которые принято называть когнитивными функциями. Далее мы покажем предпосылки порождения соответствующих качеств условной сферы, которые обслуживают это эмоциональное «Я», его существование.

Начнем с выведения предпосылок порождения образа внешней среды, формирования чувствительности.

Некоторые аспекты данной проблематики рассматриваются в параграфе 3.7.

Чувствительность, образ среды. Имея сложные и разнообразные отражательные возможности, целостность отображает воздействие внешней среды, т. е. в факт ее бытия постоянно внедряются внешние раздражители. Целостность при этом заполнена качествами отражения, самоотражения, ее представитель — Я. И эти сложные качества пытаются преобразовать внешний раздражитель под факт своего существования.

Есть: а) факт существования целостности; б) внешний раздражитель, «внедрившийся» в это бытие целостности. У раздражителя сначала чисто объективный статус: он находится вне бытия целостности, качества ее рефлексии. Но есть и в) качества отражения, самоотражения.

Как говорилось, целостность заполнена существованиями, выполняющими функцию отражения. В пространстве целостности, заполненном этими существованиями-отражениями, оказываются разнообразные внешние раздражители. И внешнему раздражителю надо придать форму, делающую его «понятым» для них. Значит, надо «поднять» этот вначале объективный раздражитель до уровня имеющихся существований-отражений.

Рассмотрим процесс более детально.

Говоря ранее о том, что целостность, ее отдельные составляющие ЕСТЬ, СУЩЕСТВУЮТ, мы говорили вместе с тем, что эти существования выполняют и вторую, оставшуюся пока вне подробного анализа, функцию — отражательную (раз существуют — значит отражают некоторое бытие). И внешний раздражитель, оказавшись в пространстве целостности, оказывается в сфере действия этих качеств отражений. Поэтому он должен некоторым образом согласовываться, совмещаться с ними. А первоначальный объективный смысл внешнего раздражителя совершенно не соответствует смыслу качеств отражения. Качества отражения «стараятся» превратить его в то же качество отражения. Они являются более сильными по отношению к раздражителю. И из раздражителя им надо «сделать», сформировать то же качество отражения. При этом требуется не просто отражение, но отражение с позиции ЕСТЬ, СУЩЕСТВУЮ. Иными словами, возникающее на базе раздражителя отражение должно быть таким, чтобы представлять, что раздражитель ЕСТЬ, СУЩЕСТВУЕТ именно для целостности. Порождаемые качества отражения должны представлять факт его существования для целостности.

Принципиальный момент состоит в том, что вся среда целостности именно заполнена этими качествами отражений — она, образно

говоря, «наваливается» на раздражитель, требует его преобразования под себя, под свое бытие, превращение его в нечто однородное по отношению к себе, подобное себе. Такую функцию «встройки» в уже имеющееся бытие целостности может выполнить именно качество отражения. И внутренней среде целостности надо «сделать» из внешнего раздражителя то же качество отражения. При этом требуемое качество отражения должно «поднимать» раздражитель до уровня существования, согласовывать с уже имеющимися существованиями-отражениями, быть предназначенным «для себя» и т. д. В общем, сама внутренняя среда целостности «сталкивает» раздражитель с уровня чисто объективного статуса и побуждает его к переходу в уже другое качество — отражение. Это происходит, как только он попадает во внутреннюю среду целостности (до этого он был представлен набором чисто объективных характеристик). Иначе говоря, именно внутренняя среда целостности требует превращения раздражителя в принципиально иное качество. Раздражитель попадает в более мощную, сильную сферу — сферу отражений, наделенную своим смыслом, логикой (раздражитель слабее ее). И эта сфера превращает его в другое, предназначенное «для нее» качество отражения, согласует с собой.

Выходит, проявляющие свой смысл качества отражения могут, образно говоря, «перевернуть» раздражитель, «столкнуть» его с уровня чисто объективного статуса и превратить в качество отражения. При этом на действующую тенденцию к такому превращению накладываются и уже известные ограничения: порождающееся отражение должно быть качеством, предназначенным «для себя», носить условный характер, сохранять целостность и т. д.

Без превращения в соответствующие качества раздражитель будет «чужд» смыслу заполняющих целостность качеств отражения, не совмещен с ними и тем самым не встроен в факт их бытия. Иначе говоря, он будет инородным телом во внутренней среде целостности.

Но что значит для раздражителя «начать существовать» для целостности? В какой конкретной форме качество отражения способно выполнить эту функцию? Ясно, что для реализации этой функции раздражитель должен быть некоторым образом «замечен, выделен» целостностью.

Построенное на базе раздражителя качество отражения должно выступить в форме некоторых наименований (имен), означающих, что раздражитель «зафиксирован», «замечен», «выделен» целостностью, начал для нее существовать. Функцию такого выделения могут выполнять только наименования. Как только раздражитель поименовы-

вается, так и начинает для целостности существовать. Конкретно эти наименования (имена) выступают в форме актов ВИДЕНИЯ, СЛЫШАНИЯ, ОБОНЯНИЯ и им подобных. Именно через эти акты существование целостности способно «заметить», «выделить» раздражитель, «поднять» его до уровня себя, сделать «понятным» себе и т. п. Иными словами, наименование играет фундаментальную роль в выделении, фиксации раздражителя, материализации факта его существования для целостности. Наименования в форме этих предназначенных «для себя» качеств «вижу», «слышу» и им подобных обеспечивают «встройку» раздражителя в факт уже имеющегося бытия целостности.

Одновременно появление этих наименований означает, что раздражитель уравнивается с составляющими внутренней среды целостности; он теперь ведет существование. Он объединяется с ними через существование, которое выполняет функцию завершения.

Поскольку раздражители — разные по своей природе, то и порождающиеся наименования (имена) тоже могут быть разными. Одни будут отражать для целостности «начало» факта существования звуковых колебаний, другие — возникновение электромагнитных колебаний и т.д. Но появление самих наименований (имен) неизбежно, так как именно они отражают «начало» существования раздражителя для имеющегося бытия целостности. Появились эти наименования — появился и факт существования раздражителя (без них его существования для целостности нет). Такие наименования означают, что раздражители именно «замечены», «выделены» целостностью, они выполняют функцию его встройки в имеющееся бытие целостности. Наименования нужны, раз нужно превращать раздражитель в качество предназначенного «для себя» отражения.

Выходит, с появлением заполняющих внутреннюю среду целостности отражений появляется реальный механизм, «сталкивающий» все множество раздражителей в принципиально другое русло — русло некоторых условных качеств отражений в виде этих наименований (имен). И не в этом ли механизме следует искать корни порождения самых разных видов чувствительности? Ведь наименования (имена) в форме актов «видения», «слышания» и им подобных и означают, что они начинают существовать для целостности, введены в факт ее бытия, выделены целостностью. Это, во всяком случае, новая трактовка появления чувствительности.

Заполняющие пространство целостности отражения именно программируют трансформацию объективных раздражителей в совер-

[ценно другую форму — чувствительности, условную по своей природе, предназначенную «для себя» (для целостности). Ведь само появление наименования (имени) и означает, что целостность «замечает», «чувствует», раздражитель, что он начинает «существовать» для нге. фактически именно так можно представить генезис чувствительности, гипотезу о связи объективного и субъективного.

В еще более яркой форме тенденция к превращению раздражителя в качества отражения обнаруживается, если мы начинаем анализировать влияние на раздражитель качеств Я. Я, образно говоря, вообще «непонятен» чисто объективный смысл раздражителя, оно поэтому сразу требует превращения его в качество «для себя». Я должно «поднять» объективный раздражитель до уровня себя, сделать частью своего бытия, превратить его в часть своего существования. Я, как говорилось, — активная сила, работающая с внешним раздражителем. И оно должно построить из раздражителя нечто, вводящее его в факт своего бытия. Я поэтому «наваливается» на чуждый ему раздражитель, тестирует, «инспектирует» его, образно говоря, и так и этак, ему надо как-то достроить его, чтобы он отвечал на вопросы, поставленные самим существованием Я. Внешний раздражитель должен «задышать» жизнью Я, начать существовать для Я. А что значит начать существовать для Я? В каком условном завершающем качестве может предстать это начало существования для Я?

По-видимому, в том же качестве наименования (имени) для раздражителя. Опять же требуется присвоение внешнему раздражителю такого наименования (имени). Он должен «обрести» имя — только так он может войти в факт бытия Я, начать существовать для Я. Раздражители под влиянием наиболее развитой формы отражения — сам отражения — должны быть также обозначены актами «видения», «слышания» и им подобными. Процесс поэтому аналогичен для индивидуальных и надиндивидуальных существований, ими порождаются одинаковые программы трансформации раздражителя.

Ведь отразить, что раздражитель ЕСТЬ (замечен Я) и значит выразить, что Я что-то «видит», «обоняет» (в этом факте — сам факт бытия раздражителя, начало его существования для Я). Сначала раздражитель находится вне сферы Я — он обладает только чисто объективным статусом. Но попадая в целое, он должен стать частью Я, «приобрести» тем самым факт бытия для представителя целостности — Я. То, что он «услышан», «увиден», и означает, что он есть для Я целостности. Введение в факт бытия Я осуществляется именно через эти качества, которые и означают, что он начал существовать для

целостности, «замечен» целостностью (появляется для нее, приобретает статус «есть»). Повторяем:стройка в факт бытия Я неизбежно порождает эти отражающие его наличия для Я качества «видения», «слышания» и им подобные. Целостность с их появлением перестает быть «глухой», «слепой» — она фиксирует само наличие существования разнообразных раздражителей, открывает «для себя их бытие». Одновременно бытие целостности обогащается за счет этих существований.

При этом качества «вижу», «слышу» означают, что из чисто объективной реальности раздражитель переводится в ранг некоторой условной, предназначенной «для себя» реальности.

Процессы опять разворачиваются применительно к грани фактов существования, а конкретно — применительно к процедурестройки раздражителя в факт имеющегося бытия Я.

Итак, раздражитель приобретает конкретное наименование (имя), означающее, что он «замечен», «выделен» целостностью, ее представителем — Я.

Одновременно, в результате порождения этого наименования раздражитель поднят до уровня Я. Я, как указывалось, более сильное, доминирующее существование по отношению к раздражителю. Поэтому под него преобразуется раздражитель.

Поскольку в раздражителе всегда отображены некие характеристики внешнего мира, то Я, включая его через поименование в орбиту своего существования, тем самым расширяет, продлевает и собственное существование. Далее мы остановимся на этом подробнее. Пока подчеркнем, что видеть, слышать может именно определенное Я. В итоге Я начинает звучать актами видения, слышания. Без адресации внешнего раздражителя к Я и наделения его соответствующим наименованием (именем) он вообще теряет свой смысл.

Я «вижу», Я «слышу» при этом — некоторые продления Я, обогащения его как существования. Размыкаемость Я через раздражители на внешний мир, продление и расширение им сферы своего существования — это принципиальный момент. Акты видения, слышания фактически представляют Я во внешнем мире. Я уже не замкнуто только на самой целостности, но разомкнуто и на внешний мир, распространяет свое влияние на внешние раздражители. Сфера его существования расширяется. Появляется «слышащее», «видящее» (разомкнутое на внешний мир) Я. Иными словами, Я, «переливая» свой смысл на раздражитель, достигает собственного расширения, преодолевает первоначальную замкнутость на целостности (и на ее проявлениях), вы-

ходит во внешний мир. Целостность через это может открывать для себя внешний мир, она приобретает способность «работать» с внешними воздействиями. Воздействия начинают для нее «обрастать» значениями через имена. Такие имена — образно говоря, щупальца, представители Я во внешнем мире, внешней среде. Налицо как бы разлив Я по руслам (мирам) внешних агентов. Сначала Я было замкнутым на целостности, ее самопроявлениях, а потом качество рефлексии распространилось и на внешний мир. С присвоением имен раздражителям Я обретает дар видеть, слышать. Оно начинает «звучать» этими именами.

Я — центр, системообразующее качество порождаемой условной сферы. Не может быть ощущений, эмоций, функций преобразования, памяти, не принадлежащих определенному Я.

Реальная целостность всегда открыта на внешние воздействия, реагирует на свет, звук, химические агенты. Они ею отображаются. Сначала они чисто объективные, не поименованные, «безымянные». Но в них «вливается» оживляющий смысл отражений, самоотражений.

Внедряясь в световой, звуковой раздражитель, Я передает им свой смысл (этот смысл будет зависеть от материальных возможностей целостности).

В любом акте отображения внешнего раздражителя всегда представлен этот наполняющий раздражитель смысл «для себя», идущий от Я. Получается, что рефлексия — «МАТЬ» всей психики, что она древнее, первичнее, исходнее всех других качеств условной сферы. Именно на самоотражение «нанизываются» все другие качества условной сферы, отнесенность к Я (или к пред-Я) придает им смысл.

У целостности множество выходов на внешний мир, множество каналов связи с внешним миром. Поэтому она заполняется обилием таких «имен». Мы сталкиваемся с многообразием существований. Но что происходит далее, после появления такого наименования (имени)?

Ведь внешний раздражитель неизбежно несет в себе информацию о внешней среде, ее пространственных, временных характеристиках. У целостности и ее представителя Я при этом одна программа — превращать все, что в них оказывается, в средства своего сохранения. И одно только условное имя еще недостаточно, чтобы упрочивать, сохранять себя. Требуется наращивание ясности, определенности этого имени до степени, способной обеспечить требуемое самосохранение. Этого требует Я (ему должно быть понятным, что представляет собой

этот открывшийся внешний мир, оно должно иметь образ этого мира с параметрами внешних объектов, их пространственными, временными, интенсивностными характеристиками). Непреложность целостности требует такого усиления ясности, понятности обозначенного именем раздражителя «для Я». А в раздражителе неизбежно представлена информация о внешней среде, о ее пространственных, временных характеристиках. И сделать поименованный раздражитель понятным для Я можно только одним путем: трансформировав его в некоторый более полный, ориентирующий целостность в среде образ. Функция ориентировки в среде и будет обеспечивать уже окончательное «встраивание» раздражителя в бытие целостности, обеспечивать понятность раздражителя для Я. Появится не только наименование, но и его конкретизация, несущая в себе сведения о внешней среде, ориентирующая Я в среде.

С появлением такого достаточно полного, способного ориентировать целостность в среде образа из начальной только «поименованной» и поэтому неизбежно «смутной» информации о внешней среде у целостности формируются выраженные на языке ее возможностей (движений, действий) более ясные представления о внешней среде. Наименования разворачиваются до уровня этих более конкретных образов, условных понятий о среде, имеющих уже более богатое содержание, более приближенных к выполнению задачи ориентировки целостности в среде. Их смысл, встраиваясь в факт имеющегося бытия, неизбежно должен говорить о том, что с позиций непреложности этого бытия что-то в этой среде для целостности условно далеко, а что-то близко, что-то велико, а что-то, возможно, мало и т. д. Целостность, обладая возможностями движения, действия, способна «выходить» в эксперимент, меряя дистанции, расстояния в среде своими движениями, действиями, корректируя в итоге свой образ среды. Этот условный образ среды неизбежно будет формироваться именно восстанавливающим языком собственных движений, действий целостности (как единственных имеющихся в ее распоряжении реальных измерителей характеристик среды). В итоге такие условные образы и смогут выполнять функцию ориентировки целостности в среде и тем самым способствовать сохранению, поддержанию непреложности ее бытия.

Следует подчеркнуть также, к каким конечным результатам приводит превращение раздражителя в такое качество «для себя». Этот строящийся «для себя», для обеспечения собственной непреложности образ среды своим содержанием должен быть отнесен к миру внешних объектов. Он с необходимостью должен обладать свойством предмет-

ности и обращенности к внешнему пространству (без этого он не сможет ориентировать целостность в среде). Такая необходимость отнесения отраженных свойств среды к характеристикам внешнего мира и представляет, по-видимому, корни того, что психологи называют объективацией образа.

Поскольку представительство «для себя» всегда предполагает завершенность, законченность, то добиваться такой завершенности можно только через придание строящемуся «для себя» (для Я) образу некоторой несомненности, «абсолютности». Для достижения же последних образу внешней среды (как качеству «для себя») должно быть приписано значение чего-то непреложно далекого или близкого, абсолютно большого или малого, безусловно кратковременного или долговременного и др.

Таким образом, то, что выводится на выходе процессов совмещения как итоговый эффект, очевидно, характеризуется признаками, присущими и реальной психике (во всяком случае, такая аналогия вполне уместна).

Функция преобразований. Итак, внутри целостности появляется мир образов, предназначенных для ориентировки в среде. Эти строящиеся «для себя», для собственного сохранения образы среды своим содержанием должны быть отнесены к миру внешних объектов, выражены в терминах характеристик внешней среды. Поэтому для выполнения своей ориентирующей функции образы, став частью целостности, должны сильно дифференцироваться, отличаться друг от друга.

Надо заметить, что понятие отличий изначально предполагается понятием живого, связь составляющих которого не могла возникнуть иначе, как на отличиях его составляющих друг от друга. Сама связь, динамизм зарождаются как преодоление некоторых отличий, возникающих на каких-то неоднородностях (имеются в виду отличия веществ друг от друга в концентрации, в структурах, неоднородностях энергий и др.). Более; масштабные формы различий вносит в целостность мир образов, предназначенных для ориентировки в среде. Что же могло быть средством совмещения этих многочисленных образов, отличных друг от друга по параметрам размеров, дистанций, интенсивности, длительности и др.?

По-видимому, таким средством могло быть только отношение *преобразования*. Выразить, во сколько раз отображаемые характеристики образов среды больше или меньше, длиннее или короче, интенсивнее или слабее друг друга, насколько они различаются между собой, можно только через отношение преобразования. Другими слова-

ми, факт вхождения образов среды в целое, влияя на их отличия друг от друга, порождает отношение преобразования как средство совмещения различий. Отношение преобразования— средство, с помощью которого целостность могла согласовать, объединить нараставшие в ней различия образов среды.

При этом следует говорить об отличиях на качественно различных уровнях. На исходном уровне аналогами различий составляющих целостности выступают именно неоднородности веществ, энергий. В качестве средств их совмещения выступают процессы переноса веществ, энергий, снимающие эти неоднородности. Но для совмещения различий уже на уровне образов среды (пространственных полей, длительностей, размеров, интенсивностей) средство совмещения не может не выступать в качественно иной форме, более приближенной к природе этих возросших по своим масштабам различий, а именно в виде некоторой более масштабной, более выраженной функции преобразования, аналоги которой мы обнаруживаем на уровне реальной преобразовательной способности человека, его возможности усиливать или ослаблять свойства объектов, совмещать различия пространственных полей. Данная функция могла в конце концов «отщепиться» от самих совмещаемых отличий образов друг от друга и выступить в виде самостоятельной способности к преобразованиям. Совместив какие-то конкретные различия элементов целостности, функция преобразования не исчезала бесследно, а оставалась в реальной живой целостности, «наполняя» собой ее пространство. Наличие этой функции провоцирует «потребность» в самом преобразовании, в изменении чего-то внутри целостности, в распространении преобразований на все, чем она располагает. А что значит применить преобразование к любым составляющим целостности? Это значит усилить или уменьшить характеристики образов среды, любых отображенных целостностью объектов. Поскольку отношение преобразования может обладать большой преобразующей силой, то и масштаб такого преобразования может быть сколь угодно большим: преобразованная характеристика отличается от начальной в неограниченное число раз. В результате целостность приобретает принципиально новое качество: внутри нее появляется мир таких преобразованных характеристик и величин.

Известно, что при переходе от сенсорики к мышлению происходит резкий скачок в отражении пространственного, временного поля, модальных характеристик, расширение границ органов чувств. Мышление как процесс «схватывает» неотражаемые органами чувств скорости, микро- и макрорасстояния. Возможное объяснение этого в сле-

дующем. Общая способность к преобразованию, постоянно «подпитываемая» процессом совмещения новых и новых конкретных отличий образов друг от друга, давала возможность живому освоить мир реальных возможностей, все более выходящих за пределы его первичных отраженных возможностей. Со временем на базе этого процесса могла появиться и сугубо человеческая преобразовательная активность (усиливавшаяся, закреплявшаяся речью, в которой преобразование является одним из основных компонентов), направленная на повышение собственной организации.

Операция выделения общего. Перед целостностью, которая совмещает отличия своих составляющих друг от друга и порождает преобразования, встает и другая задача — задача совмещения элементарных образов общим. А совместить их можно было только через вычленение, установление такого общего. Общее содержалось и в составляющих, и в элементарных условных образах, появившихся в результате формирования дополнений к факту бытия целостности. Но указанное общее не было вычленено. Целостности требовалась соответствующая операция, которая выполняла бы функцию такого вычленения. Она должна была выступать в форме действия, способного установить общее. И действительно, хорошо известна операция умственного синтеза, реализующая установление общего. Установление общего наблюдается и в актах классификации, группировки, обобщения, систематизации, сравнения результатов мыслительного поиска с требуемым результатом — существует много аналогий выводимого качества с функциями реальной психики. Обобщает не только человек, но и более простые формы живого.

Способность к преобразованиям и способность к установлению общего расширяют возможности целостности и выполняют роль некоторых отношений ее составляющих. Само различие этих развивающих целостность новых качеств производно от нетождественности исходных граней, к которым «прикладывается» тенденция к совмещению. Ясно, что отличия должен совмещать один тип интегративного эффекта, а общее — другой тип эффекта. Вхождение в целое и есть «невидимый конструктор», формирующий соответствующие интегративные эффекты в виде способности к преобразованию и установлению общего. Психика «выталкивается» к бытию базовым фактом вхождения составляющих живого в целое, соответствующие психические функции необходимы, так как требуется совмещение отличного и общего. Причем роль операции установления общего исключительно значима

в различных явлениях психогенезиса, вплоть до становления самого феномена сознания (Балин, 1998, С. 136—143).

Память. Внутри целого порождается большое число отдельных эффектов — абсолютов, отношений преобразования, общности, образов себя, среды и др. При этом в каждом из них накапливается некоторый опыт, отражаются результаты взаимодействия целого и др. Все эти эффекты могли бы быть возможными средствами сохранения целостности, поддержания непреложности ее бытия. Но чтобы применить заложенный в них огромный потенциал в качестве средств поддержания имеющегося бытия, целостности требовалась функция удерживания самого факта их бытия. Необходимость превращения возникающих эффектов в постоянные средства самосохранения «вынуждает» целостность выработать функцию памяти. Она именно удерживает бытие отдельных качеств условной сферы. Формирование памяти обогащает возможности целостности, выступая еще одним средством ее самосохранения. С появлением памяти накопленный опыт как звено включается в функционирование целостности, начинает служить его сохранению (одновременно развивая целое). Прошлый опыт «начинает существовать» для целостности. При этом память тоже отнесена к Я, ибо «помнит» всегда определенное Я.

2.13. РЕСУРСЫ ЦЕЛОСТНОСТИ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ УСЛОВНОЙ СФЕРЫ

Пока мы говорили об условной сфере весьма общо. Можно поставить вопрос: какие конкретно характеристики целостности могут выступать в качестве базы для построения условной сферы? Из каких же ресурсов формируется условная сфера?

Здесь обращает на себя внимание прежде всего характеристика некоторой избыточности целостности. Любая целостность всегда существует при наличии некоторой структурной, функциональной избыточности. Помимо тех элементов, связей, которые необходимы ей в данный момент для поддержания ее функционирования, в ней всегда есть некоторое число других элементов, связей, которые функционально избыточны, без которых она «может обойтись». Мы об этом уже упоминали (Келасьев, 1984, 1992). Целостность устойчива в своем существовании в силу такой избыточности, определенной перенасыщенности элементами (составляющими, связями). В ряде наших предшествующих работ требование избыточности специально выно-

силось на передний план — с ним связывались не только устойчивость целостности, но и такие поведенческие свойства, как способность к движению, делению (*Келасьев, 1984, 1992; Васильев, Зобов, Келасьев, 1998*).

Собственно, факт такой избыточности живого достаточно известен.

Здесь нам важно подчеркнуть, что, говоря о живой целостности, мы как бы априорно предполагаем эту присущую им характеристику.

Причем избыточность обнаруживается во всех формах живого — от клетки до человека и общества.

Суть развиваемой нами гипотезы состоит в том, что целостность в поисках ресурсов для построения условной сферы неизбежно обзашается к избыточности, которая «нагружается» смыслом целого.

В соответствии со сказанным, условная сфера формируется из эзервов избыточности. И дело не только в том, что она может быть «безболезненно» отщеплена от основной части целостности, но и в "ех возможностях, которые потенциально присутствуют в избыточности. Ведь само понятие избыточности как бы априорно предполагает, что на составляющих целостности можно записать все, что угодно, любой смысл, любое качество, выходящее за пределы языка ее элементов и связей. На основе избыточности может быть сформировано нечто совершенно независимое от первичной динамики связей (поднимающееся, возвышающееся над этой динамикой), условное. В избыточности представлена возможность отхода от языка связей, расширения, выхода за рамки этого языка. Избыточность несет в себе потенциальн/ю возможность выражать качества, которых нет на уровне связей (на уровне ДЦ). Понятие избыточности предполагает, что часть составляющих, связей целостности «свободна» от задач поддержания основной динамики связей и поэтому может формировать из своих ресурсов качества, сколь угодно далекие от первичной динамики. Такая «свобода» от необходимости поддерживать первичную динамику связей создает реальный резерв для отхода от уровня ДЦ и построения условной сферы. Конечно, сначала все составляющие включены в общую динамику операций. Но целостность может обойтись и без них, безболезненно отдать часть из них для построения условной сферы, она в этом смысле создает некоторый идеальный резерв, нужный для построения условной сферы. В самой ее сути предполагается «свобода» от исходного уровня связей — а это и есть то, что нужно для построения условной сферы, что дает возможность выхода в условную сферу. В целостности есть поэтому то, что нужно для построения условной ссзе-

ры. Условная сфера, как говорилось, формируется под давлением целого. И целое «вырывает» из общей динамики часть элементов и связей, делает их своим орудием. Сначала эти элементы были, конечно, тем, что предполагалось их ближайшим операциональным окружением, операционально близкими им элементами. Но теперь они уже — орудия целого, нагружаются смыслом целого. В контексте программ, идущих от целого, они приобретают другой смысл. Вот целое и подчиняет их необходимости построения условной сферы, отщепляя от основной динамики связей.

Поскольку у целого обнаруживается ряд позиций, углов зрения, «подходов» к построению условной сферы, то и условная сфера выступает в разнообразии форм. Но каждая из этих форм требует для своего построения определенных ресурсов. Эти ресурсы настойчиво ищутся под давлением каждой из этих позиций целого. Пока отметим, что целостность под давлением этих позиций будет пытаться «отщепить» от основного хода связей некоторую нужную, требуемую той или иной позицией часть — так, чтобы не нарушать общую динамику (в пределах самосохранения). Если она попытается «отщепить лишнее», то такие действия пресекаются абсолютами «плохо» (как угрожающие самому факту существования целостности).

Но что происходит далее с таким «отщеплением» избыточности от основного хода связей?

До акта такого «отщепления» составляющие их связи, образно говоря, были именно тем, что требовалось их ближайшим операциональным окружением. Их суть задавалась операционально близкими элементами, они проявляли свойства, требуемые этими операционально близкими им элементами. С «отщеплением» же их суть задается уже целым. Целое «вырывает» их из контекста операционально близких элементов и включает в свои «объятия» (разные для разных его позиций). А это совершенно другой уровень. Они переведены в другой контекст, должны обнаруживать свойства, требуемые позициями целого. Становясь орудием целого, они становятся как бы независимыми от первичного операционального окружения, уровня связей. И у них появляется возможность выражать то, на что их ориентируют разные позиции целого.

Рассмотрим первую позицию целого, вытекающую из его давления на эти отщепленные элементы, связи. Связи — это всегда преобразования, целое давит на эти конкретные, направленные на соседние (операционально близкие) элементы преобразования. А уже неодно-

кратно говорилось, что находиться в целом — значит предполагать что-то общее, инвариантное.

Когда составляющие «вырываются» из общего контекста конкретных связей, включаются в лоно целого, то конкретный адресат отступает на задний план. Иначе говоря, отщепление от исходного она лишает их этой конкретности, адресности. Конкретика становится ненужной. Из конкретных преобразований они становятся преобразованиями **ВООБЩЕ**. Причем целое «не интересуется», какие составляющие, связи ему отщепить, отделить. Это преобразования вообще формируются на любых «свободных» от основной динамики элементах, связях. Будучи «выхваченными» из общей динамики, эти свободные связи теряют свою ориентацию на все то конкретное, что их окружало, что им операционально близко, в них вычленяется инвариант, и они становятся преобразованиями вообще. Это «отклик» на давление целого.

Именно такое преобразование способно совмещать все множество различий, переполняющих целостность. Оно «востребовано» давлением целого, это инвариант, формирующийся именно под давлением целого и «возвышающийся» над множеством отличий в живой целостности. Есть такое преобразование вообще — есть и средство, которое можно применить всегда и повсюду, оно уравнивает бездну неизбежно присутствующих в целостности отличий. Такое преобразование вообще — именно «отклик» на давление целого.

Породившись из резерва избыточности и «плавая» над морем различий, преобразование вообще может начать выступать, как говорилось, в виде самостоятельной способности, с помощью которой живое способно влиять на внешнюю среду, менять что-то в ней или в собственной внутренней среде.

Но у целостности есть и другие углы зрения, ракурсы, подходы к построению условной сферы. Один из таких углов зрения, как уже говорилось, задается позицией «как» сохранить себя? Для ее реализации тоже требуется определенный резерв. Позиция «как» сохранить себя (вытекающая из исходности, непреложности целостности) пытается «захватить» нужную ей избыточность, превратить ее в средство ответа на вопрос «как» (каким образом) сохранить себя? Этой позицией избыточность будет трансформироваться в нужные ей условные качества в виде конечных оценок «хорошо/плохо», выступающих в роли генераторов самоизменений.

Избыточность под давлением целого трансформируется в это требуемое условное средство самосохранения, выступающее активным средством самоизменения в форме абсолюта.

Из избыточности же черпается резерв и для построения других качеств условной сферы. Так, избыточность поставляет ресурсы для преобразования отображаемых целостностью внешних раздражителей в сами условные качества «видения», «слышания». Порождение условных наименований (имен) в виде этих актов видения, слышания и им подобных возможно, потому что раздражитель изначально отображается разнообразием структурно, функционально избыточных составляющих. Значит, изначально была возможность трансформировать его в любое условное качество, сколь угодно отдаленное, отщепленное от первичного уровня элементов, связей. Такого рода возможность должна была существовать, и с появлением наименований (имен) она реализовалась. Порождение этих условных наименований (имен), вводящих раздражитель в факт существования целостности, возможно именно потому, что изначально наличествовал готовый к использованию резерв избыточности. На его базе в конце концов порождаются условные качества, отражающие «начало существования» для целостности раздражителя, встраивающие раздражитель во внутреннюю среду целостности. С их появлением раздражитель именно начинает существовать для целостности. Об этом уже говорилось.

Можно поставить вопрос: а есть ли реальный механизм, работающий с избыточностью? Конкретным механизмом, «работающим» с избыточностью, выступает все та же ситуация самоотрицания, действие самоотрицания. Ведь отрицать себя, свое имеющееся бытие надо через какой-то резерв, ресурс. Требуется средство, через которое действие самоотвержения могло бы реализоваться. Вот избыточность оказывается нужной действию самоотрицания.

Самоотрицание и избыточность поэтому «находят» друг друга. Избыточность — именно ресурс, через который этот «порыв» к самоизменению реализуется. Соединение самоотрицания с избыточностью происходит неизбежно, закономерным образом.

Еще один угол зрения порождается тем, что факт бытия целостности сталкивается со своим самопроявлением. Требуется снова некоторый ресурс, способный выразить, воплотить в себе смысл качества рефлексии. Такой ресурс — в той же избыточности. Под давлением необходимости совмещения целостности с этими ее самопроявлениями избыточность формирует условное качество рефлексии. «Я существую» — этим условным качеством начинает звучать избыточность в

ситуациях, когда в целостность внедряется факт ее самопроявлений, избыточность подобна актеру, играющему разные роли в контексте разных требований, исходящих от разных позиций, разных углов зрения целого. Но она способна сформировать эти весьма различающиеся формы условных качеств, способна на порождение разнообразных форм условного.

2.14. СООТНОШЕНИЕ КАЧЕСТВ УСЛОВНОЙ СФЕРЫ

Как было показано выше, порождение того или иного качества условной сферы приводит к тому, что оно сразу захватывается Я целостности как ее системообразующим фактором. Присоединяя их к себе, Я оснащается средствами для познания себя и среды. Таким образом, происходит наращивание сферы, которую мы назвали условной.

Ранее мы описали базу формирования основных качеств условной сферы, которые выступают в виде качеств абсолюта, функции преобразования, выделения общего, отражения факта собственного бытия, построения образа среды, памяти. Теперь мы переходим к вопросу об объединении перечисленных качеств.

Мы видели, что в итоге динамики процессов в целостности ей становится что-то нужно, необходимо. Это отражается качествами абсолютов, которые формируют потребность в самоизменении. Они, как и Я, требуют присоединения к себе исполнительных возможностей, других качеств условной сферы. Эти возможности (скажем, функция преобразования) выступают конкретным средством достижения нужного целостности самоизменения. Ведь сам по себе абсолют не обладает возможностями для изменения. Для того чтобы диктуемое его смыслом самоизменение произошло, он должен соединиться с возможностями целостности. Можно сказать, что абсолют является только чистым побуждением. И в силу своего смысла требует присоединения к себе других (исполнительных) возможностей целостности. Вот указанное объединение качеств нужности, необходимости, представленных в абсолюте, с возможностями целостности и являет собой особый комплекс условной сферы, который мы назовем *саморегуляционным комплексом*. В нем представлено как побуждающее, так и собственно исполнительное звено активности. Это «элементарная клеточка» активности.

Мы можем утверждать, что результаты функционирования абсолютов вместе с Я, другими возможностями будут выступать для

внешнего наблюдателя как некоторое *поведение* целостности. С этой точки зрения поведение представляет собой переход смысла соединенных с Я абсолютов в возможности целостности, что ведет к ее самоизменению (*преобразование свойств отображенных объектов, обобщение имеющейся в распоряжении целостности информации, извлечение из памяти некоторых событий, движение, контакты со средой*). Таким образом, самоизменение в полном смысле и происходит в результате обратного влияния смысла порожденных условных качеств на возможности целостности.

Как уже указывалось, самоизменение может выражаться в изменении целым своего положения в пространстве, усилении или ослаблении характеристик отображенных объектов, приближении или удалении от них, вступлении в разнообразные контакты с объектами среды и т. п. Поведение всегда направлено на преодоление некоторых различий между тем, что было до функционирования комплекса, и тем, что требуется в результате его функционирования. Это различие преодолевается в результате цепи процессов, проявляющихся именно как понимаемое в широком смысле самоизменение. Трактовка поведения как самоизменения достаточно известна (*Гаазе-Раннорт, Понселов, 1987*). При этом соединенный с Я абсолют «выхватывает» для осуществления поведения только те из возможностей целостности, которые соответствуют его смыслу и общей ситуации в целостности. При этом особую роль играет функция преобразования. Понятно, что для исчерпывания смысла абсолюта целостности чаще всего требуется какие-то события отменять, понижать их право на существование, а какие-то, наоборот, поддерживать, а значит, преобразовывать их. Для этого, как указывалось, у целостности есть действующая автономно, самостоятельно и готовая к использованию в любой момент функция преобразования. Например, если оценка выступает в виде абсолюта «плохо», то это означает, что посредством преобразований абсолют побуждает отменить происходящее саморазрушение целого, т. е. преобразовать его так, чтобы, возможно, исчез сам факт его бытия. Он старается вывести его за пределы бытия целостности. Преобразование отнимет у соответствующих процессов, эффектов право на существование, выведет их из состава имеющегося бытия.

Качество же абсолюта «хорошо», наоборот, ориентирует целостность к повышению в ней права на существование некоторых процессов, эффектов, составляющих. Все это опять-таки предполагает определенные преобразования, направленные на поддержание указанного

процесса, эффекта, события, которые требуется удержать, ввести в состав имеющегося бытия целостности.

В общем, для исчерпывания смысла абсолютов «хорошо» и «плохо» необходима функция преобразования, которая является прямым дополнением к их смыслам. Сформировавшись, эти эффекты совмещения, т. е. абсолюты и функции преобразования, находят друг друга по логике взаимного дополнения. Смысл абсолютов ведет к извлечению из целостности способности к преобразованиям именно как дополнения к себе, он «пристраивает» функцию преобразования к себе. В результате и происходит объединение различных типов системных эффектов в единый саморегуляционный комплекс. Потенциал целостности за счет сращивания смысла абсолютов и функции преобразования существенно расширяется. В целостности появляется некое интегративное образование, в котором имеется звено, отражающее необходимость чего-то (побуждение), и средство, позволяющее достичь того, что нужно. Такой интегративный комплекс обладает расширенными возможностями по сравнению с ситуацией, когда целостность обладает лишь отдельными качествами в виде абсолютов или некоторых возможностей.

Указанное сращивание отдельных эффектов в единый саморегуляционный комплекс означает приобретение целостностью новых качеств. Нужно заметить, что смысл абсолюта распространяется и на другие возможности целого. Например, под действием смысла абсолютов могут быть изменены характеристики уже отображенных в целом объектов, их членение, дробление элементарных образов или, наоборот, объединение в более обобщенный образ. От абсолютов могут возникать управляющие воздействия на контакт со средой, на движение. Такие же функции может выполнять, как говорилось, и Я. Более того, главная роль в этом саморегуляционном комплексе принадлежит именно Я.

Но пока остановимся на роли абсолютов, их регулирующей роли 4.

Как было показано (*Келасьев, 1984, 1992*), целостность существует в форме взаимоперехода характеристик открытости и замкнутости. Если целостность находится в состоянии замкнутости, то это означает заполненность ее операционально близкими элементами, «сосредоточенность» ее на себе. Но динамика внутренних процессов неизбежно ведет к выведению части составляющих. Тем самым возрастает открытость целостности, что выражается в возрастании ее направленности на связь со средой. Однако на весь этот процесс накладывают свой отпечаток абсолюты. Именно они оценивают, что означает для цело-

стности данный контакт и вся стоящая за ним динамика связей с позиций непреложности, поддержания заданности имеющегося бытия целостности. Поэтому, параллельно с объективной динамикой связей, порождается связка фактов существования, в конце концов абсолюты, оценивающие всю динамику связи с позиций «хороша» она или «плоха». Абсолют побуждает к оказанию обратного влияния на контакт, всю объективную динамику связей, которая принуждает целостность к контакту. Для этого используется соответствующая функция преобразований. В итоге весь контакт со средой пойдет теперь под управлением смысла абсолютов. Подчиняясь смыслу абсолюта, этот контакт может поддерживаться или запрещаться. Разрушающее целостность взаимодействие со средой будет отвергаться смыслом абсолюта, вооруженного этим действием преобразования. В данном случае абсолют будет выступать в роли «стража» бытия целостности, он будет контролировать проявление динамики любого свойства, регулируя его так, чтобы оно не угрожало существованию целостности.

Далее нужно обратиться к крайне важному обстоятельству. В целостности, как говорилось, не может быть абсолютов «хорошо» или «плохо», адресованных в никуда. «Хорошо» или «плохо» всегда бывает определенному Я. Но с таким адресованием абсолют одновременно передает Я свой смысл. «Хорошо» или «плохо» становится определенному Я, оно начинает быть желательным или нежелательным для целостности. Соединение этих двух типов эффектов (качества «хорошо»/«плохо») и рефлексии (Я) дает принципиально новое качество — *оценочное самоотражение*. Получается, что целостность начинает не только отражать, «осознавать» факт собственного бытия, но и трактовать его как «хорошее» или «плохое». Ее самоощущение становится эмоционально нагруженным. При этом данная трактовка может дифференцироваться в соответствии с отдельными свойствами целостности, хорош или плох сам факт ее бытия, контакт со средой, акт движения, другие возможности. Целостность может стать «недовольна собой», подобная оценочная трактовка может требовать самоизменения, задать ему направленность. Если собственное бытие трактуется как хорошее, желательное, то целостность стремится удержать соответствующее бытие и для такого удержания используются все ее возможности. Если же собственное бытие трактуется целостностью как плохое, нежелательное, то она всеми имеющимися у него возможностями стремится изменить что-то происходящее в себе, вывести нечто из своего состава. Таким образом, все происходящее в целостности подчиняется диктату условно оценочного отражения себя. Условно оце-

ночное отражение, влияя на сам факт бытия целостности, ее возможности, запускает механизм обратного влияния на процессы и поведение целостности. Это один из аспектов пробуждения своеобразной разумности целостности. Разумность зарождается в качествах условной сферы (верхнем слое явлений в целостности). Однако это обратное влияние может привести к непредсказуемым последствиям. Ведь Я, будучи центром генерации активности, придает целостности свойства рефлектирующего существа. Все события, все эффекты, все происходящее, будет осознаваться в этом Я. Я может «задавать» себе вопросы, менять это происходящее.

Нужно подчеркнуть, что с появлением оценочного самоотражения собственное существование для целостности становится проблемой. Она может позитивно или негативно относиться к факту собственного бытия, «интересоваться», насколько прочно ее существование, задавать себе вопросы типа «кто Я?», «что со мной происходит?» и др. Осознавая себя, целостность может «страдать» от ограниченности своего существования или, наоборот, «упиваться» своими возможностями. Корректировка бытия с позиции отраженного факта собственного существования будет характерной чертой существования такой целостности, она будет стремиться преобразовать среду, себя под непреложность, заданность своего существования, необходимость самосохранения. Естественным для нее будет такое изменение среды и самой себя, которое отвечает требованиям ее самосохранения. Необходимость самосохранения (при наличии) самоотражения порождает ее «заботу» о комфортности среды. Не то же ли самое делает человек и даже многие животные?

В общем, качество самоотражения, соединенное со смыслом абсолюта, приводит к тому, что на определенном уровне развития целостность может совершать любые акты «произвольного поведения, приостановки, задержки собственного функционирования, попытки осмысления своего собственного существования, действия по изменению среды. В размышлении над проблемой собственного существования целостности требуется реализовать все имеющиеся в ее распоряжении качества условной сферы.

В итоге указанное интегрированное качество из самоотражения и абсолютов будет направлять или тормозить определенные проявления активности целостности, выводя ее на тот или иной режим функционирования — сохранный, развивающий или разрушающий. Разрушение может наступить и в том случае, если самоотражение неадекватно, искажено или наступает слишком поздно. Помочь выживанию может

прогнозная функция (на базе преобразования), которая позволяет целостности предвидеть события, приводя в связь некоторые ее составляющие еще до наступления их взаимодействия. Таким образом, конструируется картина возможного будущего, ожидающего целостность.

Если прогнозируемый исход разрушает имеющееся бытие целостности, то его значение для бытия целостности отразится абсолютом «плохо». Смысл абсолюта в данном случае состоит в том, чтобы сделать такой исход нежелательным для целостности до его реального наступления. Если контакт с ним «плох» в некотором завершающем плане, то использование возможностей комплекса направлено на отвержение этого события. Нужно избегать приближающих это событие контактов или движений. Другими словами, прогноз, введенный в факт имеющегося бытия, порождает своеобразный «щуп», которым оценивается для целостности возможное будущее. Внедрение комплекса в это будущее подчиняется все той же логике желательности/нежелательности, предсказывающей, какие из данных возможных вариантов будущего для целостности «хороши», а какие «плохи». Это и приводит к тому, что режим функционирования целостности, ее предсказательные способности задаются логикой желательности/нежелательности, ориентирующей ее на режим, который сохранит бытие целостности.

С помощью комплекса отражается именно элементарная клеточка всякого поведения, всякой активности, т. е. побуждение и средства его достижения (в виде возможностей целостности). Нужно отметить, что эти возможности развитой целостности достаточно многообразны. Это и функция преобразований, и способность к движению, взаимодействию со средой, построению образа внешней среды, память и др. (подробнее см.: *Келасьева, 1992*). Все они выступают средствами достижения определенного побуждения.

Употребляя термины «поведение», «активность», мы предполагаем функционирование комплексов из качеств побудителей, рефлексии и исполнительных возможностей. Следовательно, саморегуляционный комплекс — некоторое завершающее понятие, подытоживающее сказанное о процессе генезиса отдельных качеств. В интегративной форме в этом понятии отражены отдельные поведенческие функции и возможности, которые в целостности функционируют вместе. Без введенного понятия саморегуляционного комплекса мы не предложили бы модели психики, реально выступающей как некоторое объединение качеств условной сферы.

Можно поставить вопрос: как соотносятся понятия саморегуляционного комплекса и ранее введенного понятия самоорганизационного цикла?

Понятие саморегуляционного комплекса конкретизирует ранее введенное понятие самоорганизационного цикла. Действительно, в основе работы самоорганизационного цикла лежит функционирование такого саморегуляционного комплекса. Любые действия, поведение — это некоторые самоизменения, порождаемые соединением абсолюта с рефлексией, а также с преобразовательными и другими возможностями, в итоге чего происходит коррекция поведения целостности, его изменение. Таким образом понятие саморегуляционного комплекса наполняет ранее введенное понятие самоорганизационного цикла более конкретным содержанием, проясняет механизм самоорганизационного цикла. В его основе — именно функционирование саморегуляционного комплекса, формирующегося на базе синтеза отдельных качеств условной сферы.

Если в процессе функционирования комплекса операции, действия целостности только повторяются и не вырабатывается чего-то принципиально нового, то это означает, что целостность находится в режиме стереотипного функционирования. Если в процессе функционирования формируются качества, обогащающие целостность, повышающие ее способность к самосохранению, то она находится в развивающем режиме. Если же в итоге функционирования порождается нечто вызывающее угрозу существования целостности, а вывести эту угрозу из состава своего бытия целостность не в силах, то возможен ее распад.

Само по себе функционирование саморегуляционного комплекса не может навсегда исключить возможность стагнации и распада целостности (даже при развитой рефлексии, когнитивных функциях, исполнительных возможностях). У целостности всегда есть определенные ограничения в возможностях, не может избежать она и неожиданных воздействий среды, превышающих потенциал ее адаптации. Для выхода на режим самосохранения и тем более развития ей требуются весьма мощные рефлексивные качества, преобразовательные возможности, потенциал движений, действий, память и др.

Мы можем провести некоторые аналогии введенного понятия саморегуляционного комплекса с реальной психикой. Можно сказать, что все множество новых качеств, которые удалось вывести как эф-

факты процессов совмещения, обобщенно можно свести к следующим крупным блокам:

- качество самоотражения (оно соответствует образу Я в реальной психике);
- качество абсолютов (это качество соответствует эмоционально-оценочным процессам);
- блок собственно когнитивных функций — преобразования, обобщения, выделение общего, память, образы среды.

Кроме этого, целостность располагает блоком исполнительно-операциональных возможностей, к которым можно отнести движение, действие, контакт со средой. Нужно отметить, что разделение абсолютов и качества Я относительно, в реальной психике они объединяются друг с другом. Все указанные компоненты, как говорилось, интегрируются в единый саморегуляционный комплекс, в котором представлена некая форма объединения качеств осознания себя, оценочных абсолютов, а также исполнительных возможностей для достижения требуемого самоизменения.

Качество абсолюта придает «одушевленность» исполнительным возможностям комплекса. В их проявления «вливается» смысл нужности, необходимости. Вместе с тем качество абсолюта может само корректироваться самоотражением и когнитивными функциями. В итоге имеет место их разнообразное взаимодействие. В реальной психике очевидны также разнообразные взаимодействия между эмоциями, образом Я и когнитивными функциями. Роль системообразующего фактора в комплексе, как говорилось, играет Я. Отражая факт собственного существования, Я одновременно отражает то, что нужно для обеспечения этого существования. Для этого Я используют абсолюты, присоединяя их к себе. Так нуждающееся в чем-то или что-то отвергающее Я «обрастает» определенными целями.

Для достижения целей этого желающего Я нужны конкретизирующие их исполнительные возможности и функции. Соединения с ними этого нуждающегося Я и дальнейшее функционирование этого комплекса порождает поведение, которое выступает как проявление такого нуждающегося, стремящегося к чему-то Я, «обросшего» исполнительными возможностями. В итоге поведения происходит изменение чего-то в живой целостности, в положении ее к среде и др. В результате снимается некоторое различие между тем, что было нужно Я, и тем, чем оно реально располагало. Снятием различий осуществляется самовыключение комплекса (подробнее см.: *Келасьев, 1984, 1992*).

..-.-,

Само понятие комплекса всегда предполагает, как говорилось, что то, на что направлена его активность, и то, чем располагает комплекс в данный момент, разделяют именно некоторые различия, функционирование комплекса имеет смысл только при наличии таких различий. Их формы, разумеется, могут быть очень разнообразны. Функционирование комплекса может быть направлено, скажем, на преодоление разобщенности в пространстве, изменение свойств, качеств различных объектов и взаимоотношений друг с другом и др. Таким образом, функционирование комплекса приводит к сокращению самых разных его различий, а это означает отмирание качества нужности, представленного в абсолюте, его угасание. При снятии различий происходит самовыключение побудительного компонента, так как если нужность достигнута, то программы необходимости в нем исчерпываются, погашаются, становятся лишними основания. Целостность оказывается без побудителя.

От наличия различий к их снятию — такова общая направленность работы комплекса. Активность комплекса зарождается только при наличии различий. Их сокращение не обязательно должно быть строго линейным. Целостность может совершать ошибки, действуя методом проб и ошибок (при несовершенстве качеств рефлексии, когнитивных функций). Но подчеркнем, что программы побудительного звена комплекса имеют смысл только при наличии некоторых различий, и само функционирование комплекса отражает идущие процессы их снятия (подробнее см.: *Келасъев, 1984*).

Сделаем некоторые выводы из сказанного.

Если комплекс — центральный механизм психической активности, то надо переходить от оценки отдельных его компонентов (что распространено сейчас в психологии) к интегративным оценкам комплекса как целого. Как известно, в психологии сейчас отдельно изучаются и оцениваются интеллект, самосознание, эмоции, исполнительные возможности (энергетика, моторика человека). Но это «вчерашний день» психологии. При таком подходе психика не схватывается как некоторое единство. Если комплекс представляет собой элементарную клеточку психической активности, сам механизм психической активности, то и измерять, оценивать надо не отдельные составляющие этой клеточки, а всю ее. На такой подход прямо ориентирует развиваемая концепция.

Помимо констатации комплекса как некоторой целостности следует более внимательно присмотреться к нему «изнутри», с позиций его внутреннего языка, внутренних состояний, ибо естественным об-

разом возникает вопрос, какие состояния могут (и способны) возникнуть из взаимодействия довольно-таки пестрой смеси качеств самоотражений, самоощущений, абсолютов, образов внешней среды, памяти, преобразовательных функций, прогноза будущего? Это ведь уже определенное мироощущение, свой замкнутый внутренний мир. Каким он будет?

Комплекс «знает» что-то об окружающей его среде (имеет образ внешней среды), отражает факт собственного бытия, отделяет себя от среды, имеет свое «Я». Он — именно рефлекслирующее существо, способное перемещаться в среде, строить ее образ, взаимодействовать с ней. Происходящее в самом себе комплекса отражает с помощью качеств завершающих абсолютов, выступающих в форме его оценочной разумности, подсказывающей, что что-то для него безусловно «хорошо», а что-то «плохо». Он обладает преобразовательной силой, прогнозом возможного будущего, способен к установлению общего, инвариантного в явлениях, удерживанию в памяти происходивших в нем (иди с ним) событий и т.д. Какое состояние возникнет в комплексе из взаимодействия этих качеств? По-видимому, есть все основания говорить о его определенном «мироощущении».

Представляется, что эти состояния весьма напоминают реальные психические состояния. Ведь в реальной психике мы находим все компоненты комплекса: и эмоции, и качества самоотражения, и преобразования, и память.

Особая роль во внутреннем «мироощущении» принадлежит Я, процессам самоотражения, самоосознания. Они, как неоднократно говорилось, — та база, стержень, на который нанизывается смысл всех остальных условных качеств. Если нет самоотражения, то нет и объединяющего, придающего смысл отдельным качествам начала. Именно Я, собственная данность комплекса говорит о том, что отдельные качества — части этой данности, ее стороны — адресованы ей. Они имеют смысл только при наличии этой данности. Самоотражение является той закваской, на которой вырастает «мироощущение» в форме психического состояния. Иначе говоря, именно на отражение себя «нанизываются» и эмоции, и преобразования, и память, и все другие качества.

Более того, рефлексия — база для формирования феномена сознания. Сознание невозможно без дифференциации себя от среды, со вмещения индивидуальных существований целостности и этих присущих ей самопроявлений, каждое из которых, соединяясь с фактом существования целостности, и «зажигает» эти «огоньки» рефлексии.

Есть еще важная черта, присущая рефлексии. Все самопроявления целостности ограничиваются моментом некоторой данности. Действие, движение, активность целостности — всегда в интервале некоторого данного (настоящего) момента времени. Обычно это именно ограниченный, узкий интервал времени. Соответственно и рефлексия тоже ограничена моментом этой данности настоящего. «Я существую» как качество находится всегда именно внутри некоторой данности. «Я существую» предполагает, что существует теперь, сейчас, в области некоторого настоящего. Каждое проявление целостности «привязано» к такому текущему моменту времени. Проявление свойств, возможностей зарождается в таком настоящем. Иначе просто не могло быть. На базе развиваемой концепции становится понятным, почему привязанность психики к сиюминутному «здесь» и «сейчас» вначале была неизбежной. Рефлексия как база психики могла зарождаться только в такой области настоящего. Потом уже — на более высоких уровнях организации живого на базе функций преобразования, способностей предвидеть, прогнозировать — происходит выход за рамки этой «привязанности» к сиюминутному «теперь» и «сейчас».

Вначале же пространство условной сферы «высвечено» множеством этих самоощущений, отнесенных к интервалам настоящего.

Если становление качества рефлексии тормозится энергетическими ограничениями, нейрофизиологическими нарушениями, перенесенными болезнями, другими причинами, то это одновременно тормозит и становление сознания. Без мощного, сильного самоотражения, как объединяющей, цементирующей силы, сознание не будет выполнять функции интегратора психики. Могут быть только достаточно разобщенные, плохо связанные между собой отдельные условные качества. На соединении их способно только сильное Я, и без такого Я взаимодействие отдельных качеств условной сферы, их интеграция возникать не будут. Если эмоционально-оценочные процессы, образ среды, функции преобразования, память, прогнозные способности не вовлекаются в сферу Я, не используются им для единой и согласованной работы, то они оказываются лишенными адресата и никакое объединяющее их качество в виде высших форм психики сформироваться не может.

Это новый аспект для психологических исследований, который, разумеется, требует детализации и дальнейшей разработки.

На основании изложенной концепции мы можем выработать варианты ответов по вопросам о том, почему психика возникла в форме рефлексивных, эмоционально-оценочных, когнитивных процессов,

что лежит в основе разнообразия, различия звеньев психики? Дело в том, что процессы совмещения, как упоминалось, «прикладываются» к исходному разнообразию граней составляющих живого, что переводит это различие граней в качественно новую форму — в различие самих звеньев психики. Если в качестве исходной посылки принимается факт разнообразия исходных граней составляющих целостности, то из него «неизбежно» выводится все разнообразие звеньев психики. Функцию совмещения фактов существования выполняют рефлексивные и эмоционально-оценочные процессы в целостности. Функцию же совмещения отличного и общего выполняют психические операции. Тенденция к совмещению именно переводит различие исходных граней, сторон составляющих живой целостности в это давно известное (но недостаточно объясненное) различие звеньев психики. Психика как разновидность условной сферы представляет собой некоторую качественно новую реальность для целостности. Надо отметить, что рефлексивные, эмоционально-оценочные и операциональные процессы соотносятся логикой некоторой взаимной предполагаемое™, взаимной используемости, и на базе такой предполагаемое™ они образуют саморегуляционный комплекс.

В качестве эффектов процессов совмещения может быть выведено значительное число аналогов реальной психики. Среди них:

- различные самоотражения, самоощущения, результаты дифференциации целостностью себя от окружающей среды;
- эмоционально-оценочные процессы;
- функции преобразования, установления общего;
- чувствительность;
- скачок при переходе от сенсорики к мышлению за счет функций преобразования, усиливающих или ослабляющих характеристики первичных образов;
- образ внешней среды;
- саморегуляционные комплексы, состоящие из рефлексивных, побуждающих и операционально-исполнительных компонентов;
- различные формы активности целостности (как проявление функционирования комплекса);
- нелинейный детерминизм в реакции целостности на воздействие внешней среды, способность изменять воздействие, преобразовывать их и даже отменять и др.

Остановимся подробнее с позиций развиваемой нами концепции на механизмах того скачка, который наблюдается при переходе от

сенсорике к мышлению. Под скачком понимают резкое расширение отображаемого человеком пространственно-временного поля, снятие порогов различных органов чувств, что наблюдается при переходе от сенсорике к мышлению. Если на уровне чувственных данных человек, как говорилось, привязан к сиюминутному «теперь» и «сейчас», ограничен в оценке мира не слишком большими возможностями своих органов чувств, то на уровне мышления он совершает скачок за пределы этих возможностей, способен составить представление о неограниченных или непредставимых пространственных областях, длительно-стях и интенсивностях. С точки зрения развиваемой концепции механизм такого скачка формируется естественным образом с накоплением объема и возможностей функций преобразования.

Совмещая различия, живое постоянно «подпитывалось» этой функцией. Поскольку с увеличением времени существования живого объем его функций преобразования в эволюции становился все больше, постольку общая способность к преобразованию целостности все более возрастала. Порожденное преобразование должно было проявлять себя в актах изменения уже отображенных размеров объектов, воспринятых дистанций, длительности, интенсивности. Появилась возможность, избрав некую характеристику имеющимся преобразованиям, многократно усилить или ослабить ее. В итоге возникала возможность выйти за границы непосредственно отображаемых характеристик и величин, многократно раздвинуть такие границы. Поскольку в преобразованиях совмещаются порой большие различия, то и масштаб преобразований первичных отображаемых характеристик также может быть сколь угодно большим. В итоге происходит скачок из мира непосредственно наблюдаемых характеристик и величин в мир неограниченных характеристик и величин, т. е. выход за рамки возможностей органов чувств.

В итоге, за счет преобразования можно было составить представление о дистанциях микромира или астрономических расстояниях, скорости света. Внешне этот переход в мир качественно преобразованных характеристик и величин выглядит именно как скачок. Естественен вывод, что этот скачок закономерно программировался внутри целостности процессами накопления объема и возможностей функций преобразования. С накоплением объема функций преобразования, по всей вероятности, может быть связано и такое проявление человеческих способностей, как способность к образованию понятия числа. Эта способность формировалась постепенно все тем же механизмом порождения преобразований. Число с развиваемой точки зрения есть:

не что иное, как некоторое отношение, взятое под углом соотношения различий. Смысл его состоит в совмещении различий. Ведь пользуясь числами, мы можем выразить, что какой-то объект или класс объектов во столько-то раз больше, меньше, тяжелее или легче другого объекта. Число — именно средство совмещения их различий: не будь механизма порождения средства совмещения различий, у человека трудно было бы обнаружить базу образования самого понятия числа, как и вообще математических способностей. При наличии же процесса порождения все нарастающих по своему объему средств совмещения различий и появляется база для порождения представлений о числе, которое выступает одним из проявлений функции преобразований.

2.15. СУБЪЕКТНОСТЬ ЦЕЛОСТНОСТИ

Как мы уже видели, в результате процессов совмещения в целостности порождается множество качеств условной сферы. Это и завершающие абсолюты, и разнообразные отражения себя, отношение преобразования, функции установления общего и памяти, образы среды. Они и составляют в совокупности то, что мы называем условной сферой, той сферой, что наращивается на базе системообразующей роли Я. Результатом же совмещения качеств в целом является целостный интегративный комплекс, который обладает богатым внутренним языком и, можно сказать, выраженной субъектностью. Что это означает? Мы можем отметить, что в целостном, интегративном, саморегуляционном комплексе работает логика «хочу», основанная на осознании того, что в целостности что-то «хорошо» и что-то «плохо». Поэтому комплекс способен проявлять активность. Активность целостности управляется смыслом таких невидимых для внешнего наблюдателя качеств. Это делает ее труднопредсказуемой. Ведь отдельных качеств весьма много в целостности, поэтому целостность обладает свободой действий, у нее появляются собственные цели. Чем генерируются эти цели? Они генерируются качествами абсолютов, рефлексией, прогнозными возможностями, результатами взаимодействия со средой и др. Для целостности характерны несколько типов детерминации. Одни — со стороны чисто внешних воздействий, вторые — со стороны собственной внутренней динамики целостности, третьи — со стороны ее прошлого, т. е. с использованием памяти. Целостность, таким образом, сама «порой не знает, как будет вести себя». Это и делает ее активность, ее поведение труднопрогнозируемым для наблю-

дателя. Подобное обстоятельство отмечалось в литературе по самоорганизующимся системам (Черников, 1994).

Надо отметить, что потенциал целостности, обладающий субъектностью, будет выражаться внешне в большом разнообразии действий. Эффекты непонятности и непредсказуемости для внешнего наблюдателя усилятся из-за того, что эти действия будут регулироваться смыслом ненаблюдаемых извне условных качеств. Целостность, обладающая условной сферой, субъектностью, будет реагировать на внешнее воздействие не непосредственно, прямолинейно, а сопротивляясь ему или, наоборот, поддерживая его. Целостность может реагировать и без всякого видимого внешнего воздействия. Что же представляет собой целостность, обладающая такой структурой, для внешнего наблюдателя, при том условии, что создана ее действующая модель? Обладая средствами регистрации поведения, исследователь заметит, что модель перемещается в среде, контактирует с нею, преобразует ее, чего-то в окружающей среде избегает, что-то, наоборот, стремится достичь, применяя свои возможности для изменения среды. В итоге наблюдатель сделает вывод, что модель существует как автономный объект, что ее поведение, по всей вероятности, направлено на самосохранение и поэтому часто выглядит как разумное.

Наблюдатель сделает вывод о сложности модели и предположит существование у нее определенных внутренних целей, потребностей, внутреннего языка, который представляет эти цели и потребности. По поведению модели исследователь сможет сделать некие предположения об этих целях и о модели в целом. Если модель будет наполнена отвергающими абсолютами «плохо», обладая при этом мощными преобразовательными возможностями, если она будет разрушать, «крушить» среду, то ее активность, скорее всего, представится наблюдателю как некая агрессивность. Это именно то, что психологи называют чертой характера. Если же модель наполнится абсолютами «хорошо», если она будет стремиться приблизить, удержать около себя предметы, объекты, если она будет стремиться ввести их в факт собственного бытия, то ее активность будет представляться наблюдателю относительно мирной. Здесь нужно сделать важный вывод, что такая модель в своем поведении будет представляться для внешнего наблюдателя именно как субъект с многообразием свойств. Это многообразие в поведении будет достаточно велико, и наблюдатель сможет отметить, выхватить из него только нечто доступное при его тактике внешнего наблюдения и исследования. Находясь вне модели и будучи принципиально не в состоянии проникнуть внутрь нее, наблюдатель будет

фиксировать только некие внешние проявления ее качеств условной сферы, влияющие на исполнительные возможности. Он будет не в состоянии познать принципы ее функционирования, процессы, происходящие в ней по грани фактов существования.

Без обращения к условной сфере наблюдатель не сможет разобраться в устройстве модели, не сможет предсказать ее активность и дать ей исчерпывающее объяснение. Всю надстройку над материальными процессами в живом, т.е. психику, невозможно понять исчерпывающим образом, если не учитывать факт вхождения составляющих в целое, процессы совмещения, порождение новых качеств, которые будут формировать сферу условного. Ведь живое существует, только отражая происходящее в себе. И эту функцию условного отражения выполняют различные качества условной сферы. Живое достраивает себя ими, включая их в себя. Они нужны ему для поддержания собственного существования, можно даже сказать, для того, чтобы упрочить его. Но, как уже было сказано, они закрыты для внешнего наблюдателя, предназначены «для себя», не фиксируются извне. Отсюда мы можем сделать вывод, что позиция внешнего наблюдателя, которая доминирует в современной методологии при исследовании живых объектов, ограничена. Методология, игнорирующая факт вхождения составляющих в целое, процессы порождения условной сферы, не способна показать неизбежность порождения надстройки над материальными процессами в виде различных звеньев психики. Эта методология не учитывает процессы совмещения, исходное разнообразие граней составляющих живого, перевод этого разнообразия в качественно новую форму — разнообразие качеств условной сферы, формирующих в совокупности выраженную субъектность целостности.

2.16. ОБОБЩЕННАЯ МОДЕЛЬ ГЕНЕЗИСА УСЛОВНОЙ СФЕРЫ ЦЕЛОСТНОСТИ

Теперь настало время, опираясь на сказанное, завершить наши построения в виде некоторой компактной умственной конструкции, отражающей все присущие целостности характеристики. Помимо объективных составляющих в ее рамках будут представлены и явления условной сферы. Речь идет об обобщенной модели генезиса условной сферы, раскрывающей суть этого понятия во всем объеме.

Предварительно заметим, что анализ, давший базу для такой обобщенной модели целостности, позволил «заглянуть» во внутрен-

ную среду живого и показать неизбежность возникновения условной сферы.

Развитое понятие целостности преодолевает ограниченность прежней методологии и раскрывает базу порождения таких фундаментальных черт условной сферы, как их предназначенность для себя, ненаблюдаемость извне. Напомним, что функционирование целостности осуществляется на базе процессов самоотражения, посредством которых ее собственные нужды отображаются в качестве некоторых условных значений. Смысл условных значений формирует побудительный компонент ее активности. Одновременно, целостность отражает факт собственного бытия — к формирующемуся отражению себя адресован смысл побудителя. «Сплав» отражений себя и побудителя представляет собой центральное звено ее активности. К этому звену присоединяются возможности целостности — в результате формируется саморегуляционный комплекс, функционирование которого приводит к самоизменениям целостности (по самым разнообразным характеристикам).

Самоотражение в данном случае понимается обобщенно: в виде отражений целостностью факта собственного бытия и в виде качеств абсолюта.

Дадим краткий перечень характеристик, фактически использованных нами при построении модели целостности:

- некоторые составляющие, их связи — т.е. объективный слой явлений, представленный в понятии ДЦ;
- факт вхождения составляющих в целое, тенденция к совмещению — то, что вытекает из факта вхождения составляющих в целое;
- сами процессы совмещения (согласование) составляющих — механизмы формирования новых качеств, в том числе и объективно ненаблюдаемых;
- факты существования, отличное, общее — разнообразие сторон составляющих целостности, взятых в отношении друг к другу;
- самоотражательные процессы — качество, которое своим смыслом совмещает самопроявления целостности с фактом ее существования;
- связка фактов существования — особое отношение, указывающее, поддерживают или отвергают составляющие друг друга фактами своего бытия;

- состояние самоотрицания, «стоп-процессы» — то, что порождается соотношением фактов существования целостности и связи и предопределяет необходимость самоизменения целостности;

- условная сфера— дополнительный потенциал объективных средств в целостности, порождающийся соотношением объективной исключаемое™ фактов существования целостности и связи;

- абсолют— одно из качеств условной сферы, выступающее в виде оценочного качества, осуществляющего трактовку связи фактов существования с позиций наличного бытия целостности;

- принципиальное различие слоев: динамического целого; в некотором смысле нижнего (объективного) слоя, представленного составляющими, их связями; промежуточного слоя, представленного процессами совмещения и связывающего нижние и верхние слои; а также верхнего слоя, представленного разнообразными качествами условной сферы;

- возможности целостности — функция преобразований, движения; контакт со средой, память, образ среды, чувствительность и др.

- обратное влияние смысла качеств верхнего слоя на возможности целостности, динамику происходящего на уровне нижнего (объективного) слоя;

- самоорганизационный цикл — совокупность процессов, начинающихся с некоторых действий, самопроявлений целостности и заканчивающихся таким же обратным влиянием порожденных качеств верхнего слоя на действия, самопроявления целостности (что и лежит в основе обратного влияния);

- саморегуляционный комплекс — синтез качеств рефлексии, нужности с разнообразными исполнительными возможностями целостности;

- самоизменение — те реальные процессы в целостности, которые происходят в итоге действия самоорганизационного цикла и функционирования саморегуляционного комплекса;

- субъектность целостности— способность преобразовывать, модифицировать внешние воздействия, нелинейность в реакции на воздействия внешней среды.

Можно было бы выделить и ряд других свойств и характеристик. Пока подчеркнем, что в контексте разных задач на первый план могут выступить разные характеристики. Поэтому порядок приведенных характеристик не имеет особого значения.

Все условные качества (абсолюты, самоотражение и др.) выполняют функцию самосохранения, поддержания непреложности бытия целостности. Их потенциал в совокупности и решает (более или менее удовлетворительно) задачу самосохранения целостности, поддержания ее имеющегося и потому непреложно заданного бытия. Достигаться это может через относительное доминирование развивающего (или сохранного) режима функционирования над другим. Хотя, конечно, потенциал условных средств может быть и недостаточным для самосохранения и тем более для развития целостности (в условиях определенных сред). Возможны и разрушающие целостность режимы функционирования, при которых возможности (включая и предвидение будущего) не могут гарантировать ее самосохранение. К разрушающему режиму подводит и неадекватность самоотражения. Если самоотражение искажено, то и управляющее воздействие на него будет не сохранять, а разрушать целостность. Поэтому условиями самосохранения целостности являются во-первых, наличие процессов самоотражения (по различным причинам они могут задерживаться), во-вторых, обязательно адекватность этих процессов. Целостность будет находиться в режиме сохранного функционирования, только если отражение происходящего в ней адекватно. Если же отражение происходящего будет запаздывающим или неадекватным, то целостность может оказаться в режиме распада, ее функционирование будет приводить к саморазрушению. Примеры такого саморазрушающего поведения известны как на уровне человека, так и на уровне низкоорганизованных форм живого. Скажем, у человека неадекватность самоотражения может привести к дезадаптации поведения, ошибкам в самоопределении и т.п.

Приведенная обобщенная модель генезиса условной сферы может конкретизироваться к разным видам целостностей, специфике их условной сферы.

Помимо перечисленных характеристик могут, как говорилось, быть выделены и другие, например, связанные с преобладанием того или иного режима функционирования, адекватности или неадекватности процессов рефлексии, выраженности исполнительных возможностей. Акцент на тех или иных из них может вытекать из контекста задач, стоящих перед исследователями. Но все они работают с целостностями — пусть и разного уровня, различающимися между собой, — поэтому должны иметь в виду набор характеристик, предполагаемый понятием условной сферы в общем виде, самоорганизационными процессами в целостности. К числу таких наиболее общих черт относится

наличие принципиально отличающихся друг от друга слоев явлений. При этом наиболее «закрыт» для исследования верхний слой явлений, который недоступен непосредственному наблюдению, фиксации. Целостность открывается исследователю прежде всего уровнем слоя динамического целого — отдельными составляющими, их связями, взаимодействиями, которые можно наблюдать, фиксировать. Этот «видимый» слой явлений и изучался преимущественно ее многочисленными исследователями. О сказанном следует помнить, если мы хотим познать целостность во всем объеме ее качеств.

Итак, в соответствии с развитыми представлениями в качестве эффектов совмещения порождается большое число функций реальной психики: различные самоотражения, самоощущения, сложные образования из побуждающих, рефлексивных и операционально-исполнительных компонентов в виде эмоций и исполнительных возможностей и др.

В связи с этим уместно заметить, что психологи разных специальностей «вращаются» вокруг принципа совмещения и предложенной модели генезиса условной сферы целостности. Они явно или неявно опираются на понятие целостности, описывая отдельные стороны и проявления психики, но не рассматривают целостность во всем объеме ее качеств. Однако если нет этой обобщенной модели генезиса условной сферы целостности, то нет и опоры на некоторую теоретическую конструкцию, показывающую логику самопорождения и самодетерминации психических функций. Предложенные понятия необходимы для «скачка» в создании теории генезиса психики (психика рассматривается как определенный этап в самоорганизации живого). Центральное звено самоорганизации в живом сопряжено с функционированием комплекса из объединенных качеств, включающих в себя как рефлексию, так и побуждение в виде абсолюта, а также и исполнительные возможности.

2. 17. СРЕДСТВА ПОДДЕРЖАНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ

Они могут быть очень разнообразными. Применительно к такой целостности, как человек, они были открыты фрейдистами и облечены в форму законов поддержания существования человеческой личности. Но сейчас мы хотим остановиться на этом вопросе подробнее.

Итак, априорной данностью для любой целостности выступает то, что она **ЕСТЬ, СУЩЕСТВУЕТ, НАЛИЧЕСТВУЕТ**. Факт «уверенности» в том, что она **ЕСТЬ, СУЩЕСТВУЕТ**, появляется у целостности автоматически, без всяких усилий (как эквивалент вхождения в целое). О действительно сложных механизмах порождения этой данности говорилось ранее.

Но эта «уверенность» в собственном существовании всегда представлена в сочетании с даром рефлексии (разном для разных уровней живого). Поэтому «убежденность» живого в том, что оно **ЕСТЬ, НАЛИЧЕСТВУЕТ**, предстает в форме «убежденности» в существовании собственного Я. Существование отнесено к определенному Я, имеет свой адресат в форме Я. Уже говорилось, что не может быть существования, не отнесенного к определенному Я (Я — это представитель целостности, к которому отнесены все ее проявления).

Причем само существование может быть сильно или слабо выраженным, устойчивым или неустойчивым. Оно характеризуется различной степенью устойчивости, стабильности.

Очевидна шкала выраженности, «прочности» существования. И целостность всеми имеющимися у нее средствами будет стремиться упрочить свое существование, повысить его устойчивость. Все, что ей доступно, она будет превращать в средства укрепления собственного бытия. Все ее развитие пойдет по линии наращивания «прочности» своего бытия. Собственно, это одно из следствий той же позиции заданное™, непреложности целостности. Бытие целостности всегда **ЕСТЬ, ИМЕЕТСЯ**, и как доминирующее оно будет всегда стремиться к этому самоупрочению. Поэтому весь процесс развития целостности пойдет по линии упрочения ее существования.

А что конкретно означает слабая или сильная выраженность факта существования целостности? Мы не говорим сейчас о собственно объективной базе устойчивости существования (она зависит от соотношения отличного и общего, меры избыточности ее элементов, связей). С точки зрения самого существования, неустойчивость существования означает выраженную зависимость целостности от динамики внешней и внутренней среды, подчиненность ее случайностям среды, колебаниям извне и изнутри. Ее могут уничтожить внешние силы, она может погибнуть и от недостатка каких-то веществ изнутри себя, сбоя в внутренней динамике. Иначе говоря, существование целостности оказывается в полной зависимости от этих внешних и внутренних сил. Они могут «отвергнуть» ее бытие в любой момент, перевести его в небытие. Образно говоря, целостность «едва существует» — постол>

ку, поскольку ей позволяют внешние и внутренние силы, достаточно могущественные по отношению к ней. Ее существование постоянно подвергается угрозам и опасностям со стороны этих внешних и внутренних сил. При этом если у нее развито Я, то это Я (в той или иной форме) может осознавать «шаткость», зыбкость своего бытия.

И наоборот, сильное, устойчивое существование — это существование, относительно независимое от этих внешних и внутренних сил, сохраняющее стабильность в любых ситуациях и при любой динамике этих сил. Ясно, что для достижения такого существования целостность должна совершенствовать свои преобразовательные силы, качества рефлексии, способности противостоять давлению среды, улучшать потенциал своих движений, действий, развивать память, механизм прогноза, отлаживать работу саморегуляционного комплекса, вырабатывать более гибкие формы поведения и т. д. В процессе функционирования целостность будет двигаться от этого «хрупкого», зависящего от внешних и внутренних сил бытия к некоторому более устойчивому, «прочному» существованию, наращивая потенциал своих возможностей, совершенствуя поведение. Поведение, обеспечивающее ей наилучшее приспособление, может закрепляться в форме тех или иных инстинктов. И, конечно, чем совершеннее формы рефлексии, образы среды, память, способность к преобразованиям, весь саморегуляционный комплекс, тем эффективнее, направленнее путь к этому более устойчивому существованию, тем оно достижимее. Скажем, с помощью более развитой рефлексии целостность будет лучше познавать себя, свое бытие, отражать угрозы извне и изнутри, откроет мир не только себя, но и условий своего бытия, со всеми его сложностями и противоречиями, найдет пути адаптации к нему. Правда, развитые формы рефлексии могут открыть ей и весь драматизм собственного бытия: так, она может открыть свою зависимость от множества внешних и внутренних сил, конечность своего бытия. Собственно, это уже произошло на уровне такой целостности, как человек, который, приобретя дар самоосознания, начал осознавать и неизбежность собственного конца, свою зависимость от множества внешних и внутренних сил, болезней и т. д. Это подчеркнуто Э. Фроммом, который говорил о такой двойственности функции самоосознания, внесения им глубокого драматизма в само существование человека (Фромм, 1995).

Но, конечно, дар рефлексии — это прежде всего основа для совершенствования себя, выработки более совершенных форм адаптации. Рефлексия — мощный ускоритель развития живого, упрочения его бытия. Рефлексия «гонит» все целостности, включая и человека,

вперед — по лестнице эволюции. Под ее влиянием человек стремится к построению более совершенной среды, подлинно человеческого дома (под которым понимается именно достойная его среда, в которой ничто не будет угрожать его существованию).

Совершенствование всего поведения, выработка инстинктивных форм поведения, облегчающих адаптацию, — также очевидный механизм упрочения бытия целостности. На низкоорганизованных уровнях живого устойчивость существования может достигаться именно за счет закрепления относительно простых форм поведения, обеспечивающих выживание. Выступая в форме инстинктов, они являются прямыми средствами достижения устойчивости существования живой целостности.

Стрела эволюции шла через них, формировала их, но не ограничилась только ими. Она породила и множество других, более совершенных, форм упрочения бытия целостности. Чем выше уровень организации живого, тем выше разнообразие этих средств. Множество таких средств сформировано человеком. Это и компоненты культуры, и наука, и техника, и разнообразный опыт, и традиции, и обычаи. Э. Фромм прямо подчеркивает, что вся культура — от примитивных ее форм до наиболее развитых — средства поддержания человеческого существования (*Фромм, 1995*). Но разве не ту же функцию выполняют орудия труда, средства производства, современная техника, наука?

Причем у целостности имеются два способа упрочения своего бытия: через пассивное приспособление к среде и через активное преобразование этой среды «под себя» (переделывание ее под более комфортную, удобную для себя среду). Пассивное приспособление представлено на уровне низкоорганизованных форм живого. Активное преобразование — удел целостностей типа человека. Их существование ориентировано на преобразование мира в весьма значительных масштабах. Они — носители определенных мировоззрений, точек зрения на то, как должен быть устроен мир. Располагая средствами для его преобразования в виде техники, науки, они «насаждают» эти соответствующие со своим мировоззрением. Навязывание своего Я — это навязывание представлений о должном, о том, каким должен быть этот внешний мир. Хорошо, если это Я людей адекватно, свободно от мифологии — тогда преобразование внешнего мира может действительно упрочить их бытие (и одновременно бытие других людей). Но если преобразованием мира управляет неадекватное, мифологизиро-

важное Я, то эти преобразования могут только расшатывать стабильность человеческого существования, подрывать сами его корни (вспомним, например, ситуацию с состоянием окружающей среды в современном человеческом обществе). Плохо также, если Я отдельных людей, социальных групп непримиримы друг к другу.

Мы здесь лишь подчеркиваем, что насаждение своих представлений об устройстве мира (через его преобразования в соответствии со своим Я) — это та же форма упрочения собственного бытия.

Все живое — от простейших до высших форм — подчинено тенденции упрочения собственного бытия. Высшие его формы через «переделывания» под себя среды — тоже формы проявления этой тенденции. Все, чем располагает живое (качество рефлексии, память, когнитивные функции, орудия труда), есть средства упрочения имеющегося бытия. Используя их, целостность старается сделать собственное бытие более стабильным, не зависимым от колебаний внешней и внутренней среды.

Глава 3

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ И ТРУДНОСТИ ЕЕ ОПИСАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ КОНЦЕПЦИИ

Если в главе 1 были обрисованы общие контуры развиваемого подхода, а в главе 2 изложен вариант самоорганизационной концепции психогенеза, то в главе 3 мы снова возвращаемся к рассмотрению наиболее общих вопросов самоорганизации, связанных с понятием целостности и ее саморазвития.

Это обусловлено тем, что за рамками рассмотрения остался ряд таких важных вопросов теории самоорганизации, как связь целостности и Универсума, соотношение основных понятий современных теорий самоорганизации с проблемами психо- и социогенеза, формирование нового облика научного знания, выработка базиса для создания новых типов разумных искусственных «систем».

Все это позволит дополнить и развить ранее изложенную концепцию психогенеза, установить ее связи с соответствующими направлениями сложившейся теории самоорганизации и тем самым выйти на качественно новый уровень понимания проблемы развития живого.

3.1. ФЕНОМЕН ЦЕЛОСТНОСТИ

Когда мы говорим о целостности, мы имеем в виду некий феномен, который Мир, Универсум являет нам как нечто единое, цельное для каждого акта восприятия этого феномена.

Мир открывается нам или, с другой стороны, мы раскрываем мир в отделенных до некоторой степени единицах. В данном исследовании мы называем их целостностями.

«У входа в мир стоит на страже Бог ограничения. Ограничение — плата за вход», — писал Л. Фейербах (*Фейербах, 1955*). Он имел в виду как раз способность самоорганизующейся материи образовывать некие «сгустки», целостности, ограниченные самим фактом своего появления и своего существования.

Целостность — это нечто данное нам в познание. То, что мир порождает из себя и что начинает уже само играть роль «насоса», выкачивающего из глубин Универсума те возможности, которые Универсум может «предоставить».

Целостность, таким образом, есть некое «сгущение» на Универсуме как результат сворачивания мира в образование, которое мы воспринимаем как нечто выделенное, единое, отграниченное от «окружения», в общем то, что мы называем обычно объектом, системой, явлением.

Понятие целостности необходимо ввести для того, чтобы подчеркнуть многоуровневый, уходящий в глубины Универсума характер таких выделенных, установившихся образований, порождаемых в Универсуме им самим.

Понятие целостности должно также отражать идею чрезвычайной «сконцентрированности» свойств и возможностей Универсума — целостность «стянута» в себя саму, она «свернута» в себя саму Универсумом, неизбежной частью которого сама и является.

Неисчерпаемость целостности есть следствие того, что она «опирается» собой на мир, уходит в его глубины, плывет в своем существовании по его «волнам». Чем глубже в целостность мы погружаемся, тем меньше можно отделить целостность от порождающего («несущего») ее Универсума.

Эта неисчерпаемость — причина того, что некая отражающая целостность «видит» другую целостность в бесчисленном разнообразии свойств, проявлений, функций, срезов и т. п. Целостность, таким образом, дает отражающей целостности возможность породить бесконечное число самых различных систем, которые для нас и есть совокупное и полное, как мы привыкли говорить, раскрытие целостности.

Разумеется, это не сама целостность, более того, на этом пути мы можем только до некоторой степени приближаться к постижению данной целостности. Сама целостность качественно отличается от подобного набора систем, каким бы «полным» он ни был. Этот набор есть не более чем результат постижения мира на определенной ступени развития познания, но далеко не сама целостность. Для того чтобы приблизиться к постижению целостности, требуется изменить лицо науки. Требуется выйти за рамки системного, а фактически автоматного, способа как получения, так и представления результатов постижения.

Ведь то, что человек воспринимает как целостность, в результате «особенностей» работы интеллекта оформляется в его сознании как осо-

бое построение, интеллектуальный продукт, который принято называть системой.

Это построение обычно отождествляется с тем феноменом, который лежит в основе построения соответствующей ему системы и который мы называем целостностью. И хотя немало проницательных исследователей указывали на невозможность не только исчерпывающего, но и просто достаточно полного представления сложных природных феноменов — «объектов» — в виде «построенной» по этим феноменам системы, все же до сих пор научная мысль ни терминологически, ни по существу не различает целостность и систему.

Иллюзия совпадения жизни, «объектов мира» и теоретического продукта владеет умами. Это понятно. Сотни лет ученые (вообще люди с давних пор) создавали эту иллюзию и укреплялись в ней.

Некий «нематериальный остаток», витальность, эмерджентность, необходимость подхода, именуемого холистическим, все это — многочисленные свидетельства недостаточности того метода, что мы называем системным, элементарно-структурным.

Почему так важно и понятийное, и терминологическое различие целостности и системы?

Потому что до сих пор царит представление, что только последовательное движение по пути системного метода позволит постепенно сократить «нематериальный остаток» и познать целостность мира.

Но сможет ли существенно сократить «остаток» движение в русле представлений, называемых самоорганизующимися системами, синергетикой, автопоэзисом?

Любая система, которой мы опишем реальность, прежде не входившую в рамки рассмотрения научных представлений о живом, будет, однако, системой со всеми присущими любой системе особенностями. Включение в рассмотрение тех особенностей живого, которые ранее не рассматривались, не делает систему чем-то иным принципиально. Конечно, попытка охватить более широкий круг явлений и свойств живого должна приветствоваться, но на таком системном пути мы будем сталкиваться со все возрастающими трудностями. Живые целостности могут быть описаны традиционным системным, т.е. элементарно-структурным языком, только в весьма ограниченном смысле и под определенным углом зрения.

Разумеется, пополнение наших представлений о целостности через систему пока является неизбежным путем, но «в уме» любой ученый уже должен держать ту особую цель, которая может быть обозначена как «постижение целостности». Системный путь — это не более

чем приближение к тайнам живого, на нем достичь их разгадки вряд ли возможно.

В чем же должно заключаться необходимое «расширение» системного мышления и описания, какие «движения интеллекта», духа способны вывести нас за пределы указанной ограниченности элементно-структурного уровня мышления?

Для ответа на подобные вопросы требуется несколько подробнее остановиться на рассмотрении общей схемы «работы» интеллекта (ментальности) человека.

Несомненно, что восприятие человека до сих пор является загадкой. Под восприятием мы понимаем здесь весь комплекс ментальных процессов, которые создают различные феномены сознаваемых и неосознаваемых компонентов разума. Это то, что рассматривается и ощущается нами как наше бытие, что ощущается в виде неразделимого чувствомышления, относящегося к нашей интериоррецепции и экстерарецепции.

Надо отчетливо сознавать, что постижение целостных «объектов» неотделимо от познания устройства и работы мозга (М). Следует признать, что М является также целостностью, правда, со своими особенностями.

Вообще постижение целостности — это поле, на котором смыкается наше познание мира и самих себя. Это в высшем смысле гносеологическая проблема. Эпистемологическая, феноменологическая и т.д. Трудно назвать философское понятие данного ряда, которое бы не имело прямого отношения к постижению целостности.

Во-первых, зададимся вопросом, как в М (в психике) из целостности «делается» система? Какова история развития и становления этого метода мышления и представления результатов? Его сильные стороны, привлекавшие к нему многих мыслителей на протяжении веков, — четкость представлений, а следовательно, достаточно высокая степень согласуемости результатов как для различных М (психик), так и в пределах одного М для его разных состояний и периодов.

С одной стороны, история дает достаточно очевидные примеры того, что логичность и последовательность развивались постепенно, осознавая свое предназначение и роль для мышления, для рассуждения, для убеждения. С другой стороны, достаточно очевидна и совершенно различная степень способности разных людей придавать значение точности и строгости того, как они мыслят и что говорят при этом. С третьей стороны, велик удельный вес областей деятельности, в которых точность и последовательность не играют существенной роли

или даже мешают (некоторые стили в искусстве, создание рекламных, политических, воспитательных артефактов и т.п.).

Если исследовать разговоры людей друг с другом, от бытовых до дискуссий на научных собраниях, то становится ясно, как велика в них доля нелогичности и произвольности. Частично это объясняется влиянием того, что Фрейд обозначил как «подсознание», но в значительной мере причина этого просто в естественном, нативном (натуральном) способе мышления и, следовательно, поведения.

Большинство людей даже не замечают, насколько течение их суждений и формирование представлений произвольно, противоречиво. Только специальная тренировка при наличии определенных особенностей протекания ментальных процессов позволяет человеку замечать подобные ошибки и ставить им до некоторой степени заслон

И здесь мы должны обратиться к понятию «разработка». Разработка имеет огромное значение в процессе решения любой задачи, при исследовании любой предметной и теоретической области. Именно через разработку происходит «оживление» этих областей. Именно через нее происходит раскрытие возможных связей и свойств выделяемых понятий. Исследовательская деятельность (ИД) заключается в действиях по выделению и усложнению понятий, прояснению и увеличению их взаимосвязанности. Ум работает при этом в поле понят ли, относящихся к данной области, и рассматривает это поле как нечто целостное. Все это и есть разработка — «выращивание» — данного поля.

После этой общей характеристики разработки проблемного поля дадим углубленное ее понятие, т. е. изложим более или менее последовательно содержание данного понятия в виде текстовой разработки. Здесь опять же мы имеем своеобразный автоэффект теории, когда излагаемое служит описанием собственного порождения — первичного или вторичного (дидактического), т. е. происходящего при усвоении уже порожденных кем-то конструкций.

Фактически процесс освоения любой области сводится к его разработке, его «горизонтальной» и «вертикальной» связанности, к насыщению его понятиями и связями посредством операций РАС (расширение) и РЕД (редукция). При этом возникает нечто вроде многоэтажного построения, где нахождение в некоторой комнате некоторого из этажей означает одновременно неосознаваемое или свернутое присутствие во всех связанных с данной комнатой помещениях посредством отношения РАС. Это позволяет, оперируя в сознании (т. е. в FOVEA-части операционного поля мышления) РЕД-представителями

многих скрытых в иных «этажах», т.е. в периферической его части (ПЕРИФ) понятий, неявно «вмещать» в операции максимально широкое представление о ситуации в целом. Только эта способность и дает возможность «осмысленно» двигаться в «правильном» направлении к цели. Даже если цель не представлена явно, то само строение проблемной области «неосознанно» направляет исследователя к некоторому результату. Способность просто развивать проблемную область есть наиболее естественное качество ума и лучшая характеристика его силы. Именно в неявно определяемых самим содержанием проблемной области целях и заключается ее смысл, ее «видение» исследователем. Ясно, что данная способность есть наиболее важная черта в ИД.

Для истинного исследователя не может быть вопроса «зачем же я это делал?» Это возможно только для того, кто, следуя к заданной кем-то цели (как в школьном учебнике-задачнике), с досадой считает потерянным усилием осуществление «ненужных» для достижения заданной цели «преобразований». Внутреннее чувство единства проблемной области и ее «структуры» позволяет двигаться именно в таких направлениях в разработке понятий области, которые представляют наиболее «содержательные» ее черты.

Понятие прорыва, мгновенного постижения решения — полного или частичного — есть следствие-проявление именно такого многоэтажного строения проблемной области. «Сложение» в ней образов из соседних с FOVEA «помещений», связанных в единое целое посредством РЕД и РАС-отношений, есть основа появления образа решения. При этом «широта» охвата проблемной области в РЕД-сокращенных образах, вместе с представленностью при оперировании ими их существенных СПР-образов, есть важнейшая характеристика потенциций исследователя. Под представленностью здесь понимается «краевое», периферическое представление, т. е. подактивное представление образов проблемной области в М исследователя. Вообще проблема нейро(или какой-либо иной субстратной) соотносительности понятий «образ», «представление», «ПЕРИФ», «ФОВ», «СПР» и «РЕД» (и т. д.) находится пока за пределами рассмотрения. Можно сказать, что мы только приближаемся к ее постижению из области рассмотрения неких свойств и особенностей отношений и понятий, носящих интроспективный и спекулятивный характер.

Разумеется, движение к познанию целостности будет производиться, отталкиваясь от современной интеллектуальной базы, от того, что составляет внутреннюю и «внешнюю», инструментальную области интеллекта основной массы исследователей. Разумеется, методоло-

гически это движение будет делать начальные шаги в русле сложившихся и более или менее устоявшихся представлений и схем. Разумеется, оно будет основываться на пока неизменной способности человеческой психики производить выделение некоторых феноменов мира, формирование внутренних сложных образов (чувствомыслей) и обозначение (маркировку) их в рациональной области интеллекта (для опоры и «привязки» мышлечувств к некоторой системе, представляющей и «держашей» в сознании результаты «внутренней», чаще всего плохо осознаваемой работы интеллекта).

Существо этой работы есть восприятие целостностью мозга (вместе с организмом) целостности мира. Результатом является создание в рациональной области интеллекта неких взаимосвязанных представлений, которые более или менее адекватно фиксируются в знаках — в системе, представляющей рациональный компонент работы восприятия и исследования.

Исследовательская деятельность (ИД), таким образом, представляет собой многократное восприятие мира, направляемое и конструируемое по тем представлениям, которые вызывает каждый акт восприятия в М. Это сложный сплав предпочтений, желаний, склонностей исследователя с результатами фундаментальных механизмов восприятия его М, вместе с управляющими направлением исследований (в частности, выбор источников восприятия) представлениями, уже сформированными, М-осознанными и выраженными знаками (внутренними и внешними).

3.2. ПОРЯДОК И ХАОС

Обратимся теперь к анализу базисных понятий синергетики и автопоэзиса. Анализ будет ставить целью выявление недостаточности данных понятий для дальнейшего развития теории самоорганизации.

Главное то, что синергетика не стремится к целостности, она — типичная система творчества, только несколько расширенная за счет новых представлений и понятий. Но что дают эти понятия для дальнейшего движения в целостности? Эти понятия не дают возможности подойти к качественному переходу от системы-автомата к целостности как смоделированной части («куску») мира. Например, диссипативность, как определение, не дает почти ничего для проникновения в глубину материи и мира, на которой строится целостность. Уравнения, которыми, в основном, оперирует теоретическая синергетика, факти-

чеки являются выделенными «измерениями»: модель, состоящая из количественных «сечений» ситуации по воле, взгляду, цели исследователя. Очевидно, их изначальная ограниченность, именно с этой точки зрения.

Если рассмотреть понятия порядка и хаоса — базисные понятия синергетики, то становится ясно, что данная пара именно в силу своей антонимичности может быть заменена в качестве крайних, предельных случаев на понятие *меры организации целостности*. Говорить о хаосе или порядке в некоем абсолютном смысле можно только в рамках мифического мышления, подобно тому, как это делали античные греки.

Мера организации — в достаточной степени конструктивное понятие. Ясно, что она может изменяться, то увеличиваясь, то снижаясь. В первом случае мы двигаемся к большей упорядоченности, организованности, во втором случае — к тому самому хаосу, который, как и абсолютный порядок, не только не достигим, но и трудно представим. Ну, в самом деле, чем может быть абсолютный хаос? Это такое состояние некоторой, весьма обширной, части Универсума, при котором невозможно никакое обобщение, никакая симметрия, никакая инвариантность в самом широком смысле. Представить себе такое, как и полную противоположность такого состояния — абсолютный порядок, вряд ли даже в силах для человеческого ума, роль которого как раз и заключается в отыскании порядка в «середино», с точки зрения меры, устроенном вокруг него мире. Если же предположить, что мир в высшей степени «хаотичен», т. е. обладает огромным разнообразием, с которым мозг (меньшее разнообразие) справляется, только поневоле упорядочивая хаос мира по тому или иному «направлению», в том или ином «смысле» (т. е. и сотворяя в рамках своей целостности этот самый й смысл), то возникает вопрос, как можно выйти за пределы столь определенно и неумолимо устроенного разума? Но об ответе на этот вопрос — позже.

Более того, приходится признать, что говорить об уменьшении или увеличении меры организованности в целостности можно только с точки зрения некоторой целостности наблюдателя. Потому что в Универсуме мы не можем определить эту меру в некотором абсолютном и не зависящем от наблюдателя — ограниченном и вносящем «свое» во все, что он «отражает», — смысле.

Восприятие наблюдающей и действующей целостности есть важнейшая характеристика процесса определения меры организованности в наблюдаемой целостности. Выбор и приоритеты исследователя, его

предпочтения, антипатии, наконец, определяют не только индивидуальные представления, но и господствующие в обществе теории, воззрения, мнения. И исследование процесса взаимодействия наблюдающей и наблюдаемой целостностей позволяет сделать его более истинным, более прозрачным, более конструктивным.

Не следует ли признать, что порядок — это нечто такое, что вносится в восприятие «хаотического» по своей природе Универсума целостностью? Целостностью, которая есть нечто, обладающее разнообразием меньшего порядка, чем Универсум. Ведь предположить, что разнообразие целостности возрастает по мере ее развития (эволюционирования), можно, но тогда мы должны будем объяснить, как согласуется с таким допущением почти очевидное ощущение, что порядок дается нам только как некоторое ограничение, срез с некоторого великого разнообразия жизни, которое к никакому порядку (т. е. к системе) не сводится.

Итак, порядок — это некое условное и частичное видение целостности того, что «кишит» как в ней самой, так и вне ее. Слова «вне» и «в ней», конечно, требуется брать в кавычки.

Можно сказать, порядок — это всегда идеализация, адаптация «реальности» с точки зрения целостности, ее возможностей в самом широком смысле. Порядок скорее навязывается, пусть и ценой более или менее значительного «сужения» «реальности», скорее навязывается целостностью миру, чем имеется в нем «на самом деле».

С этой точки зрения порядок есть сугубо «геометрическое» (идеальное) понятие. Как в природе не существует прямых, точек, окружностей, так не существует и порядка. Он всегда есть некое «красивое» (и в силу этого простое) измышление «видящей» его целостности.

Порядок есть, таким образом, некое «наложение» гармонии («музыки») организма и мозга на гораздо более превосходящую гармонию Универсума с ее неподвластным мозгу ни в познании, ни в действии разнообразием.

Широко распространенный термин «параметры порядка» — одна из великих надежд синергетики. Ее стремление свести сложное к простому, не существенному, является прекрасным примером указанных ограниченных идеальных порождений мозга как познающей целостности.

Таким образом, синергетические понятия порядка и хаоса содержательно могут быть заменены сочетанием понятий меры организованности целостности и уровня ее разнообразия. Соотношение уровней разнообразия двух сравниваемых целостностей, как и в паре на-

блюдающая— наблюдаемая целостности, должно быть важнейшей характеристикой в теории, отражающей свою или иную самоорганизацию.

Вообще понятие разнообразия начинает все более часто встречаться в научных текстах. И хотя делается это в самых разных смыслах, само обилие указывает на наличие некоей категории, проявляющейся во всех этих употреблениях.

Что такое разнообразие?

Представляется, что это основное понятие, на которое следует опереться при отображении целостности.

Сама целостность пока не может быть определена. Она может только приоткрываться нам в процессе ее отражения. Мы будем приближаться к ней, получая все более необычные конструкции, которые будут производить качества, все более приближающиеся к наблюдаемым нами качествам реальных целостностей.

Здесь есть проблема соотношения меры упорядоченности «реальности» и упорядоченности процессов и результатов работы нашего интеллекта. Можно в качестве первоначального принять предположение о том, что абсолютно разнообразный мир, Универсум доступен нам только в некотором ограниченном виде. Поскольку целостность как нечто существующее может быть таковой только в виде взаимодействующих ограничений (как «платы за вход в этот мир»), то и познание целостностью мира также не может выйти за пределы тех или иных ограничений.

Итак, по этой точке зрения, мир совершенно неограничен, и это угадывается нами как хаос. Но целостность, «отражая» мир, делает это ограничено — еще более ограничено, чем ограничена она сама в целом. Это тоже вопрос: возможно, мозг не более, а менее ограничен, чем тело. Но в любом случае та ограниченность, с которой целостность отражает мир, и представляется нам в виде упорядоченности, которую мы приписываем миру. Мы извлекаем порядок из хаоса мира, ограничиваем его, потому что иначе мозг работать не может, потому что таков стиль его организации, такова его «повадка».

Можно теперь уже сказать, что разнообразие мозга, как и целостности, существенно меньше разнообразия мира. Если вообще имеет смысл вводить для мира такую характеристику, как разнообразие. Ведь он суперразнообразен, мера разнообразия может быть «конечной» только для ограниченной целостности.

Разнообразие целостности по отношению к различным этажам, на которых она, организуясь, «вырастает» из Универсума, определяет

перспективы и возможности данной целостности в ее самоорганизации. Очевидно, что меньшее разнообразие с известными потерями и искажениями может отразить большее разнообразие.

Самоорганизация, таким образом, понимается как «выкачивание» целостностью из Универсума новых качеств и возможностей. Используя разнообразие Универсума, целостность своим разнообразием и для себя самой (поскольку она обладает заданным существованием) «истаскивает» возможности из глубин Универсума и трансформирует их в собственные составляющие и качества на всех уровнях своей организации.

Надо сказать, что организация понимается как установленная мера порядка, предвидения, предвосхищения, экономии сил, средств и, следовательно, эффективности действий. Устанавливается же эта организация наблюдающей целостностью на наблюдаемой целостности, и при этом разнообразие первой и второй, рассматриваемое в отнесенности к их разнообразию Универсума, определяет результат. Наблюдающая целостность так же «плывет» над глубинами Универсума неким организованным островом, как и наблюдаемая, и ее мера организованности определяет организованность наблюдаемой, как и разнообразие и упорядоченность второй. Говоря иначе, сама наблюдающая целостность переносит свою организацию на наблюдаемую и делает это в зависимости от тех соотношений, в которых их разнообразия и упорядоченность «питаются» из Универсума.

Другие основные понятия синергетики также могут быть рассмотрены с вышеозначенной позиции. Что понимается под нелинейностью? Говоря в общем, нелинейность — это невозможность «экстраполяции». В определенных областях решение уравнения не подчиняется принципу «малые изменения аргумента вызывают малые изменения функции». Метафорически это означает качественное изменение в поведении, которое невозможно предугадать. В данном тексте мы заменяем понятие нелинейности понятием возникновения нового качества, скачка, показывая, что даже малые изменения состояния целостности приводят к резкой перемене декораций. Такая перемена происходит от внешне обычных ненастораживающих изменений. Для перемены социальной целостности также не требуется экстраординарных шагов — все происходит как обычно, по крайней мере не наблюдается особой разницы между тем, что было вчера, и тем, что есть сегодня, но результатом является резкое и качественное изменение целостности.

Почему оно непредвиденное? И в чем тут принципиальное различие со старым понятием скачка? Непредвиденность есть следствие того факта, что разнообразие отражающей целостности существенно ниже разнообразия отражаемой целостности. Отражающая целостность даже в ее глубинном, интуитивном, творческом понимании не вмещает всего, что происходит в отражаемой целостности. Это, собственно, и затрудняет прогноз. Иными словами, непонимание отражающей целостности эквивалентно хаосу неорганизованности отражаемого. «Все в голове мешается», на целостность не накинута сетка (линейная!) понятий и их связей, что и вызывает ощущение непонимания. Таким образом, нелинейность — это новая открывающаяся нам в данном этапе развития науки сложность мира по отношению к отражающему его уму. Она возникает в процессе исследования, исторического и перманентного для науки. Можно сказать, что нелинейность это и есть настойчивое проявление целостности.

В самой целостности все «предвидится» как в чем-то «самом себе». В системе же, оставаясь в ее ограниченных рамках, не только не предсказать, но даже и не описать возникновение нового качества, оно словно выскакивает ниоткуда, «сбоку» из пространства целостности, которая в системе целостности не представлена.

Вообще же переход от мира уравнений и строгих терминов к миру целостности содержит качественное изменение ситуации, возникает принципиально новое. Линейность, таким образом, есть способность ума в данный момент получать воспроизводимые повторяющиеся результаты, соответствующие сетке теории, которую мы накладываем на действительность. Следует называть то, что мы имеем здесь, уже не нелинейностью, а именно неместимостью целостности в любую современную теоретическую систему.

Относительно же различия между нелинейностью и старым содержанием «скачка» можно заметить следующее. Фактически ум сталкивается с нелинейностью, когда он начинает уходить из области, где до сих пор царствует сознание. Именно сознание как бы направляет форму, формальность, затеня неосознаваемое. Старое понятие «скачка» не включает в себя момент неосознаваемого, непредсказуемого, того, что коренится в глубине познающего мир исследователя.

Если рассмотреть такое понятие синергетики, как фрактал, то, конечно, можно оценить глубинную связь этого понятия со, скажем, «поверхностью тканей в живом». Однако фрактал не более чем изощренный, но все же инструментальный способ рисовать картинку по правилам (функция). Трудно ожидать, что с их помощью можно легко

и удобно изображать хотя бы «поверхности» в живом, не говоря уже о сложных «пространствах» живых целостностей или связанных с ними «функциональных пространствах» (взаимодействия, соотношения, опосредование). Здесь фракталы ждет судьба всех остальных функций, которые применяются только внутри математики. Чем же можно изображать «поверхности» и «пространства» (поля) в живых целостностях? Только конструктором. Но ответ на этот вопрос лежит вне современных возможностей математики.

Столь же неудачен и термин аттрактор. Он подошел бы, скорее к теме, которая скрывается в психике участников и к которой рано или поздно неизбежно сворачивает, например, разговор «о политике». То же, что называют аттрактором в синергетике, следовало бы назвать, скорее, внутренней предзаданностью целостности. Предопределенностью. Называть качество целостности именем «области, притяжения траекторий» даже нелогично. Качество целостности, относящееся к способности целостности скрывать в себе и своем развитии нечто большее, чем видно в данный момент, определяющееся всей историей ее создания и становления (в ее предформах), не может притягивать, оно именно «рулит к», «незримо» направляет, определяет выбор.

Вообще, не следует слишком буквально отталкиваться от понятий синергетики, требуется идти от представлений, стремящихся глубже отразить сложность мира.

Рассмотрим, например, представления о кардинальной недостаточности разнообразия отражающей целостности относительно разнообразия мира. Ведь развернув глубинные феномены своего мышления, исследователь может сказать: «Вот этот феномен (а точнее, этот комплекс идей и понятий) в синергетике называют, например, диссигативной структурой, этот — бифуркацией».

К тому же поневоле в синергетике,* как и в кибернетике, которые вышли из естественнонаучного и технического драйва человечества, понятия неадекватны сложности мира. Требуется метафора, при которой эти понятия разрабатываются, уточняются и углубляются. Именно метафоризация устраняет разобщенность данных понятий, их сравнительно малую пересекаемость как понятие единой теории. Только лапу метафоризации мы можем сочетать их, т.е. расширять и углублять.

3. 3. НОРМА И ЭКСТРЕМ

Таким образом, в рамках представлений о взаимоотношении целостности и Универсума, а также отражаемой и отражающей целостностей наполняются новым, более конструктивным содержанием и разрабатываются основные понятия синергетики. Такая разработка позволяет связать воедино многие аспекты и проблемы теории развития, которая, как философская теория, несомненно, является всеобъемлющей по отношению к синергетике.

Здесь следует обозначить пару новых понятий — понятия нормы и экстремального состояния. Они более содержательно отражают возникновение новых качеств и свойств при развитии целостности, нежели основные понятия синергетики. Известные термины «предельное состояния вещества», «состояние с обострением», «кризис» и т.п. играют здесь роль некоего частного аналога тех процессов, которые мы обозначаем термином «ЭКСТРЕМ» в живых целостностях.

Разумеется, норма и экстрем не существуют, подобно порядку и хаосу, как нечто раздельное. Норма есть обычное, «заданное» течение процессов в целостности, обычное «высвобождение» ее существования их глубин Универсума, но норма может плавно трансформироваться через размытое состояние-границу к уже явно определяемому состоянию экстрема.

Можно сказать, что экстремальные состояния прорываются из «хаоса» Универсума в целостность, и таким образом происходит таинственная трансформация нормы, ее «расплавление» в горниле экстрема, позволяющая преодолеть ограниченный и избирательный барьер — ограниченность нормы — и создающая условия, при которых в целостности возможно образование новых качеств из разнообразия Универсума, в этот момент «захлестывающего» и наполняющего целостность, подобно наводнению.

Целостность словно погружается своей нормой-каркасом в бурлящее разнообразие Универсума и сама становится более «расплавленной», подвижной в своих составляющих, способной вобрать в себя из Универсума то, что до этого момента не позволяла усвоить норма.

Разумеется, этот метафорически нагруженный текст может быть только первичным взглядом на процессы развития целостности и требует весьма большого числа шагов, все более приближающих исследователя к максимально возможной формализации данного процесса.

Целостность в состоянии экстрема как бы не выдерживает напора Универсума. Происходит это при ослаблении жесткого каркаса «на-

правляющих» нормы. Это происходит спонтанно и всегда «неожиданно» для данной целостности, потому что получение своевременной и тем более превосходящей информации о внутренних, глубинных процессах, составляющих существо расплавления нормы, как правило, лежит вне возможностей самой целостности. В реальном масштабе времени далеко не все может быть воспринято и осознано целостностью относительно превращений в глубине ее самой.

Поэтому всегда так неожиданны катастрофы, революции, кризисы и т. п.

Уже отмечалось, что бессмысленно говорить о хаосе в абсолютном смысле. Мы не можем наблюдать его как таковой. Можно лишь говорить о соотношении Хаос-Порядок на всяком уровне Универсума и о прорастании этих соотношений в новый уровень, в иной уровень, в высший или низший, в соседний и т. п.

Энтропия и есть мера увеличения хаоса в данном соотношении. Возрастание дезорганизации и есть нарушение, сдвиг нормы как результат развития экстрема. Угасание экстрема приводит к самовосстановлению нормы. Она восстанавливается под действием внутренней «инерции» целостности. Целостность как бы сворачивает обратно в «энергетически» удобную для нее, как таковой, колею нормы.

Состояние экстрема фактически есть следствие «накачивания» целостности энергией. Можно сказать, что это «кипение» целостности на «огне» подводимой энергии. И несущественно, подводится эта энергия сразу извне целостности или, что бывает гораздо чаще, на целостность оказывает воздействие ее внутренняя, запасенная ею ранее энергия, которая освобождается и «впрыскивается» в целостность из «хранилища» по сигнальному, информационному (реле-механизм) механизму реагирования на «происходящее».

Энергетическая же подпитка (открытая система в эндо- или в экзосмысле) приводит к усвоению этой энергии непосредственно составляющими в большей мере, чем норма обычно питает их.

Это способствует большей активности составляющих, причем ограничения целостности на эту активность слабеют, вернее сказать, не могут уже справиться с ней. Лишенная сдерживания и «натравливания» целостностью активность составляющих начинает «самовольно» и хаотически «бушевать» в пространстве целостности.

Не следует, однако, разделять радикально целостность и ее составляющие. «Сдерживание» целостностью ее составляющих — не более чем метафора. Просто норма — это особый режим взаимодействия составляющих на определенном уровне их взаимной активности.

Таким образом, целостность — это нечто раскрывающееся нам во взаимодействии более или менее активных составляющих. Как некий сгусток вещества, подчиненный мировым параметрам слипания, целостность должна быть источником «выкачивания» возможностей из Универсума и усваивания их в виде перестройки и достройки своего разнообразия.

Итак, составляющая в состоянии энергетической возбужденности оказывается («осмеливается») способной сделать то, на что ей в норме престо не хватает сил («смелости»).

Разумеется, норма после более или менее продолжительного и выраженного периода возмущения целостности экстремом не может остаться той же, что была до экстрема. Она будет иной, включившей в себя в большей или меньшей мере те новые качества, которые экстрем «извлек» из глубин целостности. Извлек оттуда, где целостность «плавает» на стихии Универсума, где она нечувствительно переходит в него, сливается с ним. Где она не может быть отделена от Универсума, отличена от него.

Вообще проблема различения уровней организации Универсума есть проблема разнообразия и возможностей той целостности, которая осуществляет самовыделение. Она делает это ощущениями, чувствами, рефлексией — всем богатством своей психофизиологической «организации».

Но что скрывается за этими словами? В каких представлениях, понятиях, терминах можно более содержательно описать данный сложнейший феномен: самовыделение целостности и «наложение» ею ограниченной фактом своего существования «организации» на Универсум, породивший и «питающий» ее?

Целостность не может быть отграничена от Универсума, но ее возможности самовыделения ограничены. И «распространяя себя» на Универсум (как говорят психологи, «накладывая свою схему тела на мир, продолжая ее в мир»), целостность видит Универсум в такой же ограниченной мере (по всем «параметрам»), в какой она видит сама себя. И иного ей не дано.

Сказанное выше относится как к генезису новых качеств, так и к их проявлению. Решение новых задач, даже столь формализованных, как математические, осуществляется человеком далеко от детерминированных логических процедур. Новое, оригинальное решение появляется, вызревает, возрастает, выращивается, улавливается, схватывается человеком, и на этих путях происходит естественное для человека и неизбежное нарушение логики. Можно сказать, что возникающий

экстрем при поиске решения расплавляет саму норму, преобразует в своем пламени устойчивые представления и образы, и из этого «бульона», уйдя в глубины неосознаваемых ментальных «движений», вырастает новое, которое при благоприятном состоянии улавливается и проявляется исследователем.

То же самое можно сказать и о порождении новых смыслов и значений. Если человек не может смириться с чем-то, если для него невозможно принять то или иное развитие событий, совершить некоторые поступки, то вызревание новых отношений, смыслов идет по той же схеме. Ментальность в своей глубине переформирует, изменяет, усиливает или ослабляет, складывает коалиции и враждующие ассоциации чувствований и отношений. Из этого нелогического, а вообще говоря, обладающего собственной «алгеброй» и, следовательно, логикой, бурления и столкновения внутренних феноменов сознания и неосознания и сплавляется некое новое воззрение на происходящее.

Чем большим разнообразием и, значит, возможностями обладает целостность, тем более выражено порождение новых качеств в ней. Порождение нового при напряжении экстрема-состояния происходит и в филогенезе, и при индивидуальном развитии и усовершенствовании — это универсальный закон природы.

Именно необходимость для целостности решить постоянно длящееся противоречие ее существования на Универсуме, из которого она возрастает, оформляется в своих ограничениях, но и в возможностях своей экзистенции, и порождает использование глубин целостности, уходящих в более энергетичный, более разнообразный, более, может быть, организованный (по иному, скорее всего!) Универсум. Напор Универсума размывает сам «каркас» целостности, ее организацию, подобно тому, как воды некоего фантастического океана размывают днище и трюмы плывущего по нему корабля, который начинает двоиться и расплываться, теряя свои очертания и структуру от днища до верхушек мачт.

Но этот напор Универсума порой превосходит защитные, нормализаторные возможности целостности, т. е. ее способность сохранять себя. Тогда целостность гибнет, диссоциируется — корабль размывается водами океана и возвращается в свою первородную стихию, теряя свое определенное обличив.

Однако предзаданность, существование целостности, ее предвосхищающая саму себя способность все обращать на свое упрочение или хотя бы рассматривать с точки зрения этого существования позволяет целостности многое из своих колеблемых глубин «выхватывать», при-

сваивать, улавливать и использовать, включая в оборот своего существования, своей выделенное™.

Проблема выделения и формирования целостности при данной точке зрения переносится из области объективистских исследований «возникновения жизни, порождения живого вещества при некоторых условиях и т. п. на исследование роли целостного феномена, который существует, а значит, и сам себя воспроизводит и предзадает, ощущая при этом «гладкость» или «затрудненность» такого самоутверждения, саморазворачивания, самоперестраивания.

Гармония, кстати, относится к тому же классу зависящих от уровня рассмотрения понятий, что и порядок, хаос, граница и т. п. Это не просто «размытое» понятие, но существенно меняющее свое содержание в зависимости от уровня разглядывания, степени проникновения в предмет исследования, меры организации познающего ума.

«Взаимопереходы» гармонии и дисгармонии есть (в полной аналогии с взаимодействиями хаоса и порядка) не что иное, как переходы постигающего ума с одной точки зрения на другую, с одного уровня рассмотрения на другой.

Вообще мы имеем тесную связь понятий гармонии и порядка. Можно сравнить в этом же смысле и хаос с дисгармонией, диссонансом. Надо сказать, что здесь прослеживается та же ситуация, что и в синергетике: обоснованные и очевидные музыкальные термины при перенесении их в область широкого круга явлений (та же «гармония») теряют свою определенность и становятся чем-то весьма широко понимаемым, зависящим от точки зрения.

Учитывая все эти предварительные соображения, как можно подойти к отражению некоторой теоретической конструкцией искомой *нишмеры организации целостности?*

Разумеется, организация познающего «наблюдателя», исследователя — его ум, воля, настойчивость, его мотивы, цели, установки — должна быть включена в конструкцию. Требуется включения в конструкцию и развитие представлений исследователя о предмете, а также происходящее синхронно развитие самого предмета исследования. Без включения в рассмотрение перечисленных сторон процесса постижения полученная конструкция будет ограниченной и лишенной способности отражать такое качество, как развитие и совершенствование (в том числе и самой себя в рамках самой себя — т. е. автоэффект не будет ей присущ).

Но есть нечто инвариантное типам исследователей и исследований. То, что и позволяет пусть и интуитивно, но с высокой степенью

определенности, говорить о порядке и хаосе, а точнее, о мере организации целостности.

Что такое вообще порядок? Что такое возрастание порядка или его снижение — возрастание хаотических тенденций, приближение к хаосу?

Можно в обобщенной форме, минуя обзор выдвигавшихся разными исследователями соображений по этому поводу, в концентрированной форме определить порядок— меру организации целостности — таким образом. Порядок — это то, что можно выразить, оформить в виде некоторой системы, описывающей происходящее. Разнообразие этой системы будет, разумеется, качественно уступать разнообразию отражаемого. Порядок и есть сама эта система на каждом данном этапе исследования. Это более короткая, скажем, и ясная, запись наших ощущений и восприятий, представлений и идей. Краткость, собственно, и делает ее более воспринимаемой и отчетливой, именно краткость порождает ощущение того, что мы называем «порядком», «организацией», «структурой».

3. 4. САМОВЫДЕЛЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ

Сгусток неравномерностей, образующийся в Универсуме в форме локальной целостности, т. е. некая концентрация разнообразия, обладает определенным порогом своего проявления, который и дает основания человеку заметить и выделить ее как некий объект.

Но как этот сгусток Универсума начинает сам себя ощущать? Где же, на каком уровне «начинаются» в Мире эти процессы? Интуиция, скорее, даже некое архетипическое ощущение, подсказывает: самоотражение «начинается» очень глубоко в «толще» Мира, может быть, «у самого ее начала». Любая целостность имеет такой сильный, выраженный характер, что существование замечается как самой целостностью, так и другими. Происходит условное и относительное отделение «полевых» эффектов вне целостности от тех, что находятся внутри нее. Эти внутренние, усиленные «замкнутым пространством» эффекты ее поля и составляют существо происходящего в целостности на всех уровнях. Мир устроен так, говорим мы, что «отделенный мир» целостности сам себя «держит» и сам себя ощущает посредством неких вихрей-эффектов в себе.

Направленность разворачивания материи, осуществление ее глубинных потенций по неким направлениям-каналам заключается в том,

что данное разворачивание не может не привести к порождению условных феноменов и формированию чувства самосознания. Целостность, с нашей точки зрения, может развиваться не иначе, как порождая такие качества, которые составляют предощущение ее самой, ее «я».

Именно в данном пункте рассуждений возникает и психофизиологическая проблема. Без разработки понятия «я», т. е. самоощущения, самоотражения, самоосознания, мы никогда не сможем дать достойный ответ на вопрос, где же проходит граница между мертвым и живым, живым и разумным, где и в чем тело и душа разделены, а в чем их разделить нельзя. Так что естественно выдвинуть «я» в центр как системообразующий фактор исследования.

Мы пытаемся сконструировать некое представление об этом таинственном явлении самоотражения, которое до сих пор ускользало от научного постижения. Именно неясность его глубины позволяет говорить о нем с самых разных точек зрения, порождает многообразие подходов и раскрываемых сторон и уровней.

Чувство себя не может быть связано только с собственными действиями, понимаемыми как нечто наблюдаемое нами на уровне обычного исследования. Нужно говорить о некоей общей способности живого выделяться по причине того, что его общее «шевеление» — бытие — должно быть «совмещено с фактом бытия» целостности. В индивидуальном развитии человека психическое отделение себя происходит действительно постепенно, но способности к глубине и полноте такого отделения и самоощущения заложены в эволюции. Тело у человека более «густонаполненное» для возникновения чувства самоощущения, чем тело, скажем, насекомого.

Правда, в позиционировании самоощущения как «результата совмещения факта собственного бытия со всем множеством проявлений этого бытия» возникает методологическая трудность. Что с чем совмещается «вначале», чтобы возникло это самое первичное предчувство «я»? Получается, что факт бытия целого совмещается с самим собой. А уже затем возникшее чувство «уточняется» разными проявлениями этого бытия.

Обращаясь к связи чувства «я» с разумом, можно задать некоторые вопросы. Каково их соотношение? Как чувство «я» относится к разуму? Какова исходная точка его зарождения? И что еще в человеке мы выделяем, ВЕОДИМ В систему как основание разума? Что, скажем, может испытывать эмоцию, если нет чувства «я»? Стоит так задать вопрос, как сразу становится ясно, что чувство «я» первично по отно-

шению к эмоциям, оценкам. Эмоции всегда привязаны к какому-либо «я», относящему их к себе, внутри того или иного «я» они только и могут получить и смысл, и дальнейшее приложение. Уже у низших форм живого имеются, очевидно, некоторые предформы чувства <<я». Инстинкт, несомненно, требует его наличия, в противном случае он предстает как некое мистическое качество, самоотносительное и самодостаточное.

Таким образом, человеческое «я» мыслится нами в виде некоего многослойного комплекса, который в основе своей содержит нечто такое, что есть у любого живого существа, но который потом дифференцируется, изменяется, наращивается, перестраивается, в общем, растет, как растение, как живой организм.

Ведь даже у растения, которое представляет собой сложное живое образование, в котором «наведены» поля потенциалов, потоки гормонов, имеется некое подобие нервной системы. Весьма возможно допустить и существование в нем некоего чувства жизненного единения. Иначе трудно понять, почему растение реагирует на изменения среды, приобретая некую форму — от зародыша до зрелого растения.

То же — у бактерии, у насекомого, у пресмыкающегося. Приходится вспомнить не раз высказываемые представления об укорененности способности к предпсихическому самоотражению в самом основании материи. Взаимодействие молекул в живом организме (*in vitro*) происходит с добавлением качественных особенностей по сравнению с взаимодействием в «пробирке». Мы должны сделать вывод, что итальная сила (достаточно разумная!) «наводится» целостностью в ее составляющих и является тем «живым компонентом», от которого неотделимо предпсихическое чувство самоощущения, чувство принадлежности к своей непосредственной целостности, да, возможно, и к целостностям высшего порядка — «своего» органа, тела, семьи, популяции, рода. Разумеется, «ближайшая» целостность — наша собственная! — чувствуется наиболее четко и наиболее остро, что и дает ощущение своего «я». По некоторой, пока нераскрытой, причине такового устройства Универсума не только в смысле саморазворачивания, но и в смысле особенностей самоощущения. Человек чувствует именно «себя самого», и это непосредственное и несомненное чувство ограничено именно той областью, которую ему «предоставил» для существования Универсум.

Всякая целостность (и чем раньше в эволюции — тем в большей степени) ограничена, т. е., говоря словами концепции, условна. Развитие — это еще и увеличение способности к адекватному, всесторон-

нему отражению мира, не выходящее, однако, за пределы принципиальной ограниченности, пусть все более и более расширяющейся как в индивидуальном развитии, так и в эволюции. Таким образом, целостность вначале весьма «нелогична», она не имеет возможности быть иной. Условные средства работают параллельно с «рацио» и, переплетаясь с ним, развиваются в эволюции. Развиваются как переплетенно влияя друг на друга, так и по отдельности. Своей смутной, хаотической «натурой» целостность отражает мир ограниченно, искаженно, как мы говорим — субъективно.

Инерционность ограниченной целостности, «подминание» ею «под себя» всего, что соприкасается с ней, навязывание «своего» в любой точке ее внутреннего пространства и времени — вот основа ее субъективности. Всякая данная целостность с «этим вот» ограниченным смыслом своего существования просто не может соответствовать всеобщей и абсолютной «логике» мира вокруг.

Целостность существует, со-храняясь, вос-производясь, — другой «правды» у нее не может быть. Но эта «правда» в состоянии дать только то, что и можно назвать субъективностью. Иного целостности сначала просто не дано. Это положение может быть отнесено и к примитивному организму, и к ребенку, и, что весьма интересно, к научной теории на начальном, интуитивном этапе ее развития.

3.5. ЦЕЛОСТНОСТЬ И ОЦЕНКА

Материал данного параграфа соотносится (в форме взаимодополнений) с материалом параграфов 2.3, 2.4, 2.6. Поскольку речь идет о фундаментальных проблемах отражения, самоотражения, оценках в живом, то нелишне еще раз подчеркнуть, что сама связка предполагает составляющие целостности, их «движение» друг к другу как некоторые формы их отношений на уровне самих фактов существования. Конечно, эти составляющие дают нам возможность выделить некие материальные (объективные) связи. Скажем, молекулы, их взаимодействие в рамках концепции будут явлениями «сферы» материального, физического, теми явлениями, которые можно инструментально, экспериментально выделить и описать на языке элементарно-структурного метода. Связка же соответственно полагается как некое явление, относящееся к условной сфере, возникающее «с точки зрения факта существования целого». Можно, разумеется, предполагать, что связка — из

той же области материального, но пока не ясно, как можно наблюдать ее в целостности в полном объеме проявлений.

Связка — понятие, подразумевающее новое качество строящейся системы, оно отражается только неким интеллигентным чувством исследователя. Связка как качество экспериментально пока не выявляется, а как бы парит в воздухе абстрактной интуиции. Явления условного не есть нечто, хорошо выделяемое и определяемое в эксперименте. Здесь описание феномена поневоле становится образным, метафоры заменяют формализованные рассуждения и символы.

И когда мы говорим о порождении новых качеств, то имеем в виду не то философское порождение нового, о котором идет речь уже много столетий. Традиционно философское понимание следует отделить от данной трактовки условного. Например, в биохимии новое качество — новое свойство молекулы, новое взаимодействие. Новое же условное качество — это некое ощущаемое исследователем существо специфических черт жизни, интуитивное и смутное, далеко не во всей полноте выражаемое на языке элементов и связей.

Центральными для понимания связки являются сами понятия поддержки и отвержения. Но какое содержание можно в них видеть? Как два явления в целостности поддерживают друг друга с точки зрения «факта ее существования»? Это не поддержка в обычном смысле некоторого непосредственного взаимодействия, а поддержка частями целостности друг друга именно как частей целостности. Это может означать, что они по своей сущности потенциально заложенными в них Универсумом качествами будут соответствовать существованию целостности. Они «не: имеют склонности» вывести целостность из области ее существования. В них заложена, заключена потенциальная тенденция, которая самой собой утверждает «факт бытия целого».

По всей вероятности, любое ощущение и самоощущение есть проявление факта бытия. Цвет, запах, мелодия — они мало того, что вызывают чувства, так еще и служат самопроявлению, самореализации, дают возможность отражать мир, причем именно с точки зрения данной целостности как выделенного и существующего образования материи.

Все, что происходит на фактическом уровне, в целостности порождает, можно сказать, музыку связок. Любое взаимодействие частей «звучит» связкой. Симфонией связок переливается вся целостность. Иными словами, связка относится к целому, но не к группам элементов. Она отражает некое «интегративное качество», «общее в бытии» составляющих целостности. Можно сказать, что связка — это абст-

ракция, отражающая явления иного характера. Это — иная реальность, и не ясно, будет ли она ограничена физическим телом, которое при таком подходе может оказаться гораздо меньшим, чем собственно целостность.

Таким образом, поддержка и отвержение — это феномены, которые угадываются интуицией, фиксируются исследователем для создания момента устойчивости и отражаются термином «связка». И эти феномены «обрабатываются», совмещаются целостностью, в результате чего порождаются уже новые феномены. Это характеристика потенциальной глубины Универсума, предельное выражение онтологии бытия. Подобным образом метафора «осознание целостностью себя» означает, что материя в виде организованной целостности как бы высказывается о себе самой на образном, оценочном, условном «языке». Это не означает, что она отражает нечто «происходящее на самом деле». Целостность выражает в некоем «восклицании», как материя «проходит через нее» (или сама целостность через материю?) — «легко» или, наоборот, с «затруднением» для существования данной целостности.

Всякая составляющая целостности с точки зрения вхождения именно в эту целостность, именно в этой точке пространства и времени содержит в себе, в потенции, «знание» о том, что будет с ней в целостности и что будет с целостностью от ее присутствия в ней при нормальном, таком, «как всегда было», течении событий. В самой целостности и в самой составляющей, в самом их «взаимоустройстве» распределено «знание» о том, что их «ожидают» именно такие последствия их «встречи». Это, в частности, и «генетическая» организация составляющей, и содержание «инерции» целостности, ее обычной реакции, установившегося «расклада» ее процессов, а также скрытых в ее «устройстве» возможностей.

Следует учитывать, что составляющая получила свое строение и «опыт» «от» некоей «своей» целостности, которая сложилась так, что «рассчитывает» на присутствие именно такой составляющей в «данное время и в данном месте». Следствием всего этого является то, что целостность — это живая, воплощенная память обо всем, что касается ее становления и ее постоянного воссоздания. Эта память неотделима от целостности, распределена в ней и проявляется во всем ее самоосуществлении. Память эта через очередное самоповторение направлена в будущее, в котором все уже как бы предугадывается, и целостность готова к встрече сама с собой и на «этот раз».

Поэтому при «встрече» целостности с поддерживающими составляющими можно представить себе ее «радость» из «памяти о будущем», которая подсказывает целостности, что состоялась «хорошая» встреча. Так же можно представить и «огорчение» целостности от встречи с «плохим» элементом, «недругом». Можно сказать, что с «хорошим» элементом целостность вступает в «резонанс» созвучия, она находится в приятном, согласованном сама с собой состоянии. С отвергающим же элементом целостность вступает в «диссонанс» и оказывается в «неприятном» состоянии.

Эти состояния возникают в целостности гораздо раньше, чем разворачиваются реальные последствия ее «встреч» с составляющими. Можно метафорически выразиться, что такие состояния являются своеобразными проекциями каких-то будущих событий в данный момент. Трудно сказать, каковы могут быть механизмы такого проектирования — то ли это проявление некоторых неоднородностей в распространении взаимодействий по разным «каналам» целостности (подобно тому, как нервная система реагирует в организме гораздо быстрее и направленнее, чем межклеточное взаимодействие), то ли это именно особое состояние некоего «поля», его «резонансы», то ли еще что-то пока столь же экзотическое, сколь и неопределенное.

Теперь еще раз обратимся к двойственности существования, вернее, к соотношению связки и двойственности. Как целостность соотносится с процессами, которые проходят в ней на более глубоких уровнях, там, где по утверждению развиваемой концепции и парит двойственность фактов существования? В той области реальности (или нашего восприятия реальности), которую можно назвать, по аналогии с физикой, «микроразмером». Снова спросим: что такое «составляющая»? Это — термин, которым мы обозначаем нечто, о чем весьма смутно догадываемся. Составляющая может взаимодействовать с другими составляющими в некоем переплетенном хаосе. Составляющая — это нечто пронизывающее весь Универсум по всей его глубине, но имеющее существование в данной локальной целостности. И всякая данная, «локальная» целостность совмещает эту составляющую с точки зрения своего существования.

Что такое «совмещает»? Способность совмещать — универсальное свойство целостности. Составляющие целого всей своей «слипшейся кучей» подвергают себя давлению — совмещению. Этот процесс слипания составляющих характеризуется локальным, в пределах целостности, влиянием их друг на друга, которому мы и приписываем феномен «образование связок». Составляющие, соединившись, начи-

нают иметь с точки зрения своей «скупченности» какой-то смысл по отношению друг к другу. Только для этой группы. Только для ее существования. Для них самих, слипшихся. Этот феномен и есть внутренняя сущность самоотражения материи, способность всякой целостности «самоосознавать происходящее в ней».

«Перешагнуть» через двойственность существования своих составляющих целостность может только посредством оценки. В этом явлении лежит один из истоков психофизической проблемы. Психика в данной точке концепции «неотделимо выделяет» себя из «физики». Хотя, естественно, они переплетены — объективная и условная сферы едины. Что-то аналогичное волне-частице. В один и тот же момент связка как бы выделена из целостности и вместе с тем составляет ее саму. Вспомним бессмертные фрагменты сочинения Гераклита, их язык (*Кесциди, 1985*).

Следует учесть, что при обсуждении подобных вопросов постоянно возникает логически недопустимый эффект двуликого Януса: «и то и то». Трудно выбраться из своеобразного мерцания интуиции. Так при разглядывании плоского рисунка кубика создается иллюзия, что кубик ориентирован то вверх, то вниз. Надо сказать, что в данном месте разговор начинает касаться уже совершенно загадочных для науки феноменов.

Многие исследователи определяют сознание как результат некоего постоянного сравнения того, что циркулирует в мозгу, с тем, что поступает в него извне. Интерпретируя поступающее, мозг все время сравнивает его со своим содержанием, если можно так выразиться, сравнивает себя с собой. Это сравнение и есть поток существования, жизнебытийности.

Но достаточно ли такого предположения? Будет ли сознание у робота, сконструированного согласно данной идее? Едва ли. Но если нужно добавить еще что-то, существующее «в глубине» круговращения сравнения потоков, то что? Возможно, условная сфера — это тот указатель пути, который служит напоминанием о существовании необычной цели, показывает направление к ней.

Итак, мы выводим психическое как итог трактовки двойственности фактов существования с позиции целого, как результат разрешения глубинного «конфликта», пронизывающего Мир. Внутреннее противоречивое состояние материи рождает новое качество.

Здесь следует представить себе Универсум — пульсирующий, непрерывно самоосуществляющийся, самопронизанный всеми своими частями, любая из которых фактически вовлечена во все, потенци-

ально и вне времени имеет «свою долю» в Универсуме. Образно говоря, в Универсуме «все прорастает во все». А локальная выделенная целостность, «клубящаяся» всеми подобными вовлеченностями, начинает испытывать при этом два «настроения», два типа саморазвития, самоусложнения. Эти два типа относятся только к бытийному аспекту «происходящего», к некоторой самодовлеющей связке-отношению существования частей и целого. Она — феномен существовательный, не наблюдаемый, а только интуитивно ощущаемый, в отличие от наблюдаемого «объективного» хода вещей. Эти два типа и представлены как два типа связок (и далее — как два типа оценок).

Многие мыслители отталкивались от сходных идей, постулировали наличие различных идеальных сущностей. Вспомним Мировую Волю у Шопенгауэра, Гиперурацию Идей у Платона (*Реале, Антисе-ри, 1995*). Однако разработка сферы Духа — условной сферы — это нечто оригинальное именно в психологии. Ясно, что проблема Духа этим окончательно не решается, но переводится в область, где, возможно, лежит решение. Основания психологии, ее истоки отодвигаются, таким образом, гораздо глубже, дальше, чем это полагается современной рациональной психологией.

Целостность реагирует на связку, совмещает ее, потому что у нее есть некие глубинные возможности. Целостность, будучи более организованным и сильным феноменом, «съедает» и переваривает более частный феномен — связку. Так, желудок «сильнее» пищи: более организованный, владеющий «инициативой», обладающий правом самоосуществления, стремящийся к самореализации, желудок должен переваривать пищу, «совмещать с позиции собственного существования».

Это вопрос самоорганизации: все, что возникает в данной организованной целостности из тех глубин, на которых она «стоит», целостность подхватывает и усваивает уже на уровне своей организации.

В чем же заключается сам начальный смысл порождающих оценку отношений отвержения и поддержки? Можно сказать так: эти феномены не могут быть отделены от целостности, они есть ее составляющие, но вместе с тем они — ее собственное сверхчувство, «высказывание о самой себе». Получается, что связка — это и часть целого, и само это целое «о себе». Мы, как сказано выше, в наибольшей степени раскрываем характер складывающихся в целостности феноменов условной сферы.

3. 6. САМОДВИЖЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ

Материал данного параграфа соотносится (в форме взаимодополнения и взаимообогащения) с содержанием параграфов 2.5 и 2.9. Совмещение целостности со связкой есть новый уровень организации целостности, по сравнению с тем уровнем, где связки появляются. Факт бытия целостности при наличии в ней уровня абсолютов упрощается. Особый уровень высшей, условной сферы, который порождает оценку, трактует не всякую связку по «отдельности». Он трактует некие глобальные слепки, сгустки связок, которые прорываются в значимость. Скажем, в бессознательном многие вещи оцениваются «в общем», как фон (если бы это было не так, то хаос связок мог породить только хаос оценок). При этом оценка, как правило, определена, даже если она — некий фон сознания. Возможно, что целостность имеет способность интегрировать массу «абсолютиков», преходящих и маленьких, в нечто целое и глобальное — интегрированную оценку, доходящую до сильного и несомненного «переживания». Но в любом случае коловращение слипшейся и кишашей массы-последовательности связок должно прорваться в значимость для целостности. Эта значимость тут же «улавливается» в виде появления абсолюта. Может быть, стоит связать этот механизм и с наличием некоего порогового эффекта. Когда уровень «энергии» совмещения целого и составляющих по граням фактов их существования превосходит некий порог, целостность моментально порождает абсолюта. Бытие отдельных составляющих «звучит» так, что целостность не может не «услышать» его и не «издать» оценку.

Вспомним, при связке отвержения в целостности нарастает некий диссонанс, целостность всей своей переливающейся, мерцающей динамикой окрашивается в «мутные, грязные тона», начинает «звучать негармонично». Связка же поддержки звучит в целостности торжествующе, наполняет ее уверенностью в «правильном пути» по судьбе Универсума. Вполне вероятно, что вся музыка есть только выражение этой динамики проявления связок.

В какой же форме целое «осознает», что отдельные ее составляющие звучат по-разному? Форма осознания связки — абсолюта. Но все это не для внешнего наблюдателя, а для самой целостности, только для нее самой. Психика выступает с этой точки зрения чем-то вроде самораскраски целостности и, тем самым, в конечном итоге, является самовлиянием Универсума на всех его уровнях (ЕЮ всех целостностях, существующих в нем).

Вначале в целостности ничего не отделено, совсем как при акте божественного творения, нет «отдельно» ни возможностей, ни двойственности элементов — все переплетено. Затем все это начинает расходиться, разделяться, и проявляется связка — звучание целого. Единственная же в этот момент возможность целого — само ее существование — не может «решить» наличие этой «мелодии» ничем, кроме самого себя. Это некая принципиальная невозможность для целостности справиться с тем, что возникло в ней.

Двойственность присуща целому имманентно, и ее реализация в существовании-выделенности целостности происходит как факт через связку. Целостности приходится дать двойственности целостное «отражение». И нет у целого другого пути для овладения своими глубинами, для решения «противоречия» между существованием и двойственной природой материи.

Универсум сам себя «разворачивает» под звуки оценочных «мелодий», которые и направляют ход всего, что есть, что осуществляется. Мир «записан» в сущностных потенциальностях. Это — его основа, «то, что вообще может быть». Книга онтологии, а ход вещей определяется течением вовлеченностей «под управлением связок» («мелодий» самочувствования Универсума) через «естьность» локальных целостностей-островов в океане Универсума! Целостность может только «музыкой» откликнуться на двойственность, разорванность своих элементов, как-то извиваясь, «дергаясь» под действием своей «музыки», измениться и, может быть, остаться существовать.

В целостности возникают и сохраняют свое существование гармоничные и диссонирующие эффекты. Гармоничные эффекты производятся частями, которые легко, хорошо, часто перескакивают друг на друга, диссонирующие же эффекты производятся частями, которые взаимодействуют вяло, плохо, редко. И в целостности же — связка, такой же заполняющий и пронизывающий феномен, как и двойственность, но на ином уровне, чем части. И вот целостность — сформированный и устойчивый, обладающий инерцией бытия сложный вихрь-стусток — использует все эти феномены для самоорганизации. Мироздание устроено так, что в целостности возникают, как «начальные этапы» самоорганизации, особые условные феномены-отзвуки, природа которых такова (и не может быть иной), что они побуждают и направляют «дальнейшую» самоорганизацию.

Процессы совмещения в такой трактовке вообще представляют из себя некое самоосуществление целостности. Любая целостность самоизвлекается из мира. Процессы совмещения пронизывают все ее суще-

ствование от начала до конца, и порождение любого условного качества является в известной степени содержанием процессов совмещения. Нет отдельных этапов процесса совмещения, которые потом приводят к конечному результату — наполненной эффектами совмещения «живой системе». «Процессы совмещения» и есть само бытие целостности. Факт бытия есть моментальный срез, высвечивание совмещения, «целостноизации», реализации целостности.

Смысл абсолюта (как всякий смысл, он есть нечто «пережитое» и составляющее существо целостности) пока не может быть точно описан, он может быть только почувствован и замечен через свои действия: поддержку одних составляющих, сцепленных высказыванием-связкой, и отвержением других. Абсолют стимулирует со знаком плюс или минус то, что связка отражает собой. Он усиливает одни «потоки» бытия целостности или, наоборот, снижает разворачивание тенденции к ее самоосуществлению, самореализации. Происходит самоизменение целостности, которая бросается в огонь борьбы, чтобы преодолеть двойственность, а точнее, некоторое напряжение своего бытия. Однако изживание странных и перманентных напряжений целостности не может быть описано без применения именно условных, субъективных средств. На том уровне, на котором мы рассматриваем целостность, — на микроуровне — не ум отказывается решить «абсурдность ситуации» и уступает место оценке, но самого ума еще нет, есть только оценка, которая только и может здесь быть. Уму тут вообще делать нечего. Уровень, где он проявляется, — это уже макроуровень.

Вопрос здесь встает именно о соотношении и сравнении макро- и микроуровней. Если мы будем выходить на макроуровень, то потребуются разговор о том, что начинает происходить при «прорастании» микроэффектов выше. Как складывается эта «вертикальная организация» в любом направлении разворачивания разнообразия? Каким образом целостность может быть понята как целостность, во всем богатстве своих обычных, «наших» реакций? Как на такой «базе» микроэффектов (если ее установить!) мы можем «обратно» с микроуровня возвести целостность как макрообъект?

Итак, целостность может совместить с собой лежащую «под» собой двойственность только через чувство «я», абсолют и прочие условные качества. Но идет это самоосуществление под управлением чувства «я». «Я» — это психический представитель целостности, центральный психодант в системе условного, интегрирующий центр. Ассоциируясь, присоединяясь к «я», все условные качества наращивают условную сферу. И даже более того — всю психику, разум. Получаем

некое «место сборки», достраивания условной сферы (аналогично тому, как в клетке происходит сборка белков на РНК). Но оно будет развиваться от неоформленного чувства к развитому комплексу самоощущения, самосознания. По мере возникновения психодантов оно будет впитывать их, наращивая уровни сознания, а значит, и разума.

Пока еще понимания того, как образуется «я», недостаточно. На макроуровне некоторые события, воздействия, подчиняясь целостности, могут становиться «ее собственностью», тем, что ей принадлежит. А некоторые воздействия, на которые наталкивается целостность, она бессильна сделать внутренне «приемлемыми» — это то, что «не ее». Первым она может управлять, формируя таким путем свой образ, а второе ей недоступно, сбивает ее, не зависит от ее внутренних психических чувств-движений, с ними не связано. Можно допустить, что и на микроуровне есть такие «направления», где целостности подвластно в мире большее, и это «хорошее» может стать «ее собственностью». «Плохое» же в целостности может оказаться только опосредованно, потом. Ведь преодоление «плохого» хорошо по самому отрицанию плохого, понимаемого как ограничение распространения своего «я» на мир во внутренней, условной и интеллектуальной формах. Человек диктует себя миру через отрицание «не своего», не замечая подчас, что и мир диктует ему кое-что при этом. Целостность «вводит в факт своего бытия» то, что ей доступно. Возможно, длящийся факт ее бытия, самоосуществление целостности из мира — это переплетенное в единое целое присваивание и осознание доступного, но скрытого в глубинах мира.

Именно в области деятельности «я» начинается самодостраивание (*Курдюмов, Князева, 1996*). Чувство «я», едва возникнув, начинает служить дополнительным источником развития, вытаскивания своих возможностей, возможностей материи, на которой она построена, вывешается, на которой «плывет». «Я» является способом, формой самовыявления, саморазворачивания материи, выделившейся в некоторый ее материальный «сгусток» — целостность.

В философском смысле отношение самостроения целостности и чувства ее «я» очень интересно. Саморазворачивание, самосохранение — это фактически то, что происходит в сцепленной некими глубинными силами, наполненной энергией активности целостности, когда ее «я» вытаскивает все возможности из самых основ материи.

Целостность, исходящая из хаоса, всеми корнями организуясь на двойственности, мерцающая легко или затрудненно по «канальцам бытия», «делается» и будет «делаться», возникать и разворачиваться в вытас-

кивании «из материи» ее глубинных возможностей. Мир прорастает сам в себя через себя, но самоорганизация при этом направлена и не может «обратиться» к «самодезорганизации» — все в мире разворачивается, самореализуется, извлекает себя из глубин Универсума. Целостность «выкачивает» из материи все то, что там заложено, только «в одну сторону», представляя собой чуть ли не максвелловского демона самоорганизации, воочию данного нам.

Точнее сказать, целостность не может самоорганизовываться в направлении к «онтологическому вырождению». Иначе мира вообще бы не было, такого, который мы видим. Хотя можно предположить, что виток реализации двойственности может привести и к нисходящему, сворачивающемуся, «тускнеющему» миру.

Самоорганизация целостности на макроуровне может, разумеется, привести к ее трансформации и даже разрушению, уничтожению, гибели. Новые части могут не подчиниться совмещающему диктату целого. Всякое событие имеет много смыслов на разных уровнях развития, всякое свойство принимает различные значения в зависимости от условий, в которых оказывается целостность. Но пока целостность есть, существует, она не может быть «пессимистом», самонереализатором. Даже если «движения» целостности направят ее устойчивый «волчок» к падению, то и падать она будет реализуясь и самоосуществляясь. И погибать станет как неисправимый самовывявитель.

Следует напомнить, что явления, которые мы пытаемся описать, имеют и «материальные предпосылки», и материальный носитель. Если известно, что инсульт (острое нарушение мозгового кровообращения) приводит к нарушению и разрушению этих явлений, значит, они неким таинственным образом проявляются, разыгрываются в мозгу, в нервной системе. Именно нервно-мозговые структуры продуцируют все эти психоданты. Фило- и онторазвитие центральной нервной системы идет «параллельно» с их развитием, в плане усложнения, утончения. Особая задача исследователя — понять, как эволюция соотносится со схемой разветвления, порождения этих явлений. Разгадка механизма этого соотношения дала бы наилучшую возможность веофицировать любую модель живого.

3. 7. САМОПОЗНАНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ

Материал данного параграфа соотносится (в форме взаимодополнения и взаимообогащения) с материалом параграфа 2.12. Следует сказать о важном обстоятельстве, связанном с пока не проведенным

дифференцированием смыслов, включенных в понятие «преобразование». Разумеется, отщепление, как и преобразования, о которых идет речь выше, принадлежат микроуровню, т. е. «имеют место» в глубинных уровнях организации Универсума. Необходимо отделить это преобразование на микроуровне от преобразований в мышлении на макроуровне, подразумевающих непосредственно наблюдаемые нами преобразования представлений, понятий, исследовательскую деятельность, производство новых материалов, инструментов и др.

Что же будет преобразованием на макроуровне? Фактически целостность самой своей массой существования, инерцией совмещения способна обеспечивать положение, когда отдельные ее части приобретают над другими частями преобладающий характер — они преобразовывают их. Неотъемлемым атрибутом целостности является возможность одних ее частей влиять на другие, т. е. не энтропическое расползание по всем «направлениям», а самоизменение, самореализация в определенных формах, в единстве всех качеств условной сферы. Существо активности целого и состоит в том, что оно может использовать изменение одних своих частей другими. Одни его биения определяют другие биения. Отсюда, возможно, в восприятие исследователя на макроуровне «прорастает» причинность.

Опираясь на память и способность к преобразованиям, «отщепленные» от непосредственного потока событий, «органы и процессы» получают способность изменять то, что в них происходит «непосредственно», «управлять» собой, быть самоактивными по варьированию как отраженных в памяти, так и в данный момент отражаемых «сигналов». Вообще-то память от данности отделить чрезвычайно сложно. Некоторые сигналы только едва касаются памяти, другие — западают в память основательно, сохраняются там долго и соответственно преобразуются там «массивнее». Мы должны параллельно с описанием условного слоя дать также развитие и дифференцирование «объективного слоя» целостности. Наш внутренний взгляд должен быть направлен на те феномены, которые мы зовем телесными, физиологическими. Это необходимое взаиморазглядывание. Телесное «комментирует» духовное, и наоборот.

Далее мы установили, что преобразование направлено на «уравнение отличий». Между тем известно, что энтропия, которая устраняет неоднородности, сглаживает их, антижизненна, а основным признаком неэнтропии в живом служит активность, направленная на создание как раз неравномерностей, т. е. разнообразия, различий.

Однако между чем в данном случае «устраняется» различие? Между *качествами условного слоя*. Как различия могут «совмещаться»? На макроуровне целостность действует, влияет на себя, изменяет что-то вокруг. В результате этого меняются условия и цель становится ближе. Или дальше. Но на микроуровне снимается проблема рассогласования, двойственного противоречия бытия, снимается тем, что различия совмещаются, — они «трактуются» с точки зрения нахождения в целом. Это значит, что наличие двойственности фактов существования составляющих, наполняющей собой целостность, «преобразуется» целостностью в связку, которая и совмещает различия бытия составляющих. И различие, которое является проблемой существования целостности, уходит. Целостность уравнивает противоречия — то, что мешает ей жить, и то, что может помочь ей жить.

Разнообразие материи в живом антиэнтропийно и порождает двойственность существования составляющих, которая в отражении встает как вечная проблема грядущей нестыкованности, т. е. неудовольствия, и грядущей стыкованности, т. е. удовольствия целостности. В условной сфере целостность решает обратную задачу: она «сглаживает» те различия составляющих, которые родились в ней «параллельно» ее существованию, и плодит при этом еще большее их разнообразие объективно. Развитие и негэнтропия есть оборотная сторона «энтропии» в условной сфере, ее «проблематики бытия». В целостность все время прорываются и отражаются по грани существования некие столкновения противоречивого и двойственного бытия. Условная сфера целостности эти проблемы бытия не решает сразу, так как не имеет к этому средств в себе. Только благодаря условным значениям, возникающим буквально «с точки зрения существования», целостность меняет себя мучительными конвульсиями тела под воздействием страданий духа. Меняет, плавя, преобразовывая себя, и затем в расплавленной, преобразованной себе находит, жадно хватая средства и «опыт» для своего ответа бытию.

В рамках условной сферы происходит нечто вроде инверсии: тенденция сравнивания, разглаживания связей фактов существования в противовес тенденции порождения неравномерностей в «объективной» сфере. Разнообразие мира индуцирует, порождает «проблемы» в целостности, а отражающая их собой условная сфера целостности эти «проблемы» должна как-то сгладить, хотя целостность может вначале просто не иметь реально для этого ни средств, ни опыта. Таким образом, условные значения должны быть разглажены, и это, возможно, произойдет в результате того, что целостность «найдет» нечто подхо-

дящее для облегчения своего бытия. Мир подкидывает целостности проблемы существования фактов бытия, наличие которых так или иначе разрывает бытие целостности, ее самоощущение, ее «я». Целостность борется против мира в ней, и каждое расхождение с миром, каждую «точку» двойственности стягивает связкой и пытается вытолкнуть из себя или совместить с собой, т. е. сгладить различие — разрыв своего бытия — через появление абсолюта. Целостность сохраняет себя в бытии, упрочивает своими «домашними» средствами. Враждебный и равнодушный мир окрашивается «личным», внутренним и тем дает возможность «победить» его. В самой себе целостность увеличивает разнообразие мира, в своей условной сфере она стремится уменьшить «разницу» условных качеств, убрать их, разгладить. Наличие связки фактов существования свидетельствует о том, что есть проблема единства существования и ее нужно совместить, что рождает абсолют на более «высоком» уровне условной сферы.

Может быть, стоит предложить иное название для «функции преобразования различий» в условной сфере. Скажем, «связочное эквивалирование». Это и позволит провести необходимое дифференцирование преобразований на микроуровне и преобразований на макроуровне, о чем говорилось выше.

Важно отметить, что самосохранение в традиционном смысле происходит на макроуровне. Причем из-за невозможности целостности видеть все непротиворечиво. Только «субъективно» она стремилась сохранить себя, реально же ее действия часто ведут к самоуничтожению. У целостности есть стремление уйти от опасности, с ним связаны все эмоции избегания и уклонения, порой просто нестремления (например, плохое настроение). Есть «чувство опасности». Но часто одно и то же действие ведет и к самовыражению, самореализации и к самоуничтожению (например, азарт риска или жертвование собой ради кого-то, ради самоутверждения).

На микроуровне же целостность вовсе не «сохраняет» себя. Е.ся механика целостности есть некое инерционно (целостность-волчок) направляемое и сохраняемое разворачивание самораскрытия, самореализации, самоизвлечения из материи, продолжение бытия в смысле раскрытия скрытого. Само совмещение составляющих и есть форма такого «наката» на все, что «есть» в целостности. Она подминает, хватает, использует. Она организована, она есть, она действует, как уже развернутая армия, в отличие от еще не готовой к бою, не построенной и поэтому терпящей поражение.

Инерционность самосохранения целостности проявляется, может быть, и в отделении «абстрактной» способности сохранения отраженного — образов. Как феномен именно такой самореализации, самоосуществления целостность порождает память. Когда мы говорим, что «целое осуществляет тенденцию самополагания», то тем самым подразумеваем и наличие памяти. Но почему в ней должно что-то застревать, длиться, сохраняться? Есть в целостности что-то «сейчас» и что-то «в будущем», наличествует устремленность в будущее. Поэтому память как «послечувство» может быть неким симметричным «образованием» к связке фактов существования как «предчувству». Память может быть таким же условным средством решения «конфликта наличия целого и двойственности», как и абсолют. Она «примириет» направленность целостности вперед и настоящее, уходящее. Двойственность не может быть реально решена, абсолют — это квазирешение. Условное решение, условная «молитва» целостности. «Схлопывание» двойственности связкой не происходит как факт. Может быть, нерешаемый факт бытия сохраняется и длится в целостности как ее двойственность. Иными словами, память и есть сама двойственность целостности. Таким образом, чувство (оценка) и память становятся «двумя сторонами монеты», вызывая вновь ощущение чего-то двоящегося, как возникает эффект Януса.

Под отщеплением способности к преобразованию понимается, таким образом, возникающая в целостности способность прилагаться не к внешним впечатлениям, но к тому, что уже обладает фактом бытия целостности. Преобразование связывает не непосредственные впечатления, но то, что возникает, всплывая в памяти. Отнесенная к образам-памяти внутри целого преобразовательная способность есть уже мышление.

Внешнее попадает в целостность опосредованно — через «я», если можно так выразиться. Внутренний мир и мир внешний, образ среды и образ себя переплетены, взаимоопосредованы. По Беркли, последнее, с чем человек может иметь дело «перед» внешним миром, — это ощущения. Мы, в свою очередь, можем утверждать, что любое явление становится фактом бытия только в целостности, в которой оно проявляется. Но тогда вопрос о существовании любого внешнего для нас воздействия просто не может быть поставлен, мы можем только догадываться, что вне нас что-то есть. То, что мы мыслим как объективность, реальность, — просто наш произвол, плод нашей интуиции, наших метаний под ударами «поправляющего» нас Универсума. Что находится вне нас, мы не знаем и знать не можем, но как факт

бытия, совмещаемый с нашей собственной целостностью, можем для себя оценить.

3. 8. ПОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ

Возможно, размышляющий читатель уже почувствовал, что исследования нового лика науки требуют сознательного отказа от своего мироощущения, от прошлого опыта постижения. Драматическая в его противостоянии хаосу мира, его единству с ним, история образования нервной ткани мозга, способы его организации (игра с образами, ю-обще все процессы нейродинамики, Стечения» мыслей) и не менее драматическая история его развития у высших существ породили у человека мышление, рассудок как способ вполне отчетливо и воспроизводимо организацией образов и жестких правил работы с ними. В этой области исследований явления не выстраиваются в некоторую последовательность, не обладают четкой и несомненной разделенностью существования, какой обладают макроэлементы на макроуровне. В общем, здесь мало привычно научного. Ведь мы пытаемся описать нечто, подобное состоянию мира в момент его «сотворения», нечто, в чем нет причинности, нет того, что на макроуровне последовательный ум выстраивает в цепочки, улавливает как повторяющееся. Возможно, здесь нет еще времени. Полезно в данном месте вспомнить, как в Библии («Бытие») описывается сотворение мира. Там *время творения* — это совсем не то, что человеческое время. Бог не жил и не живет во времени, ибо он сам сотворил время, так же, как и пространство.

Но где же все подобное разворачивается, как и где микроуровень переходит в явления макроуровня? Объективная наука, наблюдая макрообъекты, в глубь их проникает пока только в некоторых естественнoнаучных областях исследований, например в квантовой механике. Что-то подобное принципам квантовой механики требуется установить и в области исследования того, как из Универсума возникает жизнь, сознание, психика. На макроуровне мы видим, что некоторые вещи действительно могут изменяться, развиваться, входить в экстремальное состояние, порождать новые качества, даже разрушаться (вспомним стресс). Относительно же явлений микроуровня разговор идет о том, как устроена сама материя, как ее глубины пронизывает живое (неотъемлемое качество организации материи).

Конечная цель исследований микроуровня — это возможность, оттолкнувшись от него, снова выйти на макроуровень. Разумеется,

лишь в том случае, если, услышав «пение сирен» микроуровня, мы останемся целы как ученые. Пока, услышав это «пение», исследователи произносят противоречащие друг другу, неясные слова, за которыми каким-то странным образом, возможно, скрывается истина, прорыв в неведомое. Ценность таких рассуждений состоит уже в том, что они появились. Они могут быть интуитивно продуктивны. Их контекст организуется по правополушарному способу — интуиция порождает слова, которые со всеми особенностями такого способа выражают «кишение» Универсума. Здесь мы видим внутреннее, как бы выразил-ся Кант, *априорное* чувство; не чистое мышление, а чистое (архетипическое) чувство организации мира. Откуда оно — не ясно. Истинно ли оно — не ясно. Будем считать, что дело обстоит именно так. Божественная душа познает себя, раскрывая в актах озарения, пророчества. Действует механизм самовыявления духа. Имеются исследователи «левополушарные» и исследователи «правополушарные», но сама природа объединяет их, двойственно раскрываясь нам в целостном восприятии.

Здесь происходит разрушение сложившегося стереотипа восприятия научности. Исследователю, как персонажу известной гравюры, высунувшему голову «за край» видимого, следует говорить: я чувствую, что происходит именно так. Его собеседник может с этим соглашаться: и я чувствую именно так, моя интуиция намекает на то же.

Требуется изменение модальности утверждений: весомая облигаторность, присущая науке, уступает место колеблемому сомнением, можно сказать, боговдохновенному слову. Это и есть содержание откровения. Такие вещи разве можно *доказать*? Их можно только постулировать интуитивно. Доказательства остаются на макроуровне. «То, что это так, я чувствую. Я не доказываю необходимость, а чувствую, что именно так и есть». И требуется создать новый, на данном этапе чуть ли не поэтический, иррациональный язык, которым только и можно попытаться передать ощущение о глубоком, представлении о всеобщем. Пока это единственный данный нам путь. А возможно, и нет никакого иного пути! Мы не имеем возможности «отойти в сторону» и заглянуть оттуда. Нет другой стороны, откуда мы могли бы посмотреть на эту. И сравнить. И доказать что-либо. Поэтому, возможно, существует только путь постижения, вчувствования в глубины себя и, тем самым, в устройство мира вообще, путь пробуждения неосознаваемого. Не случайно попытки формального построения строгих систем на микроуровне приводят лишь к затруднению понимания.

Вообще рационалистический стиль направлен на создание инструментов, а не на самопознание. Сделано — значит понято, освоено. Однако, возможно, в мире существует и нечто такое, *что может быть познано, но никогда не может быть сделано*. Исследователь улавливает «из глубины» и странным образом выражает, «манифестирует», облекает в форму небылицы, сказки то, что хотя и сомнительно само по себе, но «намсжает» (по слову Гераклита) на искомое.

Обычные речи рационалиста звучат словно клятва: «Я, воспитанный на принципах наблюдаемости, воспроизводимости, не могу допустить их нарушения». А может быть, только уход от таковых принципов дает возможность узнать хоть что-то об этой области. Может быть, единственную возможность.

Текст «правых» концепций, естественно, раздражает вначале, ибо разрушает обычный рационалистический стиль работы. Понимание ускользает, знакомые слова ничего не значат; царят противоречия и нонсенс. Но за всем этим проглядывает какая-то «правда», порой весьма интригующая, завлекающая правда. Ведь главное не то, что написано, а то, что угадывается, проглядывает в каждой клеточке текста. В этом стоит разобраться, чтобы понять, сколь многое скрывается за словами «что и не снилось твоей науке, Горацио».

Вспомним, сколь многие мыслители, весьма различающиеся по своим убеждениям, чувствовали необходимость обращения к чему-то подобному. Обратимся для определенности к взглядам Платона. Сначала приведем следующую характерную цитату из книги Дж. Реале и Д. Антисери: «Для Платона миф есть нечто большее, чем фантазия, миф — выражение веры и доверия... миф ищет разъяснения в логосе, а логос хочет найти завершение в мифе... Платон верит в силу мифа; когда разум достигает своих пределов и крайних возможностей, он интуитивно превозмогает эти границы, поднимая дух в его трансцендентирующем усилии... миф не подчиняется логосу как таковому, но дает стимул последнему... от соприкосновения с логосом сбрасывает свои фантастические элементы, удерживая при этом силу аллюзии, намека эвристической интуиции...»

Сам Платон выражается в «Федоне» еще отчетливее. Он пишет: «Конечно, утверждать, что дела обстоят таким, а не другим образом, так, как я это показан, не значит убедить человека здравого смысла; однако утверждать так или иначе нечто подобное о том, что должно произойти с нашими душами, и об их обиталище... все это, мне представляется, обогащает и возвышает того, кто верует в это, ведь риск прекрасен!» «Вторая навигация», «Гиперурания», «Диада», «Еди-

ноо» — все эти понятия, которые вводит Платон, в том или ином виде присутствуют в любом рассуждении о, так сказать, метафеноменатике.

Попробуем найти «хоть какое-то» соображение относительно истинности воззрений подобного толка. Можно указать, по крайней мере, два таких соображения.

Первое — это интуитивное ощущение правоты. Не стоит слишком иронично относиться к такому способу. Многие точно угадываются интуицией — даже не угадываются, а постигаются. Потом следует только ничего уже не значащая проверка. Геометрия вообще дает пример непосредственного усмотрения определений, аксиом, теорем. Интуитивное ощущение правоты — это, разумеется, не доказательство в общепринятом научном смысле. Но при условии, что многие исследователи, повинувшись интуиции, скажут: «О, это по меньшей мере интересно», — концепцию можно считать состоявшейся.

Второе и лучшее (из возможных!) свидетельство истинности теории — возможность на ее основании что-то сделать, построить. Это, так сказать, инструментальный, конструктивный подход. Видя соответствующие теории свойства созданного продукта, мы имеем большие основания подозревать теорию истинной. Постепенно подозрения переходят в уверенность. Она так близка к природе, что... мы ее эффективно используем.

И на этом инструментальном пути мы можем оказаться перед двумя возможностями: либо мы столкнемся с тем, что двойственность — это нечто столь непознаваемое, что ее невозможно смоделировать, более или менее оставаясь на «нашем» макроуровне, либо мы все-таки смоделируем двойственность на том уровне, где она появляется, но тогда это будет означать, что мы обречены повторить путь природы. Но даже в этом случае, мы, возможно, окажемся в силах «сделать», создать только малую, ограниченную область, где проявится двойственность. Причем ценой громадных затрат — подобно тому как сейчас на ускорителях создают нечто экстраординарное. А получив этот ограниченный временем или пространством эффект, будем еще спорить о том, что это такое на самом деле. Иными словами, возможно, не в наших силах получить ясное и многоуровневое явление, разворачивающееся от микроуровня до макропроявлений. Это будет означать, что надежды Флоренского проникнуть в глубины материи и повелевать ими хоть сколько-нибудь эффективно принципиально неосуществимы, ибо они касаются одного из великих запретов природы. Возможно, в этой области исследований все наши доказательства будут не более чем система косвенных доказательств, «улик» относи-

тельно того, что мы чувствуем (интеллектуально, интуитивно) мир таковым. Ведь уход в микромир, в глубь материи дается такой чудовищной потерей наглядности и контролируемости, что невольно возникает вопрос: а о чем мы вообще рассуждаем в данном случае?

Условные эффекты, вроде двойственности существования, мы можем искать только там, где психическое возникает из живого и где живое неразрывно переплетено с неживым. Там, где дух прорастает из материи. И когда мы с помощью своего интеллекта, оперирующего на макроуровне, спускаемся на микроуровень, мы действительно обнаруживаем там и противоречашие, и неясные вещи. Тогда появляются монстры, подобные волне-частице, цвету кварка и т. п. Целостности, которые проявляются на макроуровне, воспринимая друг друга и мир в его опять-таки целостных проявлениях, не могут спуститься «вниз», на микроуровень, сохранив себя. Платой за такой спуск является уход со своего уровня организации — разрушение.

Поэтому возможно, что обоснование психики нам не дано в восприятии, и мы можем отважиться только на некие интуитивные суждения и «системы», проверить которые мы никогда не сможем. Тут человек обречен на мифотворчество, так сказать, *ab ovo* — изначально, по существу дела. Это позиция своеобразного агностицизма, отвергающего возможность иного, строгого в нашем современном смысле познания.

Психология — возможно, особая в этом смысле наука, умение, граничащее с искусством. Ее существо совершенно отличается от существа механики, астрономии, техники, изучающих макрообъекты. Психика — предмет изучения психологии — является микрообъектом и распределяется в «толще» материи. Таким образом, еще требуется разобраться, что будет представлять собой система «понимания» психологии — вернее, *псиэгерменевтики* (науки о Духе, скрытом в глубине, «толще» материи) — и в чем может заключаться тайна практической эффективности такой науки. Ведь она может быть как совершенно практически неэффективной (для нее действует запрет на воплощаемость или, более того, она может быть только мифотворчеством, своеобразным искусством, которое принципиально непроверяемо), так и столь же высокопрактичной, как, скажем, электроника, молекулярная биология.

Таким образом, путь, по которому направляет нас подобное исследование, может привести к вычленению сущностной особенности науки о духе, а может завести в тупик разочарования. Правда, и отри-

дательный результат был бы здесь ценен — именно для обоснования уверенности в ином пути.

Можно сказать, что на макроуровне нам открываются все новые и новые стороны и проявления двойственности. С первоначального уровня, из глубин материи мы можем проследить некие «следствия» двойственности существований — того первоначального феномена, о котором идет речь в концепции. Апории Зенона, антиномии Канта, парадоксы теории множеств, как, впрочем, и парадоксы О. Уайльда, противоречивость мира, людей, общества; неопределенность, зыбкость, ускользание... Все это так. Но каковы основания, «базис» всех этих проявлений?

Если это — двойственность, то как ее можно смоделировать? Можно, скажем, моделировать нижние уровни материи конструктором из клеточных автоматов. На них реализуется возникновение новых качеств, а смутность, как и двойственность на последующих уровнях, есть следствие неравного разнообразия обменивающихся своими событиями частей. Но, согласно нашей концепции, выходит, что так двойственность существования не выразить, не задать. Она носит иной характер, чем автоматная гипотеза. И оставив пока эту гипотезу, обратимся к возможности отражения самой двойственности.

Нужно выделить и прояснить ее законы. Вместе с тем можно попытаться найти (открыть!) более простую, чем материя, среду с такими свойствами, что отдельные ее срезы дадут макроэффекты двойственности. Сама она была бы носителем пока непонятно какой «логики» и «поведения», и логику эту требовалось бы все время «срезать» и рассматривать эти срезы. Своеобразный аналог электроники. Что-то вроде «еще одной» материи, но проще.

В чем может состоять «логика» двойственности? Видится некий объем пространства, устроенного так, что взаимодействие в нем не происходит по автоматному принципу «следствие — причина, вход — выход», а носит черты хаоса, неопределенности, взаимопротеклемости. Попытки создать квантовый компьютер как раз неявно и используют сходные представления.

Необходимо дойти до самых истоков и затем повторить их в «материале» нижних уровней, только на верхних уровнях получая макроэффекты. Но как это сделать — не ясно; все наши автоматные, кибернетические понятия, методы мы «тащим» из нашего макроуровня. Поэтому, может быть, и понять такое мы толком не сможем, пока останемся такими, какие есть. Возможно, чтобы понять, нужно измениться, дополнить себя, скажем, некими «органами» чувствования эффек-

тов микроуровня и средствами влияния на эти эффекты. И вполне возможно, что когда-то в будущем человек, став «знающим» на каком-то новом уровне, сможет вложить в свой мозг тонкое и «подробное» чувство-знание о том, что происходит в его органах, тканях. Возможно, что будет достигнут синтетический симбиоз новых искусственных отделов мозга и собственно мозга человека. Каков будет результат — кто скажет? Возможно, будет создан некий «кабель» (даже целая «среда») непосредственного обмена чувствами и состояниями — некий аналог современных филармоний. В конце концов человечество вполне может переместиться для своего существования в особый мир, наподобие мыслящего океана из романа Лема, где и органы, и действия, и существование будут совершенно иными, чем сейчас.

В рассуждениях данного параграфа, может быть, скрыто нач:шо метода, который нацелен на прояснение наших смутных догадок, колеблемых сомнением, когда наш макроум сталкивается с пока таинственной двойственностью — исходным феноменом интеллигибельного мира условного. И возможно, расширив объем этих догадок, кто-то когда-нибудь постигнет его вполне.

3.9. МОДЕЛИ ЦЕЛОСТНОСТИ

Для того чтобы хоть с какими-то основаниями на успех приступить к моделированию микроуровня, требуется ответить на ряд вопросов.

Как составляющие целостности должны быть «устроены»? Что в них должно быть такого, чтобы их взаимодействие (полевое?) по гзани фактов существования могло порождать такие психоданты, как отвержение, поддержку, абсолют, преобразование, память? Как задать двойственность существования?

Может быть, бытие, существование — это феномен, который есть проявление способности целостности отстаивать себя, «выправлять» от отклоняющих воздействий, бороться? В современных вычислительных и управляющих машинах подобное требование — нонсенс. Какое может быть в машине «сопротивление» задающим ее режим работы воздействиям?

Важной чертой создания моделей существования является необходимость перенести в них способность к легкому или тяжелому течению «процессов» в целостности. Пока ни научные представления, ни тем более машины-устройства ни в малейшей степени не обладают

подобной способностью. Компьютер, в котором некоторые операции идут тяжело, затрудненно, казался бы неисправным. Парадигма последовательных (да и параллельных!) автоматов естественно даже не предполагает указанной способности. И, разумеется, не предполагает способности чувствовать саму легкость или затрудненность своего бытия.

Следует пристальнее рассмотреть, каким образом может быть введена в модель микроуровня активность как неотъемлемое свойство составляющих целостности. Подведение источников энергии к элементам компьютера для придания им «активности» в данном случае выглядит забавно.

Важнейшим свойством, которое также необходимо ввести в модель, является, если можно так выразиться, перенос бытия одних составляющих в другие. По всей вероятности, то, что мы понимаем как образ в мозгу, есть некая составляющая, обладающая своим собственным (в рамках целого!) активным бытием, воспринимающим бытие иных образов и способным «самим фактом своего существования» поддерживать, отвергать и даже бороться с их бытием.

Пока не ясен и механизм, который осуществляет «отклик» тех или иных возможностей на абсолют. В каких терминах раскрыть это «извлечение возможностей самим смыслом абсолюта», как абсолюты и возможности «узнают друг друга» — не ясно. Абсолют, судя по данным нейрopsихологии, извлекает возможности, активизирует их, питает энергией. Но вполне вероятно, что при этом происходит что-то более таинственное, связанное с открытием «шлюзов» реализации глубин материи. Можно ли сказать, что смысл абсолюта состоит в том, чтобы вызывать в возможностях резонанс, или «фибрилляцию»?

«Плохо» расщепляет, атакует, меняет направление атаки; «хорошо» хватает, поглощает, впитывает целиком, «не разбираясь». «Плохое» скрывается, ускользает; «хорошее» манифестирует, самопоказывает, ликует. Что такое интегративный комплекс — философская абстракция или нечто, присутствующее в конкретной ситуации? Или комплекс — нечто вроде общей программы, которая управляет, например, «рукой» робота при захвате предмета, и которая настраивается всякий раз параметрами ситуации?

Разумно предположить, что в целостности возникает множество взаимосвязанных реализаций интегративного комплекса. Каждая из них отражает некую воспринятую и оцененную ситуацию и представляет собой нечто напоминающее функциональную систему. И отклик

возможностей на смысл абсолюта опосредуется тогда тем комплексом, который к данному отклику «причастен».

Не ясно и то, как абсолют служит самоизменению целостности, вынуждает целостность идти в том или ином направлении (активно направляет, а не пассивно отражает, как связка).

Дело тут тонкое: возможно и развитие под воздействием отрицательных эмоций, и загнивание под воздействием положительных эмоций. В чем скрыто развитие через страдание, через экстремальность? Почему творчество гения разрушает его самого? Не потому ли, что целостность не может вынести слишком сильный напор из глубин материи? Раскачивание целостности в состоянии порождения нового есть фактически ее саморазрушение. Экстремальность означает саморазрушение целостности, ее плавление, текучесть, при этом и происходит извлечение возможностей из ее глубин. Так желание ВЫШШЕЛЯет новые качества. Приходится при этом говорить, что на вызов среды целостность включила механизмы адаптации и компенсации.

Что же касается стагнации, то сама по себе она не так уж плоха. Часто стагнация — это состояние комфортного существования. Правда, неожиданный вызов среды может погубить целостность, которая медленно реагирует.

Что означает отщепление, порождение наименования? Как это связано с представленностью в мозгу чувств, образов, понятий? Во всех «структурах» (в принципе, любое слово из современной биокibernетики, теории живых систем следовало бы брать в кавычки) центральной нервной системы имеется представление (представливание), там есть «место» для этих представлений, или «наименований».

Однако вопрос стоит шире. Как в объективном смысле «происходит» в мозгу, в теле ощущение? В данный момент мы не только не можем дать некоторого объяснения, некоей интеллектуальной схемы, которая бы «объясняла» ощущение, но и вправе сомневаться, что это вообще возможно. Ведь те же взгляды Шопенгауэра на природу Мировой Воли невозможно раскрыть в такой полноте, чтобы «промоделировать» ее, понять, каково конструктивное содержание данного образа. Сам Шопенгауэр, естественно, такого исследования не провел.

В конечном итоге требуется вывести все привычные качества целостности, выделенные психологией, как результат перехода с микроуровня на макроуровень. Понятие саморегуляционного комплекса дает возможность проводить типологию целостностей и индивидуальностей, основанную на различной выраженности и уравновешенной подвижности его компонентов. На первый план выходит то один его ком-

понент (например, эмоция), то другой (преобразование), оставаясь между собой в согласованном партнерстве. Доминирование же каких-то отдельных компонентов в предельных случаях означает патологию.

В дальнейшем такая типология может составить и основу перехода от уровня индивидуальной психики к уровню социума. Для этого необходимо разработать понятие саморегуляционного комплекса как сплава качеств целостности. Из чего возникает ЕОЛЯ, интеллект в его разных качествах, активность, эмоциональность, Как это онтогенетически проявляется и развивается?

Сюда вписывается концепция В.К.Вилюнаса, в которой показана логика оценки: то, что способствует цели, — хорошо, то, что препятствует цели, — плохо. Здесь мы имеем уже макроуровень, на нем оценка, абсолют расходятся по различным реализациям комплекса, по образам. Ведь образ, неотделимый от памяти, — тоже психодант. Игры разума имеют неразделимый, интегративный характер: сплавленный в единое комплекс плодит в «работе» свои реализации, образуя внутренний мир целостности — пристрастия, ценности, цели, умения, воспоминания и др.

Здесь начало (только начало!) проблемы развития понимания и управления ситуацией. Реализация комплекса — это нечто родственное комплексу в психоаналитическом смысле, некоторое образование в психике: образ-память-схема восприятия и действия. Динамическая схема возникновения и трансформаций различных реализаций комплекса по мере развития индивидуальной целостности есть ее разум в развитии и действии. Нужно построить эту управляемую типологией и встречей с ситуациями внешнего мира схему-модель выстраивания разума, его развития, его действия, его внутреннего содержания.

Это и есть решение проблемы типологии в процессе и результате перехода с микроуровня на макроуровень. Должна быть выстроена система качеств в развитии (гетерохическая структура-автомат действия), обеспечено считывание «жизнью» типа человека с матрицы его заданных и наличных возможностей.

Как результат получаем сложную «систему» внутреннего отражения, исследовательской деятельности, исправления ошибок, уточнения, но только до некоторого предела способную делать все это. Из чего этот предел следует, чем детерминируется уже на микроуровне? Какие человек (как вид или конкретный человек), стремящийся вообще-то выяснить все «до конца», имеет особенности, которые определяют его границы, дают ему уточнять «образ среды» не до любого

уровня, а только до вполне конкретного? Какова мера разумности того или иного разума?

Например, есть насекомые, которые действуют сразу, инстинктивно (это обеспечивает цепочка ганглиев), причем действуют точно и приспособленно, учитывая тонкости (скажем, изгиб травинки). А есть существа обучаемые, с кортексом, где по всей вероятности и заключена способность к «игре с образами», к разработке своих представлений. Это уже сложный уровень, высокая степень разумности.

В конце концов требуется дать ответ на вопрос, как соотносятся в разуме «объективное» и «субъективное», как они складываются, переплетаясь. Почему отражение идет не от ситуации, а от неких, уже, может быть, потерявших актуальность и адекватность, но очень сильных, важных, возникших при ярком впечатлении еще в детстве, комплексов субъективного. Отсюда уже прямой путь к конструированию взаимодействия индивидов в группах, в объединениях, в общем, на уровне социума, на уровне коллективного разума.

3.10. КОНСТРУКТИВНОСТЬ

Итак, мы не «ищем и находим» в мире «скрытые» простые истины, мы ищем и находим поводы для того, чтобы представить мир как собрание простых истин, связанных по возможности друг с другом. Сначала мы вводим идеальные (простые) объекты и отношения, а затем доказываем стройные и красивые теоремы о них. Но мир не состоит из простых идеализации. Мы просто «наводим порядок» в мире, который представляет собой «кишащее разнообразие», несводимое к чему-либо более простому, чем оно само.

Такое положение вещей основано именно на определенной организации ума (мозга), который вынужден адаптировать мир к своим возможностям постижения мира.

Внося организацию (системность), мы и осуществляем то, что зовется дискурсивностью, рациональностью, ясностью, отчетливостью осознания, т. е. пониманием.

Но это первый шаг в познании мира, который и приводит любого человека на путь, в конце которого обнаруживает себя наука во время любого из ее кризисов. Невеликими шагами ум человеческий отказывается от *классических условий (ограничений)*, которые есть не что иное, как выражение диктата сознающего ума в его научных познавательных усилиях.

В связи с пониманием и степенью его ясности здесь требуется сгруппировать несколько слов относительно еще одного важного понятия — *конструктивности*.

Конструктивность — это антипод произвольности. Конструкция «держит» собой содержание мыслей. Не секрет, что ум человеческий в известной степени свободен от диктата «объективного». Галлюцинирование при сенсорной депривации, фантомы мысли в повседневности, нарушение логики при напоре из глубин психики желаний — все это проявления отмеченной независимости ума от того, что «его окружает».

В теоретических и полемических артефактах произвольность ума проявляется в весьма высокой степени. Отсюда путанные, противоречивые, сбивчивые, наполненные страстями и даже недугами тексты политиков, педагогов, историков, философов... И конечно химиков, физиков, математиков. Особенно когда они, покидая «свою территорию», углубляются в области иных дисциплин.

Произвольность не менее опасна, чем удушающе примитивное редуцирование к «строгому и точному» знанию. Предел произвольности может поставить только некий принцип творения артефактов (и, разумеется, стоящих за ними «пространств мыслей и образов»). Этим принципом и желательно видеть *конструктивность*.

Здесь следует остановиться на связи понятия конструктивности и сознания. Выше было отмечено, что именно сознание вносит порядок в случайность. Можно сказать и по-иному: сознание навязывает организацию потокам и полям воздействий и их отражений на первичных уровнях обработки мозгом. Можно сказать и так: сознание есть способ выделять и организовывать (мозгом) поступающие в организм влияния. Мозг просто не имеет возможности осознать кишение и разнообразие (разнообразность?) поступающего в него. Он еще более ограничивает потоки и поля влияющего на организм мира, в том числе и его автовлияния, чем ограничивает эти потоки вообще сам организм (Фейербах). Мозг не может в иной форме осознать — «ясно и отчетливо» «представить» себе — то, с чем он сталкивается в своей работе «внутри» организма.

Как еще можно выразить это понимание существа сознания? Сознание выступает при этом как некое окончательное особое «состояние», «режим», уровень работы мозга. Чтобы осознать нечто «ясно, отчетливо», нужно его линейно (на высшем уровне работы мозга) представить, опираясь на «облака» — поля нижних уровней, т.е. ограничить в некотором аспекте, с некоторой стороны, в некотором смысле.

Сознание может быть метафорически названо Fovea мозга. Оно и устроено подобно движениям глаза: «последовательно и с возвратом», «заметая» объем воспринимаемого.

Эта метафора дает представление о нейромеханизмах в области, отвечающей за содержание сознания. Необходимо уйти от соблазна сознания, отчетливого, ясного, определенного — верхушечной ментальное™, которая породила всю науку и технику в ее формальном автоматном изложении. Конечно, деятельность, и только она, вносит смысл, но именно это внесение смысла необходимо теперь ввести в самую ткань науки, требуются новые теории, которые можно назвать гносопарадигмами.

Исследователь должен полностью осознавать, что на этом пути его поджидают такие опасности, как позитивизм, прагматизм и т. п. Конструктивность, в отличие от них, стоит, с нашей точки зрения, где-то в области золотой середины между упрощающим (но временно необходимым и часто полезным) редукционизмом и в высшей степени исполненным ничем не сдерживаемой произвольностью творением более или менее безумного творца.

В чем же заключается золотая середина? Она, заметим, не статична, а динамична. Это не положение, а процесс. Процесс колебания по контуру, путь которого неоднократно пролегает из области мыслимой произвольности в область «рукотворной» конструкции.

Здесь имеется аналогия с изготовлением программного продукта, который появляется в своем эффективном и практически полезном виде только после долгого и мучительного процесса отладки.

Несомненна истина, что любой продукт (инструмент, машина, программа) даже скромного уровня сложности с первого запуска выполняет не так или не то, что предполагал ее создатель. Вообще говоря, любая практическая деятельность обладает этим эффектом непредусмотренных расхождений созданного плана и результатов его реализации. В этом смысле алгоритм (особенно сложный) всегда содержит в своих недрах нечто непредсказуемое и неожиданное с точки зрения результата применения. В случае доказательств теорем на компьютере к возможной ошибке, таящейся в уме доказывающего (и воспринимающего доказательство), добавляется и теоретически не осмысленная до сих пор невозможность быть уверенным в том, что алгоритм доказательства выполняет именно то, что предполагается. Причем степень неуверенности в компьютерном алгоритме (как это ни покажется странным) гораздо выше, чем в области достижения соглашения о правильности доказательства «мелом на доске».

Интересно задуматься, почему так происходит? В чем особое соотношение глубин мысленных процессов и компьютерного алгоритма? Почему передача более простому и прозрачному компьютеру работы непознаваемого и плохо ощущаемого мыслительного процесса порождает большую неуверенность?

Таким образом, можно сделать заключение, что свобода умственных движений должна сдерживаться и контролироваться неким «приложением» этой мысли к пространству артефактов, созданий, произведений, воплощений.

Только «параллельное» динамике мыслей творение «из железа» или из некоторой «плоти» — воплощение данных мыслей — может служить до некоторой степени надежным «свидетелем истины» этих умственных «смутностей».

Задачей ученого является не только «мыслить и творить», но и строить конструкцию, которая «держит» и сама себя, и его мысль. В психологии, как ни странно, мы ожидаем от исследователя тех же самых усилий. Можно даже сказать, что в этих строчках звучит призыв к созданию конструктивной философии.

3. 11. НОВЫЕ СРЕДСТВА НАУКИ

Мозг воспринимает и текст на странице учебника или научной статьи. Он воспринимает картинку на дисплее, схему на экране. Он воспринимает, наконец, *то, что происходит в мире*.

Все эти «пособия» есть некие опорные системы для работы мозга, на них он базируется, ими пользуется при разработке, при открытии нового, при усвоении знаний.

Но можно заметить, что «пособия» отличаются друг от друга. Так, есть большая разница между алгебраическим текстом и схемой или графиком. Теория графов недаром появилась на свет. Стремление выразить понятия более наглядными средствами присутствовало в математике, физике, химии всегда. Логическим завершением этого стремления явилось создание компьютера с его средствами графического отображения.

Однако есть и вопросы. Что такое наглядность? Сильно ли отличается мультипликационный фильм от изображений на дисплее? А все «пособия» насколько сходны, и в чем их глубинное отличие от «происходящего в мире»?

Наконец, что происходит в мозгу при его работе с пособиями во время обучения, размышления, расчетов и планирования, открытия нового?

Когда синергетика говорит о формообразовании в неких диффузных средах, она имеет в виду не более чем волну, проходящую по элементам данной среды. Это простое следствие неравновесности, возникающей при подводе энергии или ее стоке в некоторых точках среды.

В пространственном же автомате будет наблюдаться не волна — хотя и этим термином можно обозначать происходящее, — но изменение состояний элементов среды и, более того, изменение самой среды: ее переформирование и ее видоизменение.

Это хорошо видно на примере развивающегося растения — изменение формы, появление новых частей, их превращение в другие части, скажем, почек в листья. Можно говорить об образовании и взаимопереходе различных форм на элементах среды.

С точки зрения синергетики, среда здесь рассматривается как який «кусочек» мира, осуществляющий в себе диффузно-хаотические проявления.

Однако двойственность «восприятия» среды отражающей целостностью, по всей вероятности, будет проявлением еще чего-то, кроме диффузии, — рассуждения концепции о двойственности фактов существования показывают возможность более глубокого взгляда на содержание свойств среды как «куска» мира.

Переформирование среды, взаимопереход форм, образующихся на ней, требует обмена не только информацией между «пикселлал-и» среды, но и обмена материальными частицами для перестраивания и дотраивания самих «пикселлов».

Пикселл не только будет менять свое внутреннее состояние под воздействием сигнала, как это происходит в конечных автоматах, но будет сам меняться, будет изменять свою структуру, свою форму.

По всей видимости, в любой пикселл требуется ввести нечто вроде генетической программы, как это имеет место в живых клетках. Биологические аналогии, хотя бы в некотором приближенном и обобщенном виде, должны быть введены в модель.

Возможно, здесь имеется своя «асимптотика», которая позволит получить интересные и глубокие результаты при гораздо меньшем разнообразии внутренних «законов» работы пикселлов, чем это происходит в живом веществе.

Мы должны не наблюдать, исследовать мир и писать уравнения, затем решать их, но создавать динамические среды и, запустив их, видеть течение процессов, видеть сходства в них — воочию видеть и, следовательно, понимать наилучшим образом.

Сложность и разнообразие должны, разумеется, увеличиваться потом, но следует предусмотреть их увеличение не усилиями исследователя, а внутренними процессами. Разумеется, одной диффузией тут не обойтись. Она есть проявление свойств вещества самого низкого уровня развития и сложности. Это просто некая материальная среда, где нет «живого» компонента.

Можно, разумеется, предположить, что из организованного по диффузионной парадигме вещества возникнет последовательными усложнениями все разнообразие живого и породятся пикселлы, необходимые для «серьезного» разнообразия и сложности взаимодействий. Но это предположение — не более чем предположение, а глубина материи, скорее всего, содержит гораздо более сложные предпосылки разнообразия.

Однако надо признать, что, несомненно, существует проблема — проблема «необходимых и достаточных оснований» порождения интересного разнообразия форм и взаимодействий. И эту проблему требуется решать в первую очередь, что естественно. Мы здесь только последуем за природой в ее развитии.

И еще: окончательно ли воцарение компьютера? Нельзя ли представить себе «пособия», основанные на иных технологических достижениях, представляющие собой нечто среднее между живой средой и сложно-организованным «объемом вещества», со сложной пространственно-временной организацией? Эти средства будут допускать вмешательство человека и его экспериментально-исследующее воздействие на них, подобно управлению компьютером. И наглядность таких «пособий» будет неизмеримо выше, нежели то, что происходит на дисплее.

Не такими ли средствами представления знаний и размышлений только и можно исследовать живые системы, мозг человека, его психику? Не такими ли средствами только и можно надеяться отразить всю сложность происходящего в социуме?

Но как описать эти новые средства науки? Какие представления могут лечь в основу их разработки? Что должны обеспечить физика и химия в своих последних или будущих достижениях для создания новых инструментов науки? Да и будут ли эти средства инструментами в привычном до сих пор смысле?

На основе чего можно попытаться создать подобные сложноорганизованные «имитационные» среды, представляющие собой некий «полигон» для испытания природы в ее самых глубинных тайнах? Подобно тому как физика на ускорителях вгрызается все дальше и дальше в глубины строения вещества, так, возможно, и новая наука, исследующая живое, получит при все усложняющихся средствах нового рода явные и несомненные признаки присутствия жизни, психики.

Человечество должно быть готово к тому, что сложность живого, а значит, ответы на вопросы о его происхождении и развитии, радикально превосходят все, до сих пор постигнутое человеком. Новые методы и способы размышлений и исследований будут качественно отличаться от инструментально-автоматного метода, царившего до сих пор в интеллектуальных усилиях.

Вполне возможно, что рационально-сознательный способ оформления процесса размышлений, его «проявление» для самого исследователя и других людей — лишь одна, исторически сложившаяся форма научной деятельности. Вполне возможно, что существуют иные формы научной, т. е. приводящей к определенным результатам, деятельности, которые пока просто не «натренированы» и не развиты в рамках научной культуры. Сложные способности к воспроизведению и созданию музыки подходят здесь в качестве аналогии: до их развития человечество вряд ли могло представить себе свои возможности в области музыки. А ведь музыка представляет собой процесс с явным преобладанием неосознаваемого компонента в творчестве.

Так и наука вполне может столкнуться с тем, что для дальнейшего проникновения в тайну живого, в тайну одухотворенности ей придется найти в мозгу такие возможности, которые до сих пор были развиты весьма слабо и использовались, мягко говоря, нечасто.

Судя по всему, мозг — удивительное естественное образование, которое далеко не исчерпало своих ресурсов. В этом только смысле и можно продуктивно (для развития познания!) понимать синтез науки и религии, «рационального и иррационального», «объектного и субъектного» и т.п.

Как известно, способности людей в интуитивном постижении мира различны. Однако большинству даже просто последовать за зафиксированной и сообщаемой мыслью выдающегося исследователя во все времена было нелегко (поэтому и требуется качественная адаптация мыслей исследователя к уровню понимания массы). Исследование в себе этой постигающей силы требует развития особых способностей

внутри самого мозга, психики, подобно развитию музыкальных или иных художественных способностей.

При этом само исследование, вернее сказать, самоисследование (по аналогии с «самоорганизацией») будет служить прекрасным средством высвечивания, «проявления» тайной, неосознаваемой «алгебры» нейро- и психодинамики ментальной активности.

И ориентированность исследователя не только на результат, но и на процесс своей ментальной активности, фиксация в сознании не только итога этой активности (озарение), но и того, как происходит эта активность, какие «движения» мысли и ее «трансформации» имеют место — все это является необходимым условием развития и науки, и человека.

Без сомнения, проблемы, стоящие перед человечеством в настоящее время, движутся к черте, за которой их масса превысит способность человечества справиться с их решением. Очевидно и то, что попытки их решения будут качественно тяжелее, чем все, с чем человек сталкивался до сих пор. Они ставят под вопрос само выживание человечества при неизменности его природы.

3. 12. ЧУВСТВО В ИСКУССТВЕННЫХ ЦЕЛОСТНОСТЯХ

Однако, глядясь в глубины целостности, мы выходим еще на один уровень ее постижения. Несомненна роль чувственного компонента в ментальных процессах. Непреложность, окраска, активность — все это черты, присущие чувственному в психодинамике.

Поэтому любое интересное по своим качествам искусственное создание — назовем его EXI (от французского *existee*) — не может быть изготовлено без введения в него чувства. Но как можно его ввести? Как можно описать, что это такое, в терминах и методе отражения современного системного мышления и оформления результатов?

Очевидный ответ — пока никак. Чувство требует для своего «воспроизведения» совершенно иных приемов размышления и представления себя. Наивные рассуждения Ньютона о способе передачи сигнала по нерву (гидродинамические нервы-трубки) не более наивны, чем современная теория нервного импульса с точки зрения возникновения при этом ощущения.

Проблема «последнего ощущающего» гомункулуса стоит на пути любого рационального, системного рассуждения об ощущении.

Веди системное мышление инструментально и оформилось в мире инструментов, с их взаимодействиями частей, передачей сигнала (информации) и причинно-следственной парадигмой.

Как отвечать на вопросы, что такое чувство, как его изложить и воспроизвести, — неизвестно. Можно только поставить их, что чрезвычайно важно именно сейчас, и содействовать поиску ответов. В том числе и своими усилиями.

«Вести» чувстве в ЕХI — задача интересная (по старой памяти) в первую очередь для кибернетиков, вообще техников. Но это только отзвук эпохи простодушного «штурма и натиска» на тайны живого, мечты, лелеемые рациональной, системной наукой (творящей в общем-то не более, чем инструменты) во второй половине XX в.

Направленность исследований живого определялась в этих исследованиях наследием инструментальной науки. Результатом было создание изощренных механизмов и инструментов, компьютеров, роботов.

Живое подгонялось к прокрустову ложу инструментализма, теряя все своеобразие. Рассуждения о новых подходах (синергетика, автопоэзис и др.) оставались в рамках того же инструментализма. А религия и мистика хотели и стали гостями конференций о слиянии науки и религии, но, пожалуй, только размыли науку.

Задача создания ЕХI, среди качеств которого мы имели бы, например, чувство затрудненности или легкости происходящего в нем, и сейчас представляется скорее кибернетической, чем философской. Но это не так. Философия именно в этом направлении должна быть впереди всего иного. Причем философия не только экзистенциально-феноменологического направления, но и философия антропологическая, психологическая, научная, наконец.

Заметим, ЕХI — это пока как бы бесполое создание. Но, несомненно, что в число его качеств должны быть введены (или развиты-самоорганизованы) и чувства, относящиеся к полу. Вообще только в рамках подобных исследований и моделей можно проверить и скорректировать такие спекулятивные в значительной своей части воззрения, как психоанализ.

Что такое музыка с точки зрения воздействия на нейродинамику человека? Да и не только человека. Каковы физические и нейрофизиологические механизмы воздействия музыки? Несомненно, что музыка физически представляет собой звуковые колебания, возбуждающие в нервной системе «каскады сигналов». Несомненно, что существует некоторое соответствие между характеристиками звуковых колебаний

и этими каскадами сигналов. Но каковы они? Насколько произвольны соотношения указанных характеристик, только ли отношением разнообразие-разнообразие они выражаются? Или имеется глубокое (и глубинное) соответствие между звуками музыки и «симфонией» каскадов нейродинамики? Более того, почему минорный лад воспринимается именно как выражение грусти, печали, угнетенности? За счет чего мажорный лад возбуждает ощущения противоположного рода? Каково соотношение музыки и мысли? В чем заключается существо некоего потаенного и глубокого чувственного основания мысли, которое уггдывается любым мало-мальски внимательным исследователем мышления?

Все эти и подобные им вопросы остаются пока без ответа. И остаются, может быть, не только потому, что ответы трудны, но и потому, что сами вопросы такого рода задаются крайне редко. Априорно ясная сложность отвечания (посредством *научных* изысканий) более или менее осознанно вытесняет ученого из области исследований, «предметы» которой столь неуловимы при всей их данной нам в переживании очевидности и непреложности.

Область чувств (и музыки) остается уделом поэтов, музыкантов, художников, артистов. При всей важности и поучительности результатов деятельности и рефлексии художественно ориентированных интеллектуалов (например, Станиславский, Шаляпин, Репин, Добужинский, Блок и др.), трудности извлечения драгоценных находок из текстов (размышления, воспоминания, поучения) оказываются для ученого почти всегда выше применяемого им научного метода. Ученый чувствует, что требуется нечто большее, чем добросовестное извлечение и разглядывание в лучах науки показавшихся ему интересными фактов, соображений, переживаний художников духа.

Займемся поэтому проникновением в область исследования чувства (и вообще души), следуя строгой последовательности вопросов: от физического основания чувства до его психических высот. Музыка при этом может стать ключом, в высшей степени подходящим для попытки открыть вход в глубины чувства.

Итак, что такое чувства? Материя (целостность) чувствует сама себя. Что могут означать эти слова? Мы должны найти пути подхода к постижению чувства с точки зрения новой науки, с новой точки зрения. Конструктивной, но не феноменологической. Необходимо создать конструкцию, которая каким-то образом, может быть, неожиданным, проявила, продемонстрировала бы нам феномен чувства, т. е. продемонстрировала бы «на себе и для нас» такое поведение, которое

было бы очевидно наполнено чувством. Если мы предположим, что чувства— это особый резонанс, возникающий в живой материи, то все равно остается вопрос, почему он должен сам себя чувствовать. Резонанс — это не более чем усиление, пусть и самоусиление с извлечением, ЭКСТРЕМ, обострение. Можно сравнить это с шумом и гамом возбужденной толпы на площади, резонанс сам себя ощущает во всех направлениях и во всех частях толпы.

Надо отметить, что в данной области нам мешает привычка к причинно-следственному подходу. Даже включив в рассмотрение параллельные процессы, мы должны отдавать себе отчет в том, что уже слово «процесс» означает нечто распространяющееся во времени в виде событий, которые как раз и подчинены принципу причины и следствия. Чувства же — это не только процесс, но и состояние, особое автосостояние материи, причем состояние не как один из вариантов положения системы, характеризующееся измерениями, параметрами, а как нечто особенное, происходящее в клетках живого. Что в этих клетках может быть воплощением данного феномена «сознания-чувства»? Какие особенности клеток, в отличие от известных обычных их свойств, могут раскрыть нам природу чувства? Чувство-резонанс может быть представлено как некий «шум» разнообразия, «шум» его негомотропности, «шум» несовпадения. Различия порождают чувства, ощущения. Если же, например, изображение стабилизируется на сетчатке, то глаз «слепнет», перестает различать что-либо — момент временного различия исчезает. Также и мир вокруг нас все время меняется, меняется состояние мозга и таким образом, по всей видимости, порождает чувства.

Музыка заставляет нас переживать, будит чувства. Можно указать на такие характеристики музыки, как ее темп, ритм — они оказывают на человека сильное физиологическое влияние. Но есть еще мелодия, которая является воплощением чувства в музыке. Согласованность, гармония музыки— это и физическое, и физиологическое, и психологическое явление. Что в мозгу откликается на параметры музыки? Это только ключ к определенным отделам мозга или в ней самой до какой-то границы и в какой-то мере заключено описание мозговых нейродинамических процессов, которые ответственны за чувства. Было бы очень интересно получить описание музыки, которое стало бы или изоморфной моделью чувства, или его гомоморфизмом, или просто ключом к замку соответствующих областей мозга. В каких терминах мы можем дать такое описание? Видимо, только в терминах многоуровневой взаимосвязанной системы. Система описания будет

подниматься от звука (ноты) до динамического и гармонического содержания музыки.

Как можно возбудить чувства в каком-то искусственно созданном «механизме», как это созданное рукотворно чувство можно наблюдать и как можно сообщить его в самом этом переживании? Что такое чувство как «конструкция» и как «процесс», каким языком можно его описать? После известных размышлений остается, пожалуй, единственная возможность каким-то образом подойти к решению проблемы. Мы должны говорить о некотором резонансе. Собственные «колебания», можно сказать, звучание, совпадают с музыкой извне. Например, «сигналы от среды» и «сигналы изнутри».

Несомненно, при взаимодействии «элементов», т. е. составляющих целостности, возникает некая мера согласованности или рассогласования. Мы говорили уже о том, что взаимодействие идет легко или затрудненно, и очевидно, что организм чувствует это. Но сразу же возникает вопрос. Если рассогласованность механизма есть мера точности подгонки его элементов — частей этого механизма (например, шгстеренок), — то что такое мера согласованности в целостности? И относительно чего рассматривается эта согласованность? Относительно какого «результата», какого «идеала»? Здесь мы можем вспомнить то, что Платон называл идеями. Согласованность понимается как соответствие некоей идеи, т. е. эволюционной памяти целостности, характеризующей то, какая она «должна быть», как она сделана, как полегилась и складывалась. Чувства при этом являются неким совпадением «частот» составляющих целостности. В терминах разнообразия можно говорить о совпадении или рассогласовании процессов, которые являются выражением, «характеристиками» разнообразия мозга и организма.

Таким образом, можно сказать, что постижение чувств как универсальной «музыки» мира есть квинтэссенция предстоящего нам постижения целостности. И эта задача — основа дальнейшего постижения человеком природы и своего места в природе.

Глава 4

ПОИСК ИНВАРИАНТОВ В ЯВЛЕНИЯХ ПСИХО- И СОЦИОГЕНЕЗА: САМООРГАНИЗАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИОГЕНЕЗА

4.1. ПРОЦЕССЫ СОВМЕЩЕНИЯ В СОЦИУМЕ

Рассмотрим теперь с позиций выработанного нами самоорганизационного подхода процессы социогенеза, исходя из посылки, что в явлениях психо- и социогенеза есть некоторые инварианты.

Как индивидуальный организм формирует сохраняющие факт его бытия абсолюты «хорошо/плохо», так и общество, идя от факта своей заданности, способно порождать специфичные для него, но выполняющие ту же функцию сохранения его существования абсолюты.

Процессы совмещения, «сделав свое дело» на уровне отдельных целостностей (сформировав их условную сферу), способны переходить и на уровень взаимоотношений между целостностями. Например, человек как одна из форм целостности, будучи включен в сферу таких целостностей, как общее пространство, общая деятельность, общая культура, всегда должен стыковаться, согласовываться с другими подобными себе целостностями. Внутри социальных образований действует та же тенденция к совмещению. Целостность (хотя и в других формах) и в этой сфере исходна, первична, нахождение людей в сфере общей деятельности, общей территории требует согласования их друг с другом, средств такого согласования (в виде регуляторов их взаимодействия).

Явления социогенеза, с нашей точки зрения, — частное проявление более общей тенденции, сформировавшей индивидуальную психику и перешедшей на уровень отношений регуляторов между людьми.

У общества (как формы целостности) был при этом только один способ самосохранения — та же позиция «как» (как сохранить себя). Именно через эту позицию осуществляется «забота» целого о себе. Включенность людей в сферу общего пространства, общей деятельности имела изначально. Целостность поэтому и в этой сфере исходна,

первична. Вообще мир заполнен целостностями, и человек и общество — одни из форм таких целостностей. И эта имеемость социальной целостности «навязывала» себя всему происходящему в себе. А позиция имеемости, как мы знаем, способна порождать только оценочную трактовку происходящего в обществе (трактовку происходящего с позиций необходимости самосохранения социума). Эту функцию выполняют абсолюты — но уже в другой форме — явлений морали, права. Конечно, внешне они отличаются от эмоций, да и порождаются не на протяжении короткой индивидуальной жизни, а на протяжении всей длительной истории социогенеза. Но сама их специфика вытекает из специфики такой целостности, как общество. И у морали, права есть очевидное общее с эмоциями: они — те же средства сохранения целостности.

С развиваемой точки зрения мораль и право — те же условные завершающие абсолюты, сформировавшиеся применительно к специфике именно такой целостности, как общество, и сохраняющие эту целостность. Сохранить себя такому целому, как социум, можно было только через завершающий смысл явлений, морали, права. При этом позиция «как», ориентированная на их порождение, вытекает из самого факта наличия бытия целостности. Бытие целостности «навязывает» себя всему происходящему в социуме, требует, чтобы целостность была всегда, формирует средства обеспечения стабильности ее существования — а это достигается через выход в завершающее оценочное русло, изначально ориентированное на самосохранение. Такая позиция неизбежно стремится выработать отвечающие специфике целостности средства ее самосохранения.

Позиция «как сохранить себя» опять выходит на роль «программиста», задающего процессам в социуме направленность на самосохранение. А моральные и правовые оценки — реализаторы этой позиции.

Выходит, обнаруживается возможность «прочтения» механизмов порождения ряда явлений социогенеза на языке выработанной концепции. Так, помимо сказанного, у составляющих социума (социальных субъектов) обнаруживаются все ранее описанные грани — грани фактов существования, отличного, общего. Они совмещаются этими ранее описанными гранями.

Порождение грани фактов существования определяется тем, что социальные субъекты (люди, социальные группы, организации) всегда были включены в целое — была, значит, необходимость совмещения, интеграции их друг с другом (и с целостностью) — а это возможно

было только на уровне фактов существования. Субъекты объединялись фактами существования, тем, что вели существование. Факт существования был объединяющим их инвариантом, он предполагался их нахождением в целом. Значит, неизбежным было порождение у субъектов статуса существования. Социальные субъекты ведут существование, ЕСТЬ, обладают статусом существования. Факт существования — именно то, что объединяет их друг с другом. Причем в реальной действительности наличие статуса существования даже не обсуждается, присутствует как бы априорно, считается само собой разумеющимся (механизмы его порождения скрыты от сознания). И действительно, вряд ли можно о чем-то вести речь, если оно «не существует» (не обладает статусом существования).

Все рассуждения об обществе базируются на таком априорном признании за социальными субъектами этого статуса существований. Другое дело, что механизмы порождения статуса существования скрыты от понимания, весьма трудны для анализа и им уделяется мало внимания. Тем не менее очевидно, что им оперируют именно как некоторой данностью. Впрочем, об этом уже говорилось.

В применении к составляющим такой целостности, как социум, можно кратко коснуться и вопроса о механизмах поддержания статуса существования. Уже говорилось, что всякое существование обладает свойством самоподдерживаемости. А составляющие социальной целостности (люди, группы) обладают качеством самоотражения, рефлексии. Конечно, рефлексия в основном ориентирована на поддержание существования социальных субъектов. Но иногда она может работать и «против» поддержки факта существования человека, социальной группы. Дело в том, что самоотражение (особенно развитая его форма — самопознание, самоуглубление), помогая целостности открыть себя, свое бытие, как уже говорилось, способно в то же время открыть и факт собственной конечности, возможность исчезновения, ухода в небытие. Иными словами, развитые формы рефлексии могут открыть перед социальным субъектом перспективу смерти. Рефлексировать — это значит осознавать и такую возможность. А это как бы проецирование в небытие, несуществование. Однако человек, как всякая целостность, реагируя на эту открывающуюся перспективу, будет стремиться поддержать свое существование. Так возникают многочисленные средства поддержания существования человека. Вся история развития человека — это история развития таких средств.

Как известно, механизмы поддержания, защиты человеческого существования рассматривались фрейдистами (и не только ими). Ими

были открыты законы сохранения человеческой личности, в соответствии с которыми «неудобную», угрожающую информацию личность выводит из состава своего бытия, подавляет (вытеснение), проецирует и др. Но это особый вопрос.

Возвратимся к другим граням — граням отличного, общего. Отличное социальных субъектов порождается несходством их интересов, позиций, целей, различием установок по отношению к некоторым событиям и т. д. Есть множество конкретных форм отличного.

Общее составляющих социума порождается единой культурой, образованием, религией, условиями проживания и т. д. И совмещение идет, разумеется, как применительно к грани фактов существования, так и применительно к граням отличного, общего составляющих социума.

Причем для оптимума процессов в социуме должен иметь место определенный баланс общего и отличного, который часто нарушается. Скажем, в перестроечный период в российском обществе имело место резкое нарастание отличий людей друг от друга по экономическому положению, образованию, возможностям достижения определенного статуса и т. д. Эти различия доминировали над общим, имелся «взрыв различий». Конечно, возросшие отличия людей друг от друга должны были бы уравниваться процессами возрастания общности, скажем, на некоторой национальной основе, — в этом случае баланс общего и отличного мог бы сохраниться. Однако непрекращающееся нарастание материальной дифференциации приняло неконтролируемый характер, оно порождало социальную напряженность. Мы потеряли ту меру общности, которая нужна для полнокровного общения, активной связи между людьми, социальными группами (подробнее об этом см: *Самоорганизация: психо- и социогенез/ Под ред. Келасьева, 1996*).

Хотелось бы подчеркнуть роль общего в самоорганизационных процессах. Общность социальных субъектов (людей, группы) есть база, на которой возникают различные добровольные объединения людей, это и основа реакций по типу «свой / чужой». Как только мы констатируем выраженную общность людей (в виде единых ценностей, интересов, субкультур и др.), так обнаруживаем и их стремление к объединению в самостоятельные социальные группы, кланы, партии, творческие союзы и др. Такое объединение идет именно на основе различных форм общности. Социальная самоорганизация и понимается часто как форма таких возникающих на базе общего добровольных объединений людей. Общность же лежит и в основе образования зем-

ляществ, даже мафиозных групп. Она создает притягательность людей друг для друга, без нее невозможно представить социальную самоорганизацию. Общность территории создает базу для образования муниципальных округов и т. д. (подробнее о совмещении по граням отличного, общего см.: *Васильев, Зобов, Келасьев, 1998*).

Остановимся теперь на совмещении составляющих социума уже самими фактами существования (имея в виду фундаментальность этой грани). В контексте развитой концепции его динамика предполагает ряд стадий.

Сначала совмещение социальных субъектов фактами существования порождает связку отвержения/поддержки. Сам ее смысл сигнализирует о том, поддерживает или отвергает нечто происходящее в обществе сам факт его бытия. Такая связка — всегда форма самоотражения. И в обществе имеется много каналов, материализующих это самоотражение через связку отвержения/поддержки (социологические службы, СМИ, мнения экспертов, общественное мнение и др.). Это самоотражение — начало самоосознания обществом того, разрушает или сохраняет его происходящее в нем же. Связка — прямой сигнал об этом (она говорит об этом устами социологических служб, СМИ, мнений экспертов и др.). Но акцентируемся на фундаментальной проблеме двойственности существования. Как она здесь представлена? Можно ли ее здесь обнаружить? Да, можно, и вот в какой форме. Само наличие связки отвержения/поддержки всегда отражает то, что некоторые социальные субъекты ведут двойственное существование, тянутся своим бытием в бытие других социальных субъектов, переходят в другое бытие. Иными словами, налицо именно уже описанная двойственность существования. И такая двойственность существования вступает в противоречие с фактом бытия исходного социального целого, сталкивается с бытием социального целого, которое требует всегда определенности, единственности бытия социальных субъектов, отрицает двойственность их бытия (своей сутью предполагая именно такую единственность). Налицо уже описанный конфликт фактов существования. В общем, соотношением фактов существования целостности и связки порождается уже знакомая ситуация «невозможности быть», «стоп-процессов» — т.е. самоотрицания. Есть и единственное бытие и его двойственность. И требуется некоторый обходной путь преодоления «стоп-процессов». Найти этот обходной путь позволяет позиция «как сохранить себя». И она «включается», как только формируется сама ситуация «невозможности быть» (самим механизмом самоотрицания — ибо тому что есть, быть нельзя). А позиция «как

сохранить себя» формирует обходной угол зрения — процессы направляются ею в боковое, обходное русло оценкообразования. Ответить на вопрос, «как сохранить себя», может только оценка.

Оценка (в форме явлений морали, права) при этом — условная форма преодоления обнаруживающейся ситуации «невозможности быть». Да, действительно, быть невозможно, но с точки зрения того, что один из конфликтующих фактов существования (стоящие за ним составляющие) смыслом качеств морали или права уже начинает вводиться или выводиться из состава бытия имеющейся целостности, им быть уже оказывается возможно. Вето на право быть снимается. Области самоотрицания, самоотвержения, «невозможности быть» становятся «нормальными областями». Таким образом, абсолюты морали, права, внося условность в происходящее в целостности (за счет генерируемых ими действий введения, выведения), позволяют осуществить скачок из состояния самоотрицания в «нормальное» состояние, реализуют возможность, право социальной целостности быть всегда. Оценки (в виде явлений морали, права) — конкретные средства преодоления обнаруживающейся ситуации «невозможности быть». Другое дело, что это введение/выведение в принципе не способно преодолеть конфликт целостности со связками. Представленную в связке ДЕОЙственность бытия никак и ничем не совместить с требованием единственности бытия целостности, внутри которой связка находится. И мораль, право, вводя или выводя своим смыслом что-то из состава бытия целостности, порождают лишь иллюзию такого «примирения» целостности и связки. Процесс введения/выведения снова как бы отождествляется с самим финалом разрешения конфликта, но этот финал так никогда и не наступит. Однако поскольку иллюзия достижения финала запущена, то и возникает впечатление, что он достигим, реален (право целостности быть всегда как бы гарантировано). Целостность и в этой сфере бьется все в тех же попытках преодолеть конфликт в собственной внутренней среде. Но на этом уровне обнаруживаются уже и новые средства реализации ее попыток — ими выступают именно явления морали, права, хотя они по своей сути — те же оценки.

На этом примере мы еще раз видим «драму» всех целостностей, отягощенных неразрешимым конфликтом в собственной внутренней среде. Им, действительно, никак и ничем не вывести связки из состава собственного бытия — остается только порождать попытки такого выведения через различные условные средства. Реализующие эти попытки в применении к такой целостности, как социум, явления мора-

ли, права, порождают активность социума, выступают активной силой, производящей (творящей) самоизменения в социуме. Они могут быть сильно или слабо выраженными, обеспеченными или не обеспеченными ресурсами для реализации своего смысла, рассматриваться в контексте всей истории социогенеза или кратких исторических периодов. Но они всегда ориентированы на преодоление хаоса во внутренней среде, на преодоление «стоп-процессов».

На базе же введенных представлений можно проанализировать и появление «социальной чувствительности» — т. е. начала существования для социальной целостности бытия некоторых событий, явлений. Вначале они могут быть по каким-то причинам «не замечены» социумом, не введены в факт его бытия. Но, оказываясь во внутренней среде социальной целостности, эти события сталкиваются с качествами внутренней среды социума, смыслом отражений, самоотражений, Я социума. Они должны преобразовываться под эту внутреннюю среду, становиться тем, что требуется сутью ее составляющих. Качества отражений, рефлексии, Я социума требуют превращения их в нечто «для себя», для внутреннего пользования. Под напором внутренней среды отображенные события должны неизбежно становиться условными значениями, превращаться в нечто «для себя», для целостности (в некоторые качества отражения и самоотражения целостности). Только так они могут быть «замечены» социальной целостностью, «выделены» ею, введены в факт ее бытия. А это требует присвоения отображенным событиям некоторого наименования (имени). Неизбежно появление такого наименования (имени), вводящего их в факт бытия социальной целостности. «Начало существования» событий для социальной целостности — это именно присваивание событиям такого наименования (имени), означающего, что эти события «замечены», «выделены» социальной целостностью, введены в факт ее бытия.

Так было, скажем, с появлением различных наименований (имен) для молодежных, экологических движений, «не замечаемых» вначале по тем или иным причинам социумом. Общество могло быть определенное время «нечувствительным» к этим движениям. Да, шли новообразования в его внутренней среде, но оно не вводило их в факт своего бытия, «не замечало» их. Однако эти новообразования оказывались постоянно в сфере бытия такой целостности, как социум, что требовало придания им статуса ЕСТЬ для социума, того, чтобы они «начали существовать» для социума. Под давлением этой необходимости они в конце концов наделялись некоторыми ярлыками — наименованиями, означающими, что они «замечены», «выделены» со-

циумом, «начали существовать» для него. Далее эти наименования (имена) разворачивались до уровня более развитых теорий, касающихся роли этих движений в жизни общества, их будущего и т. д.

Появление этих наименований (имен) означает, что они, как и составляющие внутренней среды социума, теперь «ведут существование». Такое существование уравнивает их с составляющими внутренней среды социума.

Интересен и аспект «социальной чувствительности», касающийся самого человека. Человек как социальный субъект заинтересован в том, чтобы общество как можно скорее «заметило», «выделило» факт его существования. А известно, что общество может проявить «чувствительность» к человеку, если он будет занимать высокий статус, должность, обладать престижными вещами, богатством, достигнет ярких результатов в какой-то деятельности и т. д. Средства такого повышения «социальной чувствительности» к себе у человека достаточно многообразны.

Таким образом, механизмы порождения и «социальной чувствительности» в определенной мере подобны тем, которые уже были описаны применительно к явлениям психогенеза.

Выходит, в основе и психо- и социогенеза лежат некоторые общие механизмы. Исходная гипотеза, таким образом, частично оправдывается. И общество на самом деле может рассматриваться как одна из форм целостности. Ее (как всякой целостности) структура, динамика в общих чертах проясняется.

Но если это так, если общество — разновидность целостности с уже описанной в общем виде структурой, слоями явлений, то в нем следует, по-видимому, искать и более конкретно описать эти различающиеся слои явлений — динамического целого, процессов совмещения, порождения новых качеств, — охарактеризовать самоорганизационный цикл. Как конкретизируется введенный ранее понятийный аппарат применительно к специфике социальной целостности? Само различие слоев явлений в социальной целостности должно вытекать все из той же методологии исследования, в котором исследователь может занимать позицию или внешнего наблюдателя или теоретика, учитывающего факт вхождения в целое. Попытаемся развернуть прежнюю методологическую схему исследования целостности.

4.2. ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОЕВ ЯВЛЕНИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

Итак, с позиций излагаемой нами концепции общество можно рассматривать как разновидность целостности с уже выявленными в общих чертах слоями явлений.

Из приведенных методологических соображений в социальной целостности удобно выделять следующие слои явлений.

Слой динамического целого (в определенном смысле это нижний слой явлений в социальной целостности). Этот слой выступает на первый план, если мы анализируем общество с позиций некоторого внешнего наблюдателя (эмпирика). Реальностью для внешнего наблюдателя или эмпирика выступает только то, что он видит, непосредственно наблюдает, фиксирует, — отдельные люди, малые группы, коллективы, организации, их активность. Вхождение в целое наблюдатель не видит, не учитывает. Общество предстает перед социологом в этом случае данной своей стороной — видимыми компонентами (социальными субъектами) и их связями. Такая позиция наиболее близка к позиции социального бихевиоризма. Но эта позиция выглядит весьма уязвимой — необходим учет и других, более высоких и одновременно менее очевидных слоев явлений. Социальная целостность при сведении ее только к видимому слою явлений была бы слишком упрощенной, обедненной.

Промежуточный слой явлений в социуме существует в виде процессов совмещения (это уже более скрытая от наблюдателя сторона явлений). Процессы совмещения порождаются тем, что люди, группы и организации всегда оказываются включенными в целое. Такое целое, как говорилось, может выступать в различных формах: в виде общей деятельности, единой территории, общей культуры, единого государства и др. Вхождение же в любые формы целого всегда требует некоторого согласования, совмещения, гармонизации компонентов нижнего слоя. Как уже было сказано, процессы совмещения обнаруживаются в широком диапазоне: от живой клетки до общества. Без их учета социологическими теориями невозможно построение самоорганизационной концепции общества, а тем самым невозможно понять общество как саморазвивающуюся целостность. Процессы совмещения внешне проявляются в форме взаимодействия социальных субъектов (оно неизбежно, раз есть вхождение в целое).

Верхний слой образуют явления в разнообразии новых качеств, порождаемых в результате процессов совмещения составляющих

нижнего слоя. Такими новыми качествами и одновременно условными средствами согласования, совмещения составляющих нижнего слоя (активности людей, социальных групп и др.) выступают явления морали, права, управленческие решения, различные формы осознания обществом самого себя.

Явления верхнего слоя, таким образом, крайне многообразны. Сюда относятся морально-оценочные, правовые, логико-рациональные компоненты. Остановимся подробнее на явлениях верхнего слоя.

Выработка норм права диктовалась необходимостью согласования действий, поступков, намерений и целей множества людей, социальных групп, которые находились в рамках одной территории, одной области деятельности, одного времени. Требовались такие средства согласования, которые не вредили бы отдельным социальным субъектам и сохраняли социум. Их функцию и стало выполнять право. Его появление было предопределено самой формой человеческого общения, условиями существования людей.

Такую же функцию выполняют и мораль, нравственность. Дисбаланс, несогласованность, противоречивость отдельных компонентов социума приводят к размыванию условий его существования. Люди, проживая вместе, не могли не видеть, что необходим ограничитель их свободы, средство совмещения их друг с другом с точки зрения поддержания существования социума.

Мораль и право внешне, конечно, различны. Но механизмы их порождения едины.

Люди, социальные группы всегда находятся в рамках целого, их поведение, активность должны быть такими, чтобы сохранять социальное целое. А эту функцию выполняет как право, так и мораль, а также религия, культура, нравственность. Скажем, известно, что религия выполняет функцию «моральной общности», коллективного идеала, объединяющего людей, дающего людям общие моральные нормы и правила поведения.

Явления верхнего слоя отражают то, что нужно для сохранения социума, программируют его активность в направлении самосохранения. Необходимость самосохранения представлена в самом смысле явлений верхнего слоя — своеобразных «стражей» сохранения его бытия.

Эту же функцию выполняют и многочисленные управленческие решения, которые согласовывают какие-то ситуативные разногласия, противоречия в социуме. Мораль и право являются долговременными, стабильно действующими регуляторами, рассчитанными на длитель-

ное время. Если же нужно согласовать интересы в данный момент, то применяются управленческие решения. Все явления верхнего слоя порождаются в паре «сам о себе», предназначены социумом для себя. Они протекают в рамках социума, неотчленимы от социума, ненаблюдаемы извне. Смысл явлений верхнего слоя принципиально ненаблюдаем извне.

Есть все основания говорить о понятиях «дух толпы», «коллективное бессознательное», «дух народа», «общественная мораль», «нравственность», «общественное мнение», «коллективные настроения» как явлениях верхнего слоя.

Когда мы говорили о явлениях верхнего слоя на уровне отдельного человека, то имели в виду и такие качества, как способность к преобразованиям, установлению общего, памяти и др. На уровне общества они не потеряны, а, наоборот, усилены во множество раз. В социуме усилия и опыт многих отдельных индивидов по совмещению различий как бы аккумулируются и складываются (закрепляясь в языке), и преобразовательная способность в результате накапливается, многократно усиливается. Преобразовательные функции, их богатство и возможности собираются из поколения в поколение, сохраняются и передаются через язык, становятся основой формирования социального опыта, способного усиливаться с каждым поколением. В результате человечество в процессе смены поколений и накопления этих преобразовательных качеств становится обладателем мощного преобразовательного потенциала, способного менять как внешнюю среду, так и самого человека. Эта же преобразовательная способность является основой для прогнозов и предвидения событий в социуме, построения моделей возможного будущего, перспектив развития и др. Средством таких преобразований выступает техника. В результате коллективная преобразовательная деятельность далеко выходит за пределы преобразовательных возможностей отдельного человека и превращается в преобразовательную силу общества. Это тоже новый слой явлений. Трудно даже измерить силу, масштабы этих преобразовательных возможностей социума. Во всяком случае, благодаря им, как мы уже знаем, социум настолько успел преобразовать планету, природу на ней, что сформировалась мощная искусственная технотронная цивилизация, достигшая высокого уровня в развитии науки и техники. Однако неожиданно для самого социума его преобразовательная активность стала угрожать уже самому его существованию.

Так как перед обществом стояла задача совмещения его компонентов и по грани общего, то ему требовалась операция установления,

вычленения этого общего. Социум располагает также усиленной, по сравнению с индивидом, и закрепленной в социальном опыте мощно выраженной способностью к обобщениям, выявлению инвариантов во всех сферах его жизнедеятельности. Она также относится к явлениям верхнего слоя социума.

Для сохранения социума ему требовалась также способность удерживать, сохранять бытие ранее происходящих в нем и с ним событий, с тем, чтобы использовать их для собственного самосохранения. Функцию такого сохранения и удержания бытия уже имевших место социальных событий могла выполнить только социальная память. Ее мы обнаруживаем в многочисленных письменных текстах, языке, памятниках литературы и искусства, в архитектуре, в памятниках культуры и др. Память социума также относится к явлениям верхнего слоя.

Совокупность преобразовательных способностей социума, функций обобщения, социальная память образует то, что можно назвать рациональным компонентом явлений верхнего слоя социума. Его функционирование должно регулироваться морально-оценочной составляющей. Без такой подчиненности морально-оценочному компоненту преобразовательные силы могут принести непоправимый вред природе и самому обществу. Это в сущности уже во многом и произошло.

К явлениям верхнего слоя относится, как говорилось, определенный образ самого себя, процессы самоотражения, имеющиеся у каждого общества. Они представлены в явлениях литературы, искусства, данных социологических исследований, философских построениях и др. Это самопонимание обществом самого себя может быть как адекватным, так и неадекватным.

Как и на уровне отдельного человека, это отражение социумом самого себя является центром его активности. Морально-оценочный компонент адресует рефлексивному компоненту свой смысл. Средства согласования в виде права, морали трактуются с позиций принадлежности их некоторому «Я». Их смысл адресован этому «Я» социума.

Право и мораль позволяют оценить это «Я» социума как правовое или неправовое, как моральное или неморальное, т. е. как «хорошее» или «плохое» с точки зрения сохранения общества, его социального здоровья. Этот образ «Я» общества оказывается поэтому оценочно нагруженным, как и в случае индивидуального самосознания. Может быть реализовано эгоистическое или альтруистическое состояние общества. Иначе говоря, образ «Я» общества всегда истолкован с право-

вых и моральных позиций. Ясно, что с точки зрения его самосохранения желателен такой образ «Я», который является «хорошим» с точки зрения правовых и моральных норм.

Это осознание обществом самого себя и происходящего в нем, интерпретированное смыслом правовых и моральных абсолютов, может потребовать что-то преобразовать в социуме, создать нечто принципиально новое — для этого используются преобразовательные возможности и начинается функционирование саморегуляционного комплекса, включающего в себя эту рефлексию, мораль, право, исполнительные возможности в виде техники.

В общем, породившись, явления верхнего слоя самим своим смыслом начинают оказывать обратное влияние на явления нижнего слоя. Эти идущие от Я социума, морали, права влияния через технику или специальные средства коммуникации направлены на поведение отдельных людей, социальные группы, организации, они корректируют их поведение, активность. Такое обратное влияние исходит из сути рефлексии, права и морали, выступающих в виде некоторых абсолютов, поддерживающих или отвергающих что-то происходящее в социуме.

4.3. САМООРГАНИЗАЦИОННЫЙ ЦИКЛ СОЦИУМА

Саморазвитие социальной целостности осуществляется по следующей схеме. Люди, социальные группы, организации, находящиеся в рамках целого, должны пройти этап совмещения своих действий, интересов и целей — породить новые качества, совмещающие их интересы и цели. Далее самим своим смыслом эти новые качества корректируют движимое этими интересами и целями поведение социальных субъектов в соответствии с требованиями человеческого общежития. Самоорганизация и выступает сначала как движение от нижнего к промежуточному и верхнему слоям явлений и далее как обратное влияние явлений верхнего слоя на поведение составляющих нижнего слоя. В результате поведение социальных субъектов становится более ориентированным на сохранение социальной целостности.

Процессы, начавшись с уровня отдельных людей, социальных групп, замыкаются, заканчиваются на них же. Этот цикл лежит в основе механизмов совершенствования социума на протяжении как длительных, так и более коротких интервалов времени. Понятием социальной самоорганизации очевидно предполагает такой цикл.

Иными словами, говоря о социальной самоорганизации, мы имеем в виду формирование различных форм отражения, самоотражения, качеств завершающих абсолютов, их синтеза и их обратного влияния на происходящее в обществе. Этот механизм, с нашей точки зрения, является достаточно универсальным, проявляющимся на уровне всех обществ (и всех этапов общественного развития).

У человека, как говорилось, этот цикл реализуется через формирующуюся на базе самопознания самооценку, которая, оформившись, начинает оказывать обратное влияние на его поведение, активность, задавая ей определенную направленность, внося в нее коррективы и развивая тем самым человека. Конечно, формирование самоорганизационного цикла как у человека, так и, особенно, у общества— длительный и противоречивый процесс, его становление происходит не сразу.

Но применительно к социуму в полном объеме понятие этого цикла предполагает, что происходящее в обществе должно именно подняться с уровня людей, социальных групп до уровня рефлексии, осознаться в Я социума (явлениях морали, права, законодательных решениях)— и далее уже начать влиять своим смыслом на активность, поведение отдельных людей, групп, деятельность всех социальных субъектов, чтобы осуществить требуемые самоизменения. Это и будет проявлением самоорганизации общества. Если нарушены какие-то этапы в этом процессе, то нарушена и его самоорганизация.

Чтобы социум был подлинно саморазвивающимся, необходимо, чтобы процессы в нем проходили в соответствии с указанной схемой. Фактически здесь перед нами новая методологическая схема, которая может использоваться для анализа современного общества. В ее рамках* открывается много путей и стратегий для исследования. Сопоставляя все происходящее в обществе с идеализированной схемой саморазвития, можно выявить заблокированные механизмы саморазвития в социуме. Например, для нормального и эффективного развития социума нужны активно протекающие в нем процессы совмещения интересов людей и социальных групп.

Следовательно, имеет смысл искать факторы, стимулирующие активизацию процессов совмещения. В качестве таких факторов могут выступать: повышение уровня целостности, связанности людей и социальных групп; рост информационной открытости, улучшение механизмов обмена информацией, усиление культурной общности и др. Эти проекты могут быть реализованы через соответствующие социальные технологии. Пока же в силу вялости протекания процессов

совмещения российское общество остается расколотым на противостоящие друг другу классы, слои, партии.

Еще медленнее формируются явления верхнего слоя в виде новых форм права, морали, традиций. Однако без новых форм права, отвечающих современным реалиям России, никакое согласование позиций, интересов, целей социальных групп в обществе невозможно. Это же верно по отношению к явлениям морали, крупным государственным решениям, традициям. Но без самих явлений верхнего слоя, их смысла, влияния на активность людей и групп нет и развития. Последнее достигается только в результате обратного влияния разнообразных явлений верхнего слоя на активность людей, социальных групп, отдельных организаций.

Если цикл — центральный механизм совершенствования общества, то, естественно, каждому члену общества хотелось бы сделать так, чтобы он функционировал четче, эффективнее. Когда мы говорим о хаосе, анархии, неуправляемости в современном обществе, то говорим о заблокированности, вялости работы цикла.

Но следует помнить, что повышение эффективности работы цикла — дело не простое, требующее комплексного подхода, усилий разных специалистов. Скажем, самоотражение социума может формироваться очень медленно, встречаться с рядом препятствий. И конечно, нужны программы его коррекции. Но сейчас трудно дать исчерпывающие рецепты по «исправлению», адекватизации «Я», скажем, российского социума. Это самоотражение, как указывается в литературе, давно и капитально нарушено (*Васильев, Зобов, Келасьев, 1998*). В общем, по тем или иным причинам «Я» социума может быть неадекватным, и тогда вся активность социума может пойти вообще по ложному пути. Рефлексия социума — право, мораль, управленческие решения, — все многоликое «Я» социума часто именно неадекватно, или слишком запаздывает, или подчинено интересам отдельных социальных групп, или вообще не востребовано самим социумом. Но адекватность и своевременность актов самопонимания, т. е. полноценное «Я» социума, — основа точности его реагирования на очередной вызов со стороны среды или других обществ. И нужны специальные социальные технологии, ориентированные на формирование такого адекватного, полноценного, многомерного «Я» социума. Не случайно в развитых обществах сейчас нарастает удельный вес рефлексии. Рефлексия — то, что определяет сегодня прогресс, потенциал социума к развитию.

К сожалению, адекватная рефлексия может замещаться точками зрения отдельных политических партий, властных элит, харизматических лидеров. Если в отношении Я отдельного человека у психологов есть уже много рекомендаций по адекватизации, совершенствованию, то в отношении рефлексии социума такие рекомендации еще только складываются.

Сама мера зрелости, адекватности Я социума может служить индикатором уровня самоорганизации в нем. Ведь именно благодаря качествам рефлексии социальная целостность будет строить развивающий ее образ себя, избегая распада или стагнации. В связи с этим особое значение приобретают именно методы совершенствования, адекватизации Я социума.

Можно поставить вопрос о том, почему самоорганизационный цикл в российском социуме с таким трудом складывается, почему так вяло функционирует, почему столь много препятствий возникает на пути его функционирования, как их устранить? Есть, как известно, типы обществ с вялой, слабой моралью, неадекватной рефлексией, искаженными управленческими решениями и обратные им типы обществ— с мощной, сильной моралью, правом, адекватными управленческими решениями, выраженными процессами самоотражения. Как, опираясь на представления о самоорганизационном цикле, повысить роль самоорганизационных начал в обществе, разблокировать многочисленные препятствия самоорганизационным процессам?

В общем для этого надо попытаться прояснить следующие вопросы:

- что надо предпринять, чтобы повысить адекватность процессов рефлексии, как научиться синтезу разнообразных рефлексивных, моральных, правовых качеств;
- как выбрать признаваемые (хотя бы большинством членов общества) критерии самоорганизации, что положить в их основу;
- как сделать их понятными, доступными большинству населения, приблизить к людям, включить массы людей в самоорганизационные процессы, поднять социологическую культуру общества;
- как органично включить общественное мнение, и идеи, исходящие от различных социальных групп, добровольных организаций людей в общий механизм самоорганизационного цикла;
- как определить те социальные активизаторы, которые могут разблокировать препятствия на пути работы самоорганизационного цикла, поднять тем самым роль самоорганизационных начал в обществе и др.

Ядром самоорганизационных процессов в обществе, как уже говорилось, выступает адекватное, трезвое «Я» социума. При этом важно иметь в виду следующее.

В нынешней ситуации рефлексивные процессы формируются в условиях неопределенности, неоднозначности социальной ситуации с точки зрения интересов различных социальных групп. Одни социальные группы настаивают на полезности каких-то нововведений и процессов, другие, наоборот, — на их вредности. Я социума поэтому очень разнородно, многопланово, часто противоречиво. И в науках об обществе царит то же разнообразие точек зрения. В этих условиях остается только одно — обратиться к некоторым более универсальным критериям самоорганизации социума, по которым нет особых разногласий ни среди ученых, ни среди общественности. Есть ли такие критерии, начали ли они формироваться в недрах социальной политики, проблематики качества жизни — самых разных сфер социальной практики?

Думается, что эти критерии самоорганизации общества есть, и они смещаются в сторону оценки процессов в обществе с позиций интересов человека. В этом контексте можно считать, что общество находится на высоком уровне самоорганизации, если в нем хорошо человеку, если созданы условия для самореализации человека. В плене этой идеи можно было бы указать на известный индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). В него, как известно, входят показатели уровня образованности, ожидаемой продолжительности жизни, реального валового душевого дохода (*Жуков, 1995*). Действительно, вряд ли кто станет возражать, что то общество совершенно, в котором для человека созданы условия для получения хорошего образования, долгой и здоровой жизни и достойного человека материального уровня жизни. Самоорганизационные процессы и должны работать на создание такого общества. Именно оно будет упрочивать существование человека. Здесь уровень самоорганизации может оцениваться с позиций выраженности условий для самореализации человека.

В этом же плане могут рассматриваться и индекс социализации, различные «формулы счастья», «барометры» социального самочувствия, индексы депривации и др. Все это измерители самоорганизации общества с позиций интересов человека. Это один из возможных подходов к оценке уровня самоорганизации общества.

Думается, что при условии их внедрения в практику (а также законодательной поддержки властными структурами) эффективность работы самоорганизационного цикла в обществе могла быть более

высокой и, что, может быть, важнее, более понятной членам общества. Ведь динамика подобных индексов позволит более однозначно судить о том, что дало человеку правление того или иного политика, та или иная властная структура, как они повлияли на уровень самоорганизации общества, что внесли в развитие самоорганизационных начал в обществе. Эти индексы и будут выступать формой (механизмом) столь необходимого обществу социального контроля и обратной связи во взаимоотношениях власти с людьми, налаживать взаимодействие населения с властными структурами. Говоря иначе, они выступают средством решения все еще остающейся актуальной для России задачи преодоления разрыва между властью и населением.

Самоорганизационные начала не должны ничем тормозиться и во внешней среде. Для этого во внешней среде должны органично взаимодействовать три сектора: государство, рынок (бизнес) и различные добровольные объединения и территориальные сообщества. Если во внешней среде мы не находим ничего, кроме государства (доминируют лишь его структуры), то мы вместо самоорганизации получаем организацию, которая только тормозит подлинную самоорганизацию. Государство стремится решить все и вся (использовать силу, бюрократические структуры). Для инициативы людей и их самостоятельной активности просто нет места. Как известно, инструменты государства — именно власть, сила, бюрократические структуры. На них оно и опирается (хотя их потенциал и ограничен в плане регулирования происходящего в обществе). Это помимо того, что на идее же о доминирующей роли государства расцветали социальное иждивенчество, пассивность, а также базировалось убеждение в том, что все проблемы в обществе можно решить с помощью силы и власти. На этом пути российское общество, как известно, закономерно ждал крах.

Но таким же односторонним является и подход к социальной среде с позиций одного рынка. Как известно, в перестроечный период в России делали ставку на рынок, надеясь, что он обеспечит самоорганизацию. Крах здесь тоже не замедлил наступить.

Что касается роли добровольных ассоциаций людей, то она постоянно недооценивалась. И только сравнительно недавно мы начали осознавать роль добровольных ассоциаций граждан и территориальных сообществ для общей самоорганизации общества. Надо подчеркнуть, что такие добровольные ассоциации, организации людей и были той базой, на которой сформировалось общество, они первичнее и государства, и рынка. Их значимость определяется тем, что в такой сложной целостности, как общество, невозможно все запрограммиро-

вать, предвидеть, управлять всем происходящим, решать все только «сверху», идя от государства. Не может всего решить и рынок, деньги. Новые социальные движения — молодежные, «зеленые», женские и др., решают задачи, которые нельзя решить такими средствами, как власть или деньги (социализация, культурное воспроизводство, социальная интеграция). Именно в рамках таких движений активизируется способность человека к развитию, самоуправлению. Но государство тяжело расстается со своими функциями, претензиями.

В России идет мучительный поиск БАЛАНСА этих трех секторов: государства, рынка, добровольных организаций и территориальных сообществ. В обществе идет борьба между государственным и негосударственным секторами (не налажено их сотрудничество), хэтя надо говорить об обогащении общества потенциалом гражданских форм самоорганизации людей, признавать их ценность. Нас ждет длинный путь наделения добровольных организаций соответствующим статусом.

Высокий уровень самоорганизации в обществе предполагает, помимо сказанного, наличие как активности человека, так и активности социальных структур. И тормозит самоорганизацию то, что в действительности человек часто пассивен, не проявляет социальных инициатив. Социальные структуры тоже часто безразличны к человеку или, более того, вообще закрыты для него. Поэтому явно или неявно постоянно осуществлялся поиск средств привития человеку навыков самостоятельного решения проблем, развития его инициативности. Естественно было искать эти средства в рамках наиболее близкой человеку социальной структуры — органов местного самоуправления. Инициатива здесь должна проявляться им в сфере, затрагивающей его непосредственные жизненные интересы — состояние дорог, транспортное обслуживание, торговля и др. Это то, что окружает человека. Простора для проявления инициативы в решении этих весьма понятных человеку задач предостаточно. Человек при этом улучшает ближайшую среду своего обитания, должен быть заинтересован в этом.

Надо заметить, что общинный принцип управления составляет один из краеугольных камней самоорганизации развитых обществ. Казалось, так будет и в России, когда вводили муниципальное управление. Но пока население не проявляет необходимой инициативы во взаимодействии с местной властью. Да и сама местная власть тоже оказалась недостаточно готовой к взаимодействию с населением (мешает этому правовая необеспеченность местного самоуправления, недоверие населения к власти, отсутствие необходимого финанси-

вания и др.). В итоге вместо активных, ищущих друг друга целостностей (человек и социальные структуры) мы имеем во многом пассивные целостности, не умеющие конструктивно взаимодействовать друг с другом. Нужны специальные технологии активизации социального участия населения в деятельности местного самоуправления. Вариант такой технологии нами разрабатывается {Григорьева, Келасьев, 2000}. Он осуществляется в форме постоянно расширяющейся групповой дискуссии, предполагающей вовлечение все большего числа участников. Сама дискуссия проводится профессиональным (специально подготовленным) социологом, имеющим опыт налаживания конструктивного взаимодействия между населением и местной властью. Под ее решение подбирается определенный состав группы. Члены дискуссионной группы — жители муниципального образования — могут быть экспертами по конкретным социальным проблемам или случайными жителями.

Применительно к муниципальным сообществам самоорганизация очевидно разворачивается, «идет», если образуются группы соседской взаимопомощи, возникают различные формы самоподдержки жителей, программы восстановления сообщества и др.

Самоотражение, самопонимание в муниципальном сообществе осуществляется силами корпуса депутатов, которые избраны из жителей этого же округа и хорошо знают социальные проблемы и нужды своего округа. Это удачный прием адекватизации такого локального, местного Я социума. Реальная ситуация в муниципалитете, давно уже «прочувствованная», осознанная депутатами, может без проволочек воплощаться в соответствующие управленческие решения — далее смысл этих решений оказывает требуемое обратное влияние на поведение социальных субъектов, меняя, корректируя их поведение. За счет такой приближенности депутатского корпуса к конкретным проблемам муниципалитета достигается большая адекватность рефлексии, повышается эффективность работы самоорганизационного цикла.

Есть и другие пути совершенствования Я социума на разных уровнях. Дело в том, что механизмом адекватизации Я социума может быть развитая ныне социальная диагностика. Уже говорилось, что Я социума формируется часто медленно, затрудненно, порой оно искажено. И без использования специальных методов адекватизации с помощью социальной диагностики оно может быть односторонним или подчиненным интересам отдельных социальных групп. Поэтому в процесс формирования самоорганизационного цикла должна быть органично включена методика социальной диагностики, позволяющая

адекватно и оперативно осознать назревшие социальные проблемы (которые годами могут не осознаваться). Социальная диагностика, как известно, базируется на разных методах: наблюдении, групповом и индивидуальном анкетировании, телефонном опросе, мозговом штурме, сборе статистической информации от различных государственных и негосударственных учреждений, выработке социальных индексов и др. Сегодня потенциал социальной диагностики таков, что она вполне позволяет сформировать достаточно адекватное Я социума (неискаженное точками зрения властных элит, отдельных лидеров и др.). Я социума может быть максимально приближено к специфике города, района, муниципалитета. Роль такой объективной социальной диагностики в современном обществе возрастает еще и потому, что она не только ускоряет осознание социальных проблем, но и ставит препятствия на пути замалчивания или искажения социальных проблем (в обществе всегда есть заинтересованные в этом группы).

Социальная диагностика может быть ориентирована на выявление степени удовлетворения населения социально-экологической средой, транспортом, торговлей, медицинским обслуживанием и др.

Адекватизировать Я социума могут, конечно, и мнения независимых экспертов, коллективные обсуждения, сложившиеся методы принятия групповых решений.

Обращают на себя внимание некоторые уже сложившиеся технологии по адекватизации Я на уровне муниципального социума. С их помощью преодолевается то, что называется «параличом сознания» населения. Они открывают возможность для отдельных людей и социальных групп более ясно понимать и формулировать окружающую их ситуацию и выделять факторы, «посягающие» на их экономические, политические и социальные интересы.

Методы активизации формирования такого локального муниципального Я социума, в частности, были развиты и использовались районными социальными работниками (*Henderson, Thomas, 2000*).

Такая активизация рефлексивных процессов у местных жителей позволяет проживающим на конкретной территории людям лучше понять причины, понижающие качество и уровень их жизни. Теми или иными приемами, используемыми специалистами, у местных жителей формируется расширенное сознание «меня в этой ситуации» — оно способно привести к видению «меня в другой ситуации» в некотором будущем. Задача профессионала состоит в том, чтобы помочь людям ясно отрефлексировать желательное будущее состояние дел в местном сообществе, а затем работать с ними над реализацией данного состоя-

ним дел. Для этого профессионалу надо сформировать активную группу из местных жителей, способных осознать себя как «новых людей», способных взяться за задачи, о которых они раньше не могли и помыслить... Ведь жители часто лишь смутно чувствуют, что в их районе что-то «не так», и не знают того, что и как они могут сделать для изменения ситуации. Профессионал— социальный работник— принимает самое непосредственное участие в формировании адекватного самопонимания жителей. Для этого он должен уметь вдохновить людей, быть харизматической личностью, уметь перевести предварительное самопонимание в более развитое, убедить как можно больше людей местного сообщества принять этот коллективно выработанный «новый мир», поселить в них веру в его обоснованности и затем уже перевести ее в действия по изменению ситуации.

Конечно, подобные методы востребованы и в России.

Можно ставить вопрос о совершенствовании Я применительно уж; к социуму в целом.

Думается, внедрение этих методов, как и социальной диагностики, в практику социальной жизни повысило бы эффективность работы самоорганизационного цикла.

Есть, конечно, много помех и препятствий самоорганизационным процессам. Помехи эти различаются по своей природе, характеру «тормозящего эффекта», деструктивной роли в самоорганизационных процессах.

Перечислим кратко некоторые из этих помех, интерпретируя их применительно к уровню российского общества в целом:

- большое разнообразие менталитетов в российском социуме, что порождает выраженное разнообразие форм рефлексии и в итоге расколотость общества на отдельные социальные группы, по-разному понимающие ситуацию в обществе;
- общая слабость коллективной рефлексии социума, замена ее точками зрения отдельных социальных групп, харизматических лидеров, властных элит, что порождает неадекватное «Я» социума, и в итоге ложность выбираемых путей развития;
- мифологичность сознания многих россиян, что порождает ту же неадекватность рефлексии и выбор не соответствующих реалиям сегодняшней жизни путей развития;
- слабость права, морали как регуляторов происходящего в социуме, что порождает отсутствие механизмов урегулирования различных форм напряженности;

- нарастание ложных форм самореализации (через алкоголизацию, наркотизацию, преступность и др.), что порождает различные формы социальных патологий общества (адекватная рефлексия вообще не нужна вовлекаемым в эти процессы членам общества).

Можно было бы выделить и ряд других помех самоорганизационным процессам в обществе (подробнее см.: *Васильев, Зобов, Келасьев, 1998, с. 136-142*).

Понятно, что самоорганизация общества обратно пропорциональна числу таких помех. Фактически каждая из них требует специальных программ разблокирования, специальных социальных технологий по ее преодолению.

Суммируя, можно сказать, что в явлениях психо- и социогенеза действительно обнаруживается выраженный инвариант.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, предложена самоорганизационная концепция психо- и социогенеза. Для ее разработки потребовалось сформировать новый категориальный аппарат, включающий в себя специфически понимаемую целостность, процессы совмещения, порождения новых качеств, условную сферу, в которую входят качества самоотражения, абсолюты и др. Фактически предложено новое понимание целостности. Атрибутами всякой целостности выступают некоторые составляющие, их связи, процессы совмещения, новые качества, порождающиеся в их итоге и начинающие оказывать обратное влияние на проявление возможностей целостности, что ведет к самоизменениям целостности. Это самоизменение ориентировано на самосохранение.

Показано, что внутренняя среда живого «отягощена» феноменом двойственности существования, что предопределяет неизбежность порождения в целостности условной сферы (в разнообразии видов). За счет порождения условной сферы целостность начинает «понимать себя», отражать происходящее в себе в виде некоторой оценочной разумности, трактующей все с позиций своего самосохранения, у нее появляется именно «оценочный разум». Раскрыта база порождения эмоций, качества отражения и самоотражения, функций преобразования, установления общего и др.

Акцент при этом сделан на некоторых универсалиях самоорганизации, проявляющихся от простейших форм живого до человека и общества. Именно они составляют ее движущие силы и «невидимые» пружины. Явления социогенеза с этой точки зрения выступают частью: м проявлением описанных общих закономерностей.

Тем самым сформированы новые представления о рефлексии, самс отражении, оценочной разумности, морально-оценочных процессах и др.

В итоге обосновано приведенное в начале работы понимание самоорганизации как совокупности процессов, порождаемых входением в целое и выражающихся в виде тенденции к совмещению, — эта

тенденция, накладываясь на исходное разнообразие сторон живого, порождает согласующие их новые качества в виде разнообразных отражений и самоотражений целостностью себя, абсолютов, преобразований и др. Они и осуществляют самосохранение целостности, объединяются друг с другом в саморегуляционный комплекс, функционирование которого выступает как ее активность, поведение. Та же тенденция к совмещению, сформировав эти регуляторы индивидуальной активности, распространяется и на уровень отношений между целостностями и порождает такие средства совмещения людей, социальных групп, как право, мораль, законодательные акты, управленческие решения, выступающие важным звеном процессов самоорганизации на уровне социума.

Можно сказать проще и короче: самоорганизация, или процессы самоорганизации, порождаются, во-первых, самой тенденцией к совмещению, во-вторых, ее результатами — новыми качествами, осуществляющими совмещение компонентов внутренней среды живого или интересов и установок отдельных людей или социальных групп.

Самоорганизационные процессы при этом разветвляются по многим направлениям, применительно к разным сторонам живого. Невидимый конструктор, программирующий явления психо- и социогенеза — это само вхождение в целое. Порождаемые в итоге совмещения качества психики весьма многоплановы. Это и эмоции, и операции, и образ Я. Но эта их многоплановость — следствие перевода исходного разнообразия граней живого в качественно новую форму (процессами совмещения). Процессами совмещения это исходное разнообразие граней живого трансформируется в качественно новую форму — в разнообразие эмоциональных, операциональных, рефлексивных звеньев психики. Их не могло не быть, раз в основаниях живого было это разнообразие граней, к которым прикладывалась тенденция к совмещению.

Среди всех граней можно выделить грань фактов существования — именно применительно к ней порождаются эмоционально-оценочные и рефлексивные звенья психики, т. е. ядро разума любых форм целостностей. Поэтому категория фактов существования должна занять свое достойное место в теории наук о живом, включая и такие целостности, как человек и общество.

Понятие социальной самоорганизации предполагает вмешательство таких рефлексивных целостностей, как человек, социальная группа, в происходящее в себе. Они — носители особо развитых форм рефлексии. И чем адекватнее качество рефлексии, тем эффективнее

будут и результаты этого вмешательства и все действия по разблокированию препятствий самоорганизационным процессам.

На базе предложенной концепции показана база различных форм психогенезиса, психика рассматривается как единое образование. Такое единство достигается через саморегуляционный комплекс, связывающий отдельные качества условной сферы в интегративное образование. Объединяющим фактором при этом выступают процессы самоотражения, Я целостности, к которым отдельные порождаемые качества присоединяются как к своему адресату. Всегда, говоря об условной сфере, надо иметь в виду богатство качеств рефлексии, эмоций, когнитивных функций, а также обязательно функционирование саморегуляционного комплекса на основе интеграции этих отдельных качеств. В основе самоорганизационного цикла— функционирование саморегуляционного комплекса.

Разум целостности— это проявление потенциала, всех возможностей саморегуляционного комплекса. Фактически сразу с выделением живым себя из среды возникает грандиозная задача познания целостностью себя и среды, задача поиска средств такого познания. По мере накопления средства познания себя и среды живая целостность становится все более устойчивой, адаптированной к среде. В этом и состоит основная функция работы разума — повышение адаптации целостности (будь это примитивное существо, человек или общество) к среде.

Конечно, говоря о некоторых универсалиях самоорганизации, мы не отрицаем ее специфики на уровне разных форм живого. Но акцент, как уже говорилось, сделан именно на универсалиях, присущих всякой целостности. И предложенное новое понимание целостности, выделение слоев явлений, характеристик, общих для всех ее форм может выполнять роль важного методологического средства, необходимого сейчас всем исследователям живого, включая и специалистов по человеку и обществу. Ведь все они сталкиваются с разнообразными целостностями, и им нужно знать, что такое целостность в самом общем виде, какой набор характеристик это понятие предполагает, что такое условная сфера целостности, какие слои явлений в целостности представлены, какой механизм лежит в основе развития целостности, какие точки зрения можно использовать при изучении целостности. В общем, им надо иметь модель, раскрывающую смысл понятия целостности во всем объеме ее качеств. И такая модель предложена. С нашей точки зрения, она развивает понятие целостности, сложившееся в науках о живом (включая и человека), обогащает потенциал системного и

синергетического подходов, ибо наполняет понятие целостности приближенным к специфике явлений живого смыслом. Предложенное понимание целостности отражает действительно разноплановые слои явлений в ней, раскрывает логику их взаимодействий, по-новому освещает традиционную проблему соотношения материального и психического. Целостность предстает во всем объеме разноплановых качеств. Акцент же только на отдельных группах ее качеств сильно сдерживает развитие не только теоретических исследований, но и многочисленных разделов практики.

Важная черта нашей модели состоит в том, что она показывает предпосылки порождения «невидимых» условных качеств, предназначенных «для себя», для решения проблем во внутренней среде живого, завершающих абсолютов «хорошо/плохо» и т.д. Все эти отдельные качества включены в общую структуру самоорганизационного цикла, выполняющего работу по самостроительству, самосозиданию целостности.

Мир наполнен целостностями, самосозидание которых осуществляется на базе описанных универсальных закономерностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977.
- Балин В.Д.* Психологические инварианты и адаптация // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А. А. Реана, Л. А. Коростылевой. Вып.2.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживаний. М., 1984.
- Васильев Г.Н., Зобов Р.А., Келасьев В.Н.* Проблемы индивидуального и коллективного разума. СПб., 1998.
- Васильев Г.Н., Зобов Р.А., Келасьев В.Н.* Человек: генезис духа. СПб., 1994.
- Веккер Л.М.* Психические процессы. Т. 1, 2. Л., 1976.
- Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М., 1989.
- Виллюнас В.К.* Психология эмоциональных явлении. М., 1978.
- Гаазе-Ранпорт М.Г., Поспелов Д. А.* От амебы до робота: модели поведения. М., 1987.
- Григорьева И.А., Келасьев В.Н.* Социальная работа в муниципальных образованиях. Программа курса. СПб., 2000.
- Жуков В.И.* Потенциал человека: индекс социального развития россиян. М., 1995.
- Зобов Р.А., Келасьев В.Н.* Самоорганизационные процессы российского социума // Вестник СПбГУ. 1997. Серия 6. Вып.4. № 27. С. 58-69.
- Зобов Р.А., Келасьев В.Н.* Самоорганизационный подход к изучению общества: методологический аспект // Вестник СПбГУ, 1999. Серия 6. Вып. 2. № 13. С. 40-50.
- Изард К.Е.* Эмоции человека. М., 1980.
- Келасьев В.Н.* Интегративная концепция человека. СПб., 1992.
- Келасьев В.Н.* Структурная модель мышления и проблемы генезиса **психики**. Л., 1984.
- Кессиди А.Ф.* От мифа к Логосу. М., 1972.
- Кон КС.* Открытие «Я». М., 1978.
- Кремьянский В.Н.* Методологические проблемы системного подхода к информации. М., 1977.
- Курдюмов С.П.* Законы эволюции и самоорганизации в сложных системах. М., 1990.

Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Синергетика— новые направления. М., 1989.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981.

Лосский Ю. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Матурана У. Биология познания //Язык и интеллект. М., 1996.

Мышление: процесс, деятельность, общение / Под ред. А.В.Бругшлинского. М., 1982.

Пиаже Ж. Избранные психологические произведения. М., 1969.

Практическая психология / Под ред. М.К.Тутушкиной. СПб, 1993.

Пригожим И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.

Пригожий И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1994.

Психологические проблемы самореализации личности. Вып.1,2/Под ред. Коростылевой Л.А. и др. 1997, 1998.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1994.

Самоорганизация: психо- и социогенез / Под ред. В.Н.Келасьева. СПб., 1996.

Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М., 1981.

Симонов П.В. Что такое эмоция? М., 1966.

Столин ВВ. Самосознание личности. М., 1983.

Studying Artificial Life with Cellular Automata, Physica 220 (1986).

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1966.

Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.

Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2 т. Т.2. М., 1955.

Фромм Э. Человеческая ситуация. М., 1995.

Хакен Г. Синергетика: иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985.

Хакен Г. Информация и самоорганизация. М., 1991.

Henderson P., Thomas D. Skills in neighborhoods work. London; New York, 2000. P. 119-164.

Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1995.

Черников М.В. Самоорганизующаяся система (общество и человек: пути самоопределения). Вып. 1. СПб., 1994. С. 72-88.

Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. М., 1979.

Эйген М, Винклер Р. Игры жизни. М., 1972.

Эйген М, Шустер Г. Гиперцикл. М., 1982.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Г.Н. Васильев, В.Н. Келасьев).....	3
Глава 1. О Месте развиваемого подхода в современном научном знании (Г.Н. Васильев, В.Н. Келасьев).....	5
1.1. Краткое обоснование развиваемого подхода.....	—
* 1.2. Динамическое целое.....	10
1.3. Вхождение в целое и понятие условной сферы.....	12
Глава 2. Самоорганизационная концепция психогенеза (В.Н. Келасьев).....	16
2.1. Принцип совмещения.....	—
2.2. Грани фактов существования, отличного, общего.....	19
2.3. Предпосылки чувства «Я» как исходной точки зарождения разума.....	29
2.4. Двойственность существования составляющих целостности.....	39
2.5. Двойственность существований и целостность.....	41
2.6. Связка фактов существования, конфликт существований.....	43
2.7. Пара «сам о себе» и самоизменение целостности.....	47
2.8. Оценочный разум как средство самоизменения: детерминанты порождения.....	49
2.9. Абсолют.....	65
2.10. Вид абсолюта.....	66
2.11. Абсолюты как генераторы самоизменения целостности.....	69
2.12. Когнитивные функции.....	73
2.13. Ресурсы целостности для построения условной сферы.....	84
2.14. Соотношение качеств условной сферы.....	89
2.15. Субъектность целостности.....	102
2.16. Обобщенная модель генезиса условной сферы целостности.....	104
2.17. Средства поддержания существования целостности.....	108
Глава 3. Формирование целостности и трудности ее описания: некоторые философские параллели концепции (Г.Н. Васильев).....	113
3.1. Феномен целостности.....	—
3.2. Порядок и хаос.....	119
3.3. Норма и экстрем.....	126
3.4. Самовыделение целостности.....	131

3.5. Целостность и оценка.....	134
3.6. Самодвижение целостности.....	140
3.7. Самопознание целостности.....	144
3.8. Постигание целостности.....	149
3.9. Модели целостности.....	155
3.10. Конструктивность.....	159
3.11. Новые средства науки.....	162
3.12. Чувство в искусственных целостностях.....	166
Глава 4. Поиск инвариантов в явлениях психо- и социогенеза: самоорганизационная концепция социогенеза (В.Н. Келасьев).....	171
4.1. Процессы совмещения в социуме.....	—
4.2. Характеристика слоев явлений в социальной целостности.....	179
4.3. Самоорганизационный цикл социума.....	183
Заключение (В.Н. Келасьев).....	194
Литература.....	198

Научное издание

*Григорий Николаевич Васильев,
Вячеслав Николаевич Келасьев*

**САМООРГАНИЗАЦИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ:
ПСИХО- И СОЦИОГЕНЕЗ**

Редактор *Т. В. Глушеикова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Корректор *С. С. Алмаметова*

Лицензия ИД№ 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 23.12.2002. Формат 60x84'Лб.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,86. Уч.-изд. л. 12,56.

Тираж 350 экз. Заказ /X<4;

Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Тел. (812) 328-77-63; факс (812) 328-44-22

E-mail: books@dk2478.spb.edu

www.unipress.spb.ra

ЦОП типографии Издательства СПбГУ
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6